Мэрион Бредли

ФМ

Ветры Дарковера
Мэрион Зиммер Брэдли

Аннотация
Мэрион Зиммер Брэдли. Ветры Дарковера
1
2
3
4
5
6
7
8
10
11
12
13
14
15

Аннотация

Замок Сторн захвачен бандитами. Леди Меллите Сторн удается сбежать и она отправляется в путь за помощью. По дороге судьба сводит ее с землянином Дениелом Барроном, который с отрядом проводников направляется в горы.

В этом закрытом для землян мире, в мире почти лишенном технологий, в мире необычных способностей местных жителей, им предстоят приключения, встречи с другими расами, с богами Дарковера и многое другое.

Мэрион Зиммер Брэдли
Ветры Дарковера

1

Баррон запихал в сумку последние пожитки, туго затянул ремни и бросил в пространство:

— Вот так, и пошли они все к черту!..

Он выпрямился, кинул последний взгляд на чистый крохотный мирок жилых квартир космопорта. Построенные экономно (это было первое земное строение на Дарковере в той зоне, что позже стали называть Торговым Городом), они чем-то напоминали кабину космического корабля — узкие, светлые, чистые и тесные, мебель жестко функциональна и почти вся встроенная. Они прекрасно подошли бы космонавтам. Наземный персонал — дело другое, у них начиналась клаустрофобия.

Баррон тоже был недоволен своей квартирой и неоднократно заявлял, что места в ней хватит, как раз на двух мышей, при том условии, что одна из них сидит на диете. Но сейчас, покидая ее, он чувствовал странную, почти ностальгическую тоску. Он прожил тут пять лет.

Пять лет! Я не собирался торчать столько на одной планете!

Он вскинул сумку на плечо и последний раз закрыл дверь своей квартиры; Коридор был столь же функционален, что и жилые помещения, схемы и карты покрывали его стены до уровня глаз рослого человека. Баррон шагал не глядя на знакомый рисунок, бросив лишь короткий горький взгляд на диспетчерское табло, на свое имя в красной рамке. Он получил пять красных полос официальных замечаний, а за семь человека просто вышибали из космической службы.

И не удивительно, думал он, все было честно, в сущности, со мной еще мягко обошлись. Чистая случайность, а ни в коем случае не моя заслуга, что крейсер и картограф не столкнулись и не смели космопорт и половину Торгового Города впридачу!

Он плотно сжал губы. Он как школьник страдал от плохой отметки, но это еще не все. Большая часть работников Земной Космической службы проводила без единого замечания все двадцать лет — он же получил пять в ту единственную страшную ночь.

Но в этом не было его вины.

Была, черт побери! Кого еще мне обвинять?! Лучше бы мне было сказаться больным.

Но я же не был болен!

Красная рамка означала: грубое нарушение обязанностей, возможность смертельно опасного инциндента с приземляющимся кораблем. Его нашли буквально спящим на работе. Но, черт побери, я не спал!

Галлюцинация?

Попробуй, докажи им это! Скажи, что когда нервы и мышцы должны быть прикованы к главному диспетчерскому пульту, ты находился где-то не здесь. В глубоком сне, оглушенный цветами, звуками, запахами, яркими вспышками. Ты горбился на ледяном ветру, под темно-пурпурным небом, а над головой пылала красная звезда — солнце Дарковера — которое земляне зовут Кровавым. Но ты никогда не видел его таким, переломленным в радужных призмах, словно сквозь огромную кристаллическую стену. Ты слышал, как звенят твои шаги по ледяному камню, — а пульс подстегивает ненависть, и волна адреналина вздымается в крови. Ты кидаешься бежать, чувствуя, как ненависть вздымается в крови, поднимается у тебя в груди, что-то перед тобой отступает — мужчина, женщина, зверь? — неважно — и ты слышишь собственный рык, когда опускается плеть и раздается крик…

Сои рассеивается в кошмарном грохочущем вое

гудков, сирен и звонков: АВАРИЯ! — загорается повсюду, и твои рефлексы оживают. Никогда ты не действовал с такой скоростью. Но поздно. Ты нажимаешь не на ту кнопку, диспетчерская башня парализована этой важной восьмисекундной задержкой, и только маленькое чудо интуитивной навигации юного капитана картографа — он получил за это три медали — спасает космопорт от катастрофы. А те, что остались в живых — и двадцать лет спустя будут просыпаться с криком от кошмарных снов.

С тех пор никто не сказал Баррону ни одного лишнего слова. Красная рамка вокруг имени превратила его в парию.

Ему надо было к 23.00 вечера освободить комнату и явиться за новым назначением, но никто не позаботился сказать — куда. Так просто — пять лет в дарковерском космопорте и семнадцать на службе — коту под хвост. Он не считал, что с ним плохо обошлись. В Земных Космических Силах не было места для таких ошибок.

Коридор окончился дверью, табличка, которую Баррон не замечал, так как видел ее почти каждый день на протяжении многих лет, показывала, что он в Центральной Координаторской. В отличие от строений, где размещались жилые

комнаты, это было сложено из местного дарковерского камня, полупрозрачного и белого, как алебастр, с огромными застекленными окнами. За ними виднелись мигающие голубые огни космопорта, контуры машин и кораблей на стоянках, а еще дальше — бледное, зеленоватое свечение луиы. До восхода оставалось полчаса. Он пожалел, что ему не удастся позавтракать, но затем обрадовался этому. Баррон не был чувственной и тонкой натурой, но то, как люди игнорировали его в кафетерии, любого бы лишило аппетита.

Он мало ел в эти последние два дня.

Впрочем, всегда оставался Старый город, дарковерская часть Торгового Города, куда он иногда выскальзывал в поисках экзотической пищи, когда приедался стандартный рацион. Существовало немало ресторанчиков, обслуживающих космонавтов и туристов, искавших «экзотические деликатесы». Но у него не было настроения пытаться миновать охрану, сейчас его могли задержать. Они могут решить, что он собирается избежать суда. Официально он не был арестован, но имя его было запятнано.

Оставив сумку за узкими дверями лифта, он вошел внутрь и нажал самую верхнюю кнопку. Лифт взмыл вверх к диспетчерской. Он опустил

голову, прошел мимо, не заглядывая внутрь, и направился в пристройку, где помещалась координаторская.

А затем, без перехода он оказался на высоком парапете, ледяной ветер вился вокруг него, набрасываясь на тело с силой достаточной, чтобы порвать одежду, заставляя кожу морщиться от боли и холода. Под ним кричали, стонали и гибли люди под звуки сшибающейся стали. Он слышал, как с тяжелым хрустом рушатся камни, словно предвещая конец света. Он ничего не видел. Прижимаясь к камню, чувствуя, как мороз огненными челюстями кусает его негнущиеся пальцы, он боролся с подступающей слабостью и тошнотой.

Столько людей… столько мертвых и все они мои люди, мои друзья…

Он оторвался от камня. Пальцы его свело так, что их пришлось разжимать другой рукой. Он схватил развивающуюся одежду, чувствуя мгновения нелепого физического комфорта в прикосновении плотной шерсти к застывшим ладоням, и поспешно двинулся вперед, наощупь, сквозь мрак слепоты. Он двигался как во сне, зная, куда он идет, но не зная — зачем.

Ноги сами находили знакомый путь. Он ощу-

тил, что сошел с каменных плит на деревянный паркет, на толстый ковер, спустился по длинной лестнице и поднялся по другой — все дальше и дальше, пока далекие отзвуки битвы и рушащихся стен не исчезли, пропали. В горле застрял комок, и он всхлипывал на ходу. Он прошел сквозь низкую арку, автоматически склонив голову под каменным сводом, который никогда не видел и никогда не увидит. Его коснулся поток холодного воздуха, он нащупал во тьме что-то похожее на растрепанный пучок перьев, быстро дернул его вниз, натянул его, погрузив голову в пух.

Он почувствовал, что падает и в то же время поднимается, взмывая ввысь, устремляясь наружу на крыльях пушистой субстанции. Тьма внезапно рассеялась и исчезла, свет пробился к нему, но не через глаза, а словно пробился через кожу — он ощутил холодное красноватое свечение и морозные облака. Невесомый, парящий в своем перистом одеянии, он взмыл вверх по направлению к неожиданному сиянию зари.

Он быстро привык к своему птичьему обличию и, склонившись на крыло, повернулся, чтобы посмотреть вниз.

Цвета были странными, блеклыми, очертания

искривленными, погнутыми. Он видел их нечеловеческими глазами. Далеко внизу роились люди в грубых темных одеждах, собравшись вокруг покрытой кожей башни рядом со стеной. Летели стрелы, раздавались крики, со стены упал человек и с долгим отчаянным воплем ушел из поля зрения. Он резко ударил крылом, чтобы кинуться вниз, и…

Он стоял на твердом полу, стирая пот ужаса с лица.

Он был здесь. Он был Деном Барроном. Он не был призраком в перьях, летящим над странным вогнутым ландшафтом, борясь с дикими потоками ветра. Он посмотрел на свои пальцы и засунул один в рот. Он казался бесчувственным, замерзшим. Камень был холодным…

Снова то же самое.

Так реально, так чертовски реально. Он все еще был покрыт гусиной кожей и моргал глазами, слезившимися от дикого ветра. О господи, подумал он и передернулся. Кто-то подсунул ему галлюциген? Зачем?! У него, насколько он знал, не было врагов. У него не было и настоящих друзей — он не из тех, кто заводит их в чужих провинциях — но и врагов тоже. Он делал свое дело, не совал нос в чужие заботы и не знал нико-

го, кто мог бы завидовать ему, тому немногому, чем он владел, или той трудной и не совсем хорошо оплачиваемой работе, которую он делал. Единственное, чем это можно было объяснить — он сошел с ума, свихнулся, сбрендил, слетел с катушек. Он осознал вдруг, что в загадочном сне, наваждении или галлюцинации он говорил и думал по-дарковерски — с сильным горным акцентом, который он понимал, но на котором не говорил, если не считать нескольких слов, необходимых, чтобы заказать обед или купить какие-нибудь безделушки в Торговом Городе. Снова он вытер лицо. Ноги сами принесли его к двери координаторской, но он остановился, пытаясь успокоить дыхание.

Итак, пятый раз.

Первые три раза это были ненормально явственные грезы, порожденные усталостью и похмельем и основанные на его нечастых, но живописных экскурсиях в Старый Город.

Он не придавал им значения, хотя очнувшись дрожал от реальности страха или ненависти, обуревавших его в этих снах. Четвертый… четвертый чуть не вызвал катастрофу в космопорту. Баррон не был человеком с воображением. Его предположения не шли дальше нервного срыва

или тайного недоброжелателя, подмешавшего ему какую-то отраву в качестве шутки, злой шутки. Он не был параноиком, чтобы решить, что все это было сделано специально, чтобы вызвать катастрофу в порту и его бесчестие. Он был в смятении, немного испуган, сердит, но не был уверен, является ли его гнев собственным чувством или частью этого странного сна.

Медлить больше было нельзя. Подождав еще минуту, он расправил плечи и постучал в дверь координаторской. Зеленым вспыхнуло — «войдите,» и он вошел.

Маллинсон, координатор службы аэропорта в Земной Зоне Дарковера, был дюжим мужчиной и в любое время дня выглядел так, словно он даже спал не снимая униформы. Он казался серьезным и лишенным воображения. Если у Баррона и были мысли поделиться происшедшим со старшим по рангу, он оставил их при себе. Тем не менее, Маллинсон посмотрел прямо на Баррона и был первым, кто сделал это за последние пять дней.

Без всякого вступления он произнес:

— Ладно, черт тебя побери, что произошло? Я поднял твое досье, ты отмечен как чертовски хороший работник. Судя по твоему опыту, люди не скапливают замечательных рекомендаций,

чтобы потом сломать их таким образом. Человек нацелившийся на крупную ошибку, начинает с дюжины мелких, и у нас есть время передвинуть его с опасного места, прежде чем он действительно что-нибудь свалит. Ты заболел? Не то, чтобы это извиняло тебя — тебе следовало бы доложить и попросить замены. Мы думали, ты умер от сердечного приступа — не приходило в голову ничего другого, что могло бы так замедлить твою реакцию!

Баррон вспомнил диспетчерскую и огромный экран, отражающий все прибывающие и уходящие рейсы. Маллинсон произнес, не дав ему времени ответить:

— Ты не пьяница и не наркоман. Знаешь, большая часть людей протягивает на пульте около восьми месяцев, прежде чем чувство ответственности оделяет их кошмарными снами, они начинают делать маленькие ошибки, мы убираем их и перемещаем на другое место. Ты не сделал ни одной ошибки, нам следовало бы сообразить, что ты просто недостаточно умен — маленькие ошибки это просто просьба о помощи: мне слишком тяжело, уберите меня отсюда. У тебя этого не было, но нам все равно нужно было убрать тебя. Именно поэтому ты не уволен и не

выкинут к черту с семью замечаниями и тысячекредитным штрафом. Мы держали тебя на пульте пять лет и могли сообразить, что нарываемся на неприятности.

Баррон понял, что Маллинсон и не ждет ответа. Люди, сделавшие ошибки такого калибра, никогда не объясняют причин — знай они о них, они бы поберегlись заранее.

— С твоим досье, Баррон, тебя можно было бы переместить на Рим, но есть вакансии и здесь. Я понял, что ты говоришь по-дарковерски?

— На языке Торгового Города. Понимаю и другие, но с трудом.

— Тем более. Разбираешься хоть немного в исследовании и картографии?

Баррон дернулся. Именно картограф чуть не разбился пять дней назад, он постоянно торчал в его мозгу, но взгляд на Маллинсона убедил его, что тот просто интересуется; а не хочет уязвить.

— Я читал пару книг по ксенокартографии — не более.

— В ошлифовке линз?

— Основы. Большинство детей делают телескопы того или иного типа. Я делал.

— Этого достаточно. Мне не требуется эксперт, — сказал Маллинсон с кислой улыб-

кой. — Их у нас достаточно, но это разозлило бы дарковерцев. Теперь, что ты знаешь о культуре Дарковера?

Не понимая, куда он клонит, Баррон ответил: — Обзорные лекции номер 2,3,4, пять лет назад. Не сказать, чтобы они сильно требовались в порту.

— Отлично, тогда ты знаешь, что дарковерцы никогда особенно не занимались технологией — телескопы, микроскопы и все такое. Их предполагаемая наука шла по другому пути, и я не много о ней знаю, да и никто не знает, кроме нескольких антропологов и социоэкспертов. Но факт есть факт: мы, в смысле Бюро Земных Сношений, иногда получаем запрос на небольшую техническую помощь от отдельных личностей. Не от правительства, если оно вообще существует, в чем я лично сомневаюсь — но речь не об этом. Кто-то, где-то — я не помню деталей — решил, что для наблюдения за лесными пожарами телескопы будут совсем небесполезны. Эта идея каким-то образом проползла вверх по всем каналам, по которым требовалось, и дошла до Совета Старейшин в Торговом Городе. Мы предложили продавать им телескопы. О нет, сказали они вежливо, лучше пусть кто-нибудь научит их людей как это делается, проконтролирует сборку, уста-

новку и использование. Это не тот случай, когда мы могли бы послать запрос в Бюро Персонала и просто получить человека. Но тут есть ты, без работы, и шлифовка линз отмечена в твоем досье как хобби. Начать можешь прямо сегодня.

Баррон нахмурился. Это была работа для антрополога, офицера связи, специалиста по дарковерскому языку… Наблюдение за пожарами! Это же работа для ребенка! Он произнес резко:
— Сэр, позвольте мне напомнить, что это вне моего сектора и специальности. Я не имею опыта. Я диспетчер и расчетчик…

— Нет, вот уже пять дней как нет, — резко отрезал Маллинсон. — Слушай, Баррон, в своей области ты покойник, и ты это знаешь. Мы не хотим с позором отослать тебя отсюда не имея понятия о том, что произошло. И контракт с тобой продлится еще на два года. Нам нужно куда-нибудь тебя пристроить.

На это Баррон ничего не мог ответить. Уволиться до завершения контракта значило потерять выходное пособие и бесплатный проезд на родную планету, что могло приковать его к чужому миру и лишить годового заработка. Формально у него было право требовать назначения в рамках его специальности. Но также они могли выки-

нуть его с семью замечаниями, занести в черный список, оштрафовать и обвинить в грубом пренебрежении своими обязанностями. Ему давался шанс выбраться из всего этого не чистеньким, но и не лишенным работы навеки.

— Когда мне приступить? — спросил он. Это был единственный вопрос, оставшийся ему.

Но ответа он не услышал. Он смотрел на Маллинсона, но не видел его.

Он стоял на поляне из мягкой травы, была ночь, но не было темно. Ночь вокруг пылала и ревела гигантским огнем, выбрасывая щупальца жадного пламени высоко над его головой. А в центре пламени стояла женщина.

Женщина?!

Она была почти нечеловечески высокой и стройной, но по-детски сложенной, она купалась в пламени, словно струя водопада. Она не горела, не билась в агонии. Она казалась веселой и улыбалась. Руки ее были скрещены на обнаженной груди, пламя лизало ее лицо и огненного цвета волосы.

Затем детское веселое лицо задрожало и стало сверхъестественно прекрасным, красотой великой богини, вечно горящей в огне, коленопреклонной женщины, закованной в золотые

цепи…

…и получишь все это в Бюро Персонала и Перевозок, — закончил Маллинсон, откидываясь в кресле. — С тобой все в порядке, Баррон? Ты выглядишь немного вяло. Готов поспорить, ты не спал и не ел. Не обратиться ли тебе перед отъездом к медикам. Твоя карточка еще действует в секторе 7. Ничего страшного, но чем раньше ты уедешь, тем лучше. Желаю удачи. — Но он не подал руки, и Баррон знал, что это правильно.

Запинаясь о собственные ноги, он выбрался из комнаты, но лицо горящей женщины во всем ее нечеловеческом экстазе по-прежнему стояло у него перед глазами к его ужасу и восхищению.

Он подумал, что со мной, Боже мой, что со мной происходит? И, во имя всех богов Земли, и Дарковера, и Космоса — почему?!

2

Пролом во внешних укреплениях уже заделывали.

Брайнат Шрамолицый вышел посмотреть, как идут дела, и стоял на внутреннем парапете, наблюдая за работой. Утро было холодным, и туман поднимался вверх по склонам горы.

Люди вяло двигались на холоде. Маленькие темные горяне, большинство до сих пор в лохмотьях и боевой раскраске, их подгоняли окрики и удары плетей одного из людей Брайната.

Брайнат был высоким мужчиной, одетый в поношенное и рваное платье, на которое он сверху накинул взятый из кладовых замка меховой плащ. Большой неровный шрам пересекал его лицо от глаза до подбородка, придавая лицу, которое и так никогда не было привлекательным, волчье выражение дикого животного, которое кто-то сумел засунуть в человеческую одежду. У ног его топтался оруженосец, маленький ужасный человек, сгибавшийся под тяжестью меча Брайната. Он съежился, когда тот повернулся к нему, ожидая крика или удара, но Брайнат сего-

дня был в хорошем настроении.

— Ну и глупцы же мы, так как тратим время, чтобы снести стену, пояснил он, — и что же мы делаем в первую очередь? Строим ее заново!

Ушастый человек издал нервный подхалимский смешок, но Брайнат снова забыл о его существовании. Запахнувшись в мех, он подошел к краю пропасти и посмотрел вниз, на разрушенную стену и замок.

Замок Сторн стоял на возвышенности, защищенный ущельем и скалой. Брайнат знал, что может похвалить себя за тактически и инженерно верное решение, разбившее стены замка и позволившее его людям ворваться через пролом во внутреннее укрепление. Сторн был сложен в старые времена и считался неприступным, да и оставался таким на протяжении семи поколений Альдаранов, Дариелей и Сторнов.

Когда его населяли гордые Лорды Комина — старые могущественные, владеющие пси-энергией правители семи областей Дарковера — казалось, это протянется до конца света. Но род истощился, чужаки вошли в остатки семьи, и наконец Сторны из Сторнов пришли сюда. Они были мирными правителями без всяких претензий — мягкое и величественное благородство, они жили в мире

с соседями и своими землевладельцами, обычно покупали прекрасных горных охотничьих орлов и продавали обработанный металл из кузниц их родных племен, добывавших руду в темных скалах и обрабатывающих руду в их кузницах. Они были богаты и в своем роде могущественны, если понимать под этим то, что когда Сторны из Сторнов приказывали, то люди повиновались, но с улыбкой, а не со страхом. Они мало контактировали с другими горными племенами и еще меньше с правителями далеких гор. Они жили в мире и спокойствии.

И вот они пали.

Брайнат самодовольно рассмеялся. В своей гордой изоляции Сторны теперь не могли даже послать за помощью к своим далеким соседям-правителям. Действуя осторожно, Брайнат мог закрепиться здесь как правитель замка Сторн задолго до того как в Хеллеры и Гиады перейдет слух о том, что в замке Сторн правит новый господин. Да и будет ли кому-то дело до того, кто хозяин в замке — Сторн или Брайнат Высокий? Он в этом сомневался.

Поднялся холодный ветер, и слоистые облака затянули солнце. Люди, волочившие камни, двигались быстрее, чтобы не замерзнуть на

пронзительном ветру, а в воздухе закружились снежинки. Брайнат толкнул плечом Ушастого и не оглянувшись на него, зашагал в замок.

Внутри, вдалеке от внимательных глаз, он позволил гордой улыбке триумфа соскользнуть с губ. Победа не была полной, хотя последователи его, веселившиеся в богатых кладовых замка, могли думать иначе. Он сидел на высоком троне Сторна, но победа ускользнула от него.

Медленно спускаясь вниз, он подошел к двери, обитой бархатом и увешанной кисточками. Двое из его наемников сидели здесь развалясь, утопая в роскошных подушках. Пустые винные мехи наглядно демонстрировали, как они скрашивали время дежурства. Но при звуках его тяжелой поступи они вскочили, и один из них хихикнул с развязностью старого слуги:

— Ха-ха! Две девки лучше, чем одна — верно, Хозяин?

Видя что Брайнат нахмурился, другой поспешно произнес:

— В это утро от госпожи не слышно ни воя, ни всхлипов, Хозяин. Она спокойна, и мы не входили.

Брайнат ничего не ответил. Нетерпеливый жест, и они открыли дверь.

От грохота запоров маленькая фигурка в голубом вскочила и стремительно развернулась, длинные рыжие волосы разлетелись по плечам. Лицо, бывшее однажды очень милым, сейчас распухло и потемнело от ушибов и синяков, один глаз не открывался, но другой сверкал неугасимым гневом.

— А, волчье отродье, — проговорила она высоким голосом. Предупреждаю, еще шаг…

Брайнат легко покачался на пятках, рот его растянулся в волчьей улыбке. Он упер руки в бедра и молча изучал девушку в голубом. Он заметил дрожащие белые руки, но увидел и то, что распухшие губы неподвижны, а глаза не опущены при встрече с его взглядом. С внутренней улыбкой он одобрил это. Здесь он мог в полной мере насладиться победой.

— Что, все еще не хотите моего гостеприимства, леди? Разве я обидел вас словом или делом, или вы вините меня в грубости моих людей по отношению к вам?

Рот ее был сжат в струну.

— Где мой брат? Сестра?

— Ну, — протянул он, — ваша сестра каждый вечер посещает мои пиры, и я пришел, чтобы пригласить вас помочь этим утром леди — моей

жене — одеться. Думаю она тоскует по знакомым людям. Но, миледи Меллита, вы бледны, вы не прикасались к прекрасной пище, которую я послал вам! — он низко, театрально поклонился и поднял поднос с вином и богатыми яствами, и с улыбкой протянул ей: — Видите, я лично прислуживаю вам…

Она шагнула вперед, выдернула поднос, схватила за ногу жареную птицу и швырнула ему в лицо.

Брайнат выругался, отступил назад, вытирая жир с лица, и расхохотался: — Все ады Зандра! Дамисела, мне стоило взять тебя, а не скулящее, хныкающее создание, которое я выбрал!

Она вызывающе оглядела его.

— Сначала я бы тебя убила!

— Не сомневаюсь, что ты бы попыталась! Будь ты мужчиной, замок может быть и не пал — но ты ж носишь платье, а не штаны, замок лежит в развалинах, я и мои люди здесь, и все кузнецы Зандра не починят разбитого яйца. Так что я от всей души советую вам, маленькая госпожа, умойтесь, наденьте красивое платье и присоединяйтесь к своей сестре, которая до сих пор является Леди Сторн. Если у вас хватит разума, вы посоветуете ей примириться с судьбой, и у

вас обоих будут прекрасные одежды, драгоценности и прочие безделушки, что так ценятся женщинами.

— От вас?

— А от кого же? — проговорил он со смехом и распахнул дверь перед охранниками.

— Леди Меллите позволено передвигаться в пределах замка, где она пожелает. Но обратите внимание, госпожа, внешние парапеты, укрепления, темницы запрещены, и я даю моим людям разрешение — слушайте меня применять силу, если вы попытаетесь приблизиться к ним.

Она начала осыпать его ругательствами, но остановилась, заметно играя мыслью о столь ограниченной свободе.

Наконец она молча отвернулась, он закрыл дверь и двинулся прочь.

Возможно, это окажется первым шагом в его второй победе. Он знал, хотя люди его думали иначе, что завоевание замка было лишь первым шагом, бессмысленным без второго. Он еще раз выругался, повернулся спиной к комнате, где томилась девушка, и пошел прочь. Он поднимался все выше и выше, в самую старую башню. Здесь не было окон, лишь узкие прорези, но они пропускали не красоту дня, а необычайный

сверхъестественный голубой мерцающий свет, словно маленькие молнии. Брайнат ощутил, как странная ледяная дрожь прошла по спине.

Он не боялся обычных опасностей. Но это было древнее дарковерское волшебство, одни легенды защищали такие места как замок Сторн даже тогда, когда подводили все остальные средства. Брайнат сжал амулет на шее внезапно задрожавшими пальцами. Он считал старую магию просто фокусами, воодушевил своих наемников на штурм замка и победил. Он пировал в замке Сторн и смеялся над старыми баснями. Их магия не спасла замка, не так ли? Он считал ее сказками, годными на то, чтобы пугать детей, и не более опасными, чем северное сияние.

Он прошел сквозь призрачное сияние, через белую арку из полупрозрачного камня. Двое самых крепких и грубых его людей, самые хладнокровные, кому он мог доверить это здание, сидели здесь на старом резном диване. Он заметил, что они не пили, не играли, и взгляд их избегал касаться арки позади, где мерцающий занавес голубого сияния фонтаном бил из камней. При виде атамана на лицах их проступило открытое облегчение.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, Хозяин. Он мертв, мертв, как дурманов осел.

— Если бы я мог в это поверить… — процедил Брайнат сквозь зубы и решительно шагнул в занавес голубого огня.

Он уже делал это раньше, и это было самым смелым из его поступков более дерзким даже, чем одиночное взятие последней башни. Он знал, что его люди преклоняются перед ним за это, но именно этого он не боялся. Он видел такие штуки за горами, они были страшны на вид, но абсолютно безвредны. Он ощутил и с отвращением пережил уколы электричества, волосы, вставшие дыбом на голове и руках.

Выпрямив позвоночник и борясь с приливом животного страха, он шагнул вперед. Голубое сияние пропало. Он стоял в темной комнате, освещенной несколькими неяркими свечами, легкие портьеры окружали единственную кушетку, на которой лежал человек.

Неподвижная фигура, казалось, слабо светилась во мраке. Человек был худ, хил, с бледными струящимися с высокого лба волосами и глубоко посаженными глазами. Он был еще молод, но лицо его было резко очерчено и сурово. На нем была туника и мягкие брюки из тканого шелка,

ни мехов, ни драгоценностей, если не считать единственного камня в форме звезды, одетого, как амулет, на шею. Руки его казались мягкими и непривычными к труду — руки переписчика или жреца, ладонь, никогда не державшая меча.

Ступни его были обнажены и тоже казались мягкими, грудь не колыхало дыхание. Брайнат ощутил прежний бессильный гнев, глядя на бледного слабого человека. Сторн из Сторнов лежал тут беспомощный и все же недостижимый для Брайната.

Мысли его вернулись к первым часам после падения замка.

Слуги и солдаты были взяты в плен и спрятаны в темницу, доверенные люди были посланы связать, не причиняя вреда, хозяек. Младшего Сторна, еще мальчика, всего в крови от ран, Брайнат удостоил невольным восхищением только мальчик для защиты целого замка?! Его заточили в темницу, но собственный лекарь Брайната перевязал ему раны. Настоящей жертвой был Сторн из Сторнов.

Люди его не знали об этом, они видели лишь добычу богатого дома, могущество захваченной древней крепости, где они будут в безопасности. Но Брайнат искал более достойной добычи:

талисманы и мощь древних Сторнов. Держа в руках Сторна из Сторнов, Сторна чистой крови, он мог владеть ими а Сторн, как он слышал, был хрупким, болезненным, невоинственным человеком — к тому же слепым от рождения. Поэтому он жил затворником, оставив управление замком своим младшим сестрам и брату. Брайнат держал хозяек и мальчика. Теперь возьмемся за калеку-Лорда!

Он прорвался сквозь таинственный свет и магический огненный занавес в личные апартаменты Лорда Сторна и нашел его в недосягаемости, лежащим в нерушимом трансе.

И так уже несколько дней. Теперь же Брайнат, охваченный гневом, склонился над кушеткой, но ни одно движение мускулов не выдало того, что человек мертв.

— Сторн! — взревел он. Крик его, он чувствовал, поднял бы и мертвого.

Не шевельнулся ни единый волосок. Он мог с тем же успехом обращаться к ветрам за парапетом. Брайнат, скрежеща зубами, вырвал из ножен кинжал. Если он не властен использовать Сторна, во всяком случае, в его власти превратить беспробудный сон в настоящую смерть. Он занес нож над спящим и резко опустил его.

На половине пути нож повернулся, вспыхнул голубизной и взорвался, раскалившись добела от рукоятки до кончика лезвия. Брайнат взвыл от боли, приплясывая и тряся обожженной рукой, к которой сияющий кинжал прилип с дьявольской силой. Двое наемников, дрожа в струях голубого пламени, колебались у электрического занавеса.

— Ты… ты звал нас, ваи дом?

Брайнат дико махнул ножом в их направлении, тот сорвался и полетел. Один из них неуверенно перехватил его, вскрикнул и уронил на пол, куда тот упал с шипением и свистом. Брайнат, с потоком низких грубых ругательств вылетел из комнаты. Наемники последовали за ним с расширенным от ужаса глазами и лицами, застывшими в маске животного страха.

В каменном спокойствии, недостижимый для них в своих неизвестных владениях, спал Лорд Сторн.

Далеко внизу Меллита Сторн закончила лечить свое избитое лицо. Сидя перед туалетным столиком, она скрыла косметикой самые сильные отметины, причесала и уложила волосы, достала из шкафа чистое платье и надела его. Затем, борясь с внезапным приступом дурноты, она выпила вино с подноса.

Подумав еще мгновение, подняла с пола жареную птицу, обтерла ее и, ловко разделывая пальцами, съела большую часть.

Она не хотела гостеприимства Брайната, но, больная и слабая от голода, она была бы бесполезна для своих людей. Сейчас же, после вина и пищи, она чувствовала, как силы ее, или во всяком случае какая-то часть, возвращаются к ней. Зеркало убедило ее, что, если не считать распухших губ и синяка под глазом, она выглядит практически так же, как раньше.

И все же ничего уже не будет как прежде.

Она вспомнила с дрожью: стены, рушащиеся словно перед концом света, люди, вырывающиеся из пролома, ее младший брат Эдрик в крови от макушки до пят и белый как привидение, когда его оторвали от последнего оплота, сестра Аллира, дико кричащая, убегающая от Брайната, крики оборвались стоном боли — и тишина… Меллита кинулась за ними, пробивалась голыми руками и кричала, кричала, пока трое мужчин не схватили и не утащили ее, бьющуюся, словно связанная курица, в ее же собственную комнату, втолкнули ее внутрь и заперли.

Усилием воли она прервала воспоминания. Сейчас она относительно свободна, этим нужно

воспользоваться. Она нашла теплую накидку и вышла из комнаты. Наемники последовали за ней на почтительном расстоянии. Мрачные предчувствия овладели ею, когда она шла через покинутые залы, как призрак в заброшенном доме, преследуемая по пятам шагами незнакомых скотов. Повсюду были видны следы осады, грабежа и разрушений. Портьеры сорваны, мебель изрублена и запачкана, в большом зале виднелись следы огня и дыма и услышав голоса, она быстро на цыпочках прошла мимо. Здесь пировали люди Брайната, и даже если он и отдал приказ не трогать ее, повинуются ли ему пьяные?

А теперь — где Аллира?

Брайнат в злой шутке — но шутил ли он — представил Аллиру своей супругой. Меллита выросла в горах, даже в эти мирные дни она слышала истории о бандитских налетах: ограбленные замки, погибшие люди, женщины, насильно выданные замуж — если изнасилование можно назвать женитьбой из-за того, что при этом присутствует какой-то жрец — делалось заявление, что бандит принят в семью и все успокаивалось — внешне.

Куда Брайнат поместил ее? Несомненно, в старые королевские покои, отделанные ее предками для приема Правителей Хастуров, если бы им

вздумалось когда-либо почтить замок Сторн своим присутствием. Была в этом некая смесь богохульства и победительности, привлекательная для Брайната. С бьющимся сердцем Меллита взлетела по лестнице зная, что она найдет там.

Хотя королевские покои пустовали четыре сотни лет, ковер под ногами казался совсем новым. Эмблема Хастуров была выложена над дверью сапфирами и самоцветами, но молоток с долотом выковыряли драгоценности из стен, оставив лишь выщербленный камень.

Меллита ворвалась в комнату как ураган, с внутренней уверенностью: старое, редко используемое ЗНАНИЕ в ее мозгу — обрывки телепатических возможностей какого-то давно забытого предка — заставило ее именно здесь искать сестру. Она мчалась по комнатам, едва замечая произведенные завоевателями опустошения.

Аллира оказалась в самой дальней комнате. Девушка скорчилась в кресле у окна, спрятав лицо в ладонях, испуганная и потерянная она даже не подняла голову, когда Меллита влетела в комнату, лишь сжалась в плотный комочек шелка. Она слобо вскрикнула от ужаса, когда Меллита положила ей ладонь на плечо.

— Прекрати, Аллира. Это всего лишь я.

Лицо Аллиры Сторн было искажено слезами почти до неузнаваемости. Она кинулась к Меллите, обхватила ее руками и разразилась бурей рыданий.

Сердце Меллиты дрогнуло в болезненной жалости, но она крепко сжала Аллиру, отстранила и встряхнула так, что голова у той мотнулась в сторону.

— Лира, во имя Альдонеса, прекрати этот вой! Он никому не поможет — ни тебе, ни мне, ни Эдрику, ни нашим людям! Пока я здесь, давай подумаем. Заставь работать те мозги, что у тебя еще остались!

Но Аллира сумела только выдохнуть.

— Он… он… Брайнат… — она смотрела на сестру такими туманными глазами, что Меллита в приступе ужаса подумала, не лишило ли грубое обращение Аллиру разума. Если так, она осталась в страшном одиночестве и, может быть, лучше сразу оставить все.

Она освободилась, огляделась и увидела в буфете полупустую бутылку фири. Она предпочла бы воду или вино, но в этом случае сойдет и это. Она выплеснула половину оставшегося прямо в лицо Аллире. Жгучий спирт обжег ей глаза, Аллира задохнулась, но сейчас она смотрела на

сестру глазами отчасти нормальными. Меллита схватила ее за подбородок и силой влила в глотку полчашки, крепкого ликера. Аллира захлебнулась, глотнула, задыхаясь, брызжа слюной, а затем с гневом, сменившим истерику, отбросила чашку.

— Ты что, рехнулась, Мелли?

— Я хотела то же самое спросить у тебя, но мне показалось, что ты не в подходящей для ответа форме, — произнесла Меллита резко. Затем голосом более нежным она сказала: — Я не хотела пугать тебя, милая, или причинить тебе боль, ты вынесла и так уже более чем достаточно, я знаю. Но мне нужно было заставить тебя слушать.

— Мне уже лучше — настолько, насколько это вообще возможно…произнесла она горько.

— Ты не обязана ничего рассказывать, — быстро сказала Меллита, ускользая от того, что она прочла в мыслях сестры, они были открыты друг другу. — Но он пришел и назвал тебя своей супругой…

— Было какое-то бормотание одного из его краснокожих жрецов, и он усадил меня на трон сбоку от себя, — подтвердила Аллира, — с ножом у моих ребер, чтобы я не рискнула что-то сказать.

— Но он не причинил тебе боли, если не счи-

тать этого?

— Он не использовал ни ножа, ни плети, если ты это имеешь в виду, произнесла Аллира и опустила глаза. И, предворяя укоризненное молчание сестры, взорвалась: — А что мне было делать?! Эдрик мертв, насколько мне известно, Зандру знает где ты, он убил бы меня! — выкрикнула она и снова разразилась слезами, — ты поступила бы так же!

— У тебя не было ножа?! — взбесилась Меллита.

— Он… он отобрал его у меня, — плакала Аллира.

Меллита думала, что она скорее использовала бы его для себя, чем позволила ему сделать куколкой на троне рядом с собой. Но она не сказала этого вслух. Аллира всегда была хрупкой, мягкой девушкой, пугавшейся криков, коршунов, слишком робкой, чтобы править любой лошадью кроме дамских, столь стыдливой, чтобы не искать ни мужа, ни любовника. Меллита подавила гнев и мягко произнесла:

— Ладно, милая, никто не обвиняет тебя. Это касается наших людей и больше никого, а всем кузнецам Зандру не починить разбитого яйца или девичьей невинности, поэтому давай поду-

маем о нашем положении.

— Они не тронули тебя, Меллита?

— Если ты хочешь знать, изнасиловали ли меня, то нет. Этот шрамолицый, будь проклято его мужское начало, не имел времени для этого и, возможно, считает, что я слишком лакомый кусочек для любого из его подчиненных хотя, может быть, он отдаст меня одному из них в свое время, если мы не сумеем этого предотвратить. — И в приступе ужаса она подумала о скопище отверженных бандитов, полулюдей из дальних окраин Хеллеров, составлявших банду Брайната. Она уловила мысль Аллиры, что даже грубая защита главаря бандитов лучше, чем руки этого сброда. Да, она не могла обвинять Аллиру имея тот же выбор, что предпочла бы она? Не все, что сварено, подается на стол, и не все смелые слова обращаются деяниями. Тем не менее, внезапная перемена настроения заставила ее выпустить Аллиру из объятий и бесстрастно произнести: — Эдрик, я думаю, в темнице. Брайнат запретил мне входить туда. Но думаю, я ощутила бы его смерть. Ты лучше меня владеешь пси-силой, когда возьмешь себя в руки, попытайся достигнуть его сознания.

— А Сторн? — Аллира впала в бешенство. — Что

делает он, чтобы защитить нас? Лежит, как бревно, в безопасности, под защитой собственной магии, оставив нас всех на милость этих…

— А что еще он может сделать? — резонно заметила Меллита. — Он не в силах держать меч и даже увидеть куда направить его; во всяком случае, он позаботился о том, чтобы никто не смог использовать его как марионетку как используют тебя! — взгляд ее свирепо и гневно впился в глаза сестры. Он еще не одарил тебя ребенком?

— Не знаю, может быть.

— Будь ты проклята с твоей телячьей покорностью! — взорвалась Меллита. — Неужели ты не поняла, чего он добивается? Если бы дело было только в желании женщины, то почему бы не взять одну из служанок или целую дюжину их? Слушай. У меня есть план, но ты должна использовать весь свой маленький разум которым боги наделили тебя. Умойся, соответствующим образом оденься, попытайся выглядеть как Леди Сторн, а не как какая-то выдернутая из канавы оборванка. Брайнат решит, что ты приручена, но он негодяй, а ты Леди, в тебе течет кровь Семи Областей, ты сможешь перехитрить его, если постараешься. Тяни время, Аллира! Ходи в баню, играй по утрам, удерживай его обещаниями и, в

конце концов, скажи ему, что в тот день, когда ты поймешь, что беременна, ты кинешься вниз с парапета. И заставь его в это поверить! Он не рискнет убить тебя! Ты нужна ему в платье и драгоценностях на троне рядом с ним, во всяком случае до тех пор, пока он не убедится, что никто не пытается сбросить его оттуда. Задержи его на несколько дней, не более, и тогда…

— Ты разбудишь Сторна? — выдохнула Аллира.

— Простите меня, Боги, ну что ты за дурочка! Сторн в трансе — это единственное, что гарантирует нам безопасность, Аллира, и дает время. Сторн, разбуженный и в лапах этого мерзавца, — это отродье дьявола: всадит нож в брюхо Эдрику, отдаст меня на потеху солдатам на те несколько часов, пока я буду жива, и кто знает, захочет ли он от тебя ребенка? Нет, Аллира, молись, чтобы Сторн спокойно лежал в трансе, пока я не придумаю, что делать. Наберись храбрости и делай свою часть, а я сделаю свою.

В глубине ее сознания зрел маленький и безнадежный план. Она не рискнула доверить его Аллире. Их могли подслушать или, сформулируй она его не словами, вдруг среди этого сброда найдется какой-то получеловек с телепатическими

способностями, желающий заслужить благосклонность своего поставленного вне закона господина рассказом о заговоре. Но семя надежды росло в ней.

— Идем, Аллира, оденемся, как подобает Леди Сторн и удивим этого негодяя уважением, — сказала она, готовая вновь встретить Брайната и не выдать ничего.

3

Баррон служил Империи Земля с юношеских. лет и работал на трех планетах до Дарковера. Этим утром он обнаружил, что никогда и не покидал Земли. Он понял это, впервые расставаясь с ней.

У назначенного выхода из Зоны Земля усталый молодой клерк оглядел его, проверил пропуск Транспорта и Персонала, означавший, что Баррон, класс 2, направляется с поручением за территорию Зоны. Он заметил: — Так вы и есть тот парень, что идет в горы? Тогда вам лучше избавиться от этой одежды и найти что-нибудь более подходящее для поездки туда. Те тряпки, что на вас, могут сгодиться для Зоны, но там, в предгорьях, вы просто замерзнете или вас убьют. Разве вам ничего не сказали?

Ему никто ничего не говорил. Баррон ощутил замешательство, почему ему надо рядиться под туземцев? Он гражданин Империи Земля, а не секретный агент. Но клерк был первым с момента аварии, кто отнесся к нему как к человеку, и он был признателен ему за это.

— Я думал, что буду являться официальным представителем. Значит, никаких гарантий безопасности?

Клерк пожал плечами: — А кто может их дать? Вы должны разбираться в планете, если уж прожили здесь пять лет. Земляне или граждане Империи Земля непопулярны вне Торгового Города. Вы не потрудились познакомиться с «Официальной директивой номер два»?

— Не полную версию, — он знал, что она объявляет запретным, под страхом мгновенной депортации, для граждан Империи посещение без разрешения любой части планеты вне обозначенных Торговых Зон. Баррон никогда и не стремился к этому, и ему не приходило в голову поинтересоваться причинами. Чужая планета — это чужая планета, их тысячи, а он работает внутри Земли.

Но теперь все изменилось.

Клерк оказался разговорчивым.

— Почти все земляне на службе картографии, исследований и других носят дарковерскую одежду. И теплее, и не привлекает внимания. Разве вам никто не говорил?

Баррон покачал головой. Он не стал напоминать клерку, что в последние несколько дней

с ним вообще никто не разговаривал. В любом случае, в нем что-то восстало, он делал работу для Империи — ему это было официально поручено — и не дарковерцам приказывать ему, как одеваться или как себя вести. Если им не нравится одежда, которую он носит, пусть они поучатся терпимости к чужим обычаям, что является первой заповедью для каждого, принимающего услуги Империи Земли. Его устраивала его одежда — легкие теплые синтетические туника и брюки, низкие, мягкие сандалии и короткая стеганая куртка, защищающая от ветра.

Многие дарковерцы принимали их в Торговом Городе, одежда была крепкой и комфортабельной. Зачем менять ее?

Он произнес немного принужденно:

— Я же не ношу униформу Космических Сил. Я понимаю, что это было бы неуместно. Но это?

Клерк безразлично пожал плечами.

— Это ваши похороны, — сказал он, — а вот, как я понимаю, и ваш транспорт.

Баррон посмотрел вниз, на грубо вымощенную улочку, но не увидел никакого экипажа. Там был обычный набор праздношатающейся толпы, женщины в плотных шалях, шедшие по своим делам, и трое людей с лошадями. Он хотел

сказать… — но осознал, что три человека ведут четыре лошади.

Он с трудом сглотнул. Он знал вообще, что дарковерцы низкотехническая раса и почти не применяют моторизованный транспорт. Они пользовались различными типами ездового скота, местным аналогом буйволов, больших антилоп и лошадей — возможно потомков линии, импортированной с Терры около сотни лет назад для верховой езды. Это казалось разумным. Местность Дарковера не годилась для крупномасштабного строительства дорог, население не обращало на это внимания, и в любом случае, не существовало крупной добывающей и обрабатывающей промышленности, требовавшей таких операций. Баррон, защищенный внутри Зоны, знал об этом, но его реакцией на это было удивление. В действительности ему было безразлично, как живут дарковерцы, его это не касалось. Его миром был диспетчерский пульт: корабли, грузы, пассажиры (Дарковер был главной перевалочной базой на дальних гипертрассах, потому что располагался почти на середине между верхней и нижней ветвями Галактики), картографы, различные тягачи и наземные машины для обслуживания всего этого.

Он не был готов для пересадки с космолета на вьючное животное.

Трое остановились, отпустив поводья хорошо натренированных лошадей и поэтому стоявших спокойно. Передний из трех, крепкий молодой человек лет двадцати, произнес:

— Вы представитель Земли Дениел Фирт Баррон? — он произнес имя с некоторым затруднением.

— Зпа серву, — вежливая фраза на дарковерском языке (к вашим услугам) вызвала короткую понимающую улыбку у молодого человека, он отозвался другой формулой, которую Баррон не понял, а после вновь переключился на язык Торгового Города:

— Меня зовут Кольрин. Это Леррис, а это — Гвин. Вы готовы? Вы можете уехать сейчас. Где ваш багаж?

— Я готов в любой момент, — Баррон показал сумку, содержащую немногие его пожитки и большой, но легкий ящик с требовавшимся ему оборудованием. Сумку можете бить сколько угодно, там только одежда. А с корзиной будьте осторожны, не роняйте, там бьющиеся предметы.

— Гвин, это тебе, — сказал Кольрин. — За горо-

дом нас ждут вьючные животные, а пока довезем ее сами. Трудно управляться с животными на этих улочках, они такие узкие.

Баррон понял, что они ждут, когда он сядет в седло. Он напомнил себе, что это назначение — все, что отделяет его от пропасти, но это сейчас казалось не очень важным. Впервые за свою жизнь ему захотелось убежать и спрятаться. Он крепко сжал губы и очень сухо произнес: — Я должен предупредить вас, что я никогда в жизни не ездил на лошади.

— Сожалеем, — сказал Кольрин. Вежливость его казалась даже чрезмерной. Но туда, куда мы едем, иначе добраться невозможно.

Тот, кого звали Леррисом, взял сумку Баррона и произнес:

— В таком случае это возьму я, у вас хватит забот с поводьями. — Его земное произношение было много лучше, чем у Кольрина, иногда практически без акцента. — Вы быстро научитесь ездить, у меня это было так же. Кольрин, покажи ему, как садиться в седло! И поезжай рядом, пока он не перестанет нервничать.

Нервничать! Баррон чуть не зарычал, что он видел чужие миры, когда тот играл в игрушки, но затем расслабился. Черт, я действительно

нервничаю, нужно быть слепым, чтобы этого не заметить.

Не успев ничего понять, он оказался в седле, ноги его попали в высокие, богато украшенные стремена, и они медленно двинулись по улице прочь от Зоны Земли. Он был слишком сконфужен и поглощен тем, как удержать равновесие, чтобы бросить назад хоть один прощальный взгляд.

Никогда прежде он не контактировал близко с дарковерцами. В ресторанах и лавках Торгового Города они были просто темными неподвижными лицами, обслуживающими его и остальных на расстоянии достаточном, чтобы их можно было игнорировать. Сейчас ему предстоит провести среди них неопределенный промежуток времени, не зная чего бояться и к чему приготовиться.

Такого никогда не происходит в Империи Земля, никого не назначают на работу вне рода его деятельности, а если тебя посылают на чужую планету, ты проходишь всевозможные тренировки и консультации. Но тут ему понадобилась концентрация всех усилий, чтобы удержаться на лошади.

Прошел почти час, прежде чем он начал расслабляться, ощущая, что падение не так уж

неизбежно, и смог несколько раз бросить взгляд на троих своих попутчиков.

Все трое были моложе Баорона, во всяком случае, насколько он мог судить. Кольрин был высоким, долговязым, но аккуратно сложенным, лицо его было узким и красивым, с тенью коричневой вьющейся бороды. Голос был мягким, но он казался необычайно уверенным в себе для столь юного мужчины и оживленно разговаривал и смеялся на скаку.

Леррис был плотнее, с волосами рыжими, почти как у землянина, и казался едва ли двадцатилетним. Третий, Гвин, был смуглым, высоким и старше остальных. Если не считать кивка и короткого приветствия, он не обратил на Баррона внимания и, казалось, немного сторонился молодых.

Все трое были одеты в плотные свободные бриджи, ниспадающие складками на высокие, тщательно подогнанные рубахи богатых темных расцветок. Гвин и Кольрин носили толстые простеганные шерстью плащи, а Леррис — короткий свободный шерстяной жакет с капюшоном. У всех троих имелись короткие рукавицы, ножи на поясе и маленькие ножики в кармашках на верхней части башмаков. У Гвина также был меч,

хотя на время поездки он был приторочен к крупу лошади. У всех волосы были ровно обрезаны над ушами, и все владели богатым набором драгоценностей и амулетов. Они выглядели грубо, ярко, по-варварски. Баррон, ощущая свои насквозь цивилизованные одежды, волосы и выправку, почувствовал странный испуг.

Черт побери, к этому я не был готов!

Сначала они ехали вымощенными улицами меж толпящихся домов и лавок Старого Города, затем вдоль более широких каменных улиц, где дорога стала легче, между высокими домами, стоящими в садах и высокими башнями. Наконец дорогу сменила утоптанная трава, всадники повернули в сторону длинной низкой ограды и въехали сквозь деревянные и каменные заборы в некое огороженное пространство красноватой вытоптанной земли, где несколько десятков незнакомо одетых людей занимались своими делами: грузили и разгружали животных, седлали их, варили пищу на кострах, умывались, плескались в деревянных корытах и несли корзины корма и воды своим животным. Было очень холодно и неуютно, и Баррон был очень рад встать, наконец, под укрытие низкой каменной стены, где ему позволили слезть с лошади и передать

ее по кивку Кольрина грубо одетому человеку, пришедшему-, чтобы увести ее.

Он прошел меж Гвином и Леррисом, Кольрин остался приглядывать за животными, в защищенном от ветра стенами и крышей убежище. Леррис сказал: Вы не привыкли к езде, отдохните пока мы приготовим ужин. И нет ли у вас подходящей для верховой езды одежды? Я могу принести вашу сумку — лучше будет надеть ее сейчас.

Хотя Баррон знал, что юноша старается быть заботливым, при упоминании об этом он ощутил раздражение.

— Сожалею, но вся одежда, которую я взял с собой — на мне.

— В таком случае вам лучше пройти со мной, — сказал Леррис и вновь вывел его из-под крыши через противоположный конец длинной изгороди. Головы поворачивались им вслед, кто-то громко выкрикнул что-то, и люди громко засмеялись. Он услышал слово «терранар» — это не требовало перевода. Леррис повернулся и твердо сказал: — Чайрет. На мгновение возникло молчание, а после пролился поток тихих слов и бормотание. После этих слов все как-то почтительно отодвинулись от них. Наконец они

прошли в магазин или лавку в основном торговавшую глиняными кувшинами, низкосортным стеклом и множеством свободной одежды, разложенной на корзинах и сундуках. Леррис твердо произнес:

— Вы не сможете ехать по горам в том одеянии, что на вас. Я не хочу сказать ничего оскорбительного, но… это невозможно.

— Мне не было дано указаний…

— Послушайте, друг мой, — Леррис использовал дарковерские «комии», — вы понятия не имеете о том, насколько это холодно — путешествовать по горам, в особенности в предгорьях. Ваша одежда может быть теплой, — он коснулся складки легкой синтетики, — но только в помещении. Хеллеры — самая кость Земли. А ехать в этих штуках — значит стереть себе ноги, не говоря уже о…

Баррон, сильно смущенный, вынужден был сказать безразлично: — Я не могу этого оплатить.

Леррис глубоко вздохнул:

— Мой приемный отец поручил мне снабдить вас всем, что вам необходимо, мистер Баррон. — Баррон был удивлен манерой обращения — дарковерцы не используют ни титулов, ни фамилий, — но, впридачу, Леррис говорил на

превосходном земном, и он был удивлен, не был ли юноша профессиональным переводчиком.

— А кто ваш отец?

— Вальмир Альтон, совет Комина, — коротко произнес Леррис. Даже Баррон слышал о Комине — касте наследных правителей Дарковера, и это заставило его замолчать. Если Комин имеет к этому хоть какое-то отношение и хочет, чтобы он носил дарковерскую одежду, спорить не имеет смысла.

После короткой, но оживленной торговли, в которой Баррон, неплохо знавший дарковерский (но не из интереса, а скорее по причине врожденной склонности к языкам) понял очень немногое, Леррис произнес:

— Я надеюсь, это подойдет. Я знаю, вы не любите ярких расцветок, я сам такой же, — и он протянул Баррону стопку одежды, в основном темной, напоминающей льняное полотно, и плотный шерстяной жакет, похожий на тот, который носил сам. — Скакать в плаще неудобно, если, конечно, вы не родились в нем… — и там же лежала пара высоких ботинок.

— Ботинки лучше примерить, — предложил он. Баррон наклонился и скинул сандалии. Продавец хихикнул и сказал что-то — Баррон не уловил, что

именно — о его сандалиях, на что Леррис резко ответил: — Чайрет — гость Правителя Альтона!

Торговец сглотнул, пробормотал несколько фраз извинения и умолк. Ботинки сидели словно сшитые специально для него и, несмотря на непривычное ощущение вдоль икр и лодыжек, Баррон был вынужден признать, что они удобные.

Леррис подхватил сандалии и сунул их Баррону в карман.

— Если хотите, можете носить их в помещении.

Прежде чем Баррон успел ответить, странная слабость охватила его.

Он стоял в сводчатом зале, освещенном только мерцающим светом факелов, запахом жаренного мяса и странной кислой вони, пугавшей и нагонявшей тошноту. Он ухватился за кольцо в стене, но его там не оказалось, да и самой стены тоже не было. Он снова стоял на ветру в пасмурном мраке огороженного лагеря, кипа одежды валялась у его ног.

Юный Леррис смотрел на него удивленно и испуганно.

— Вы плохо себя чувствуете, Баррон? Вы выглядите немного странно.

Баррон покачал головой и довольный, что можно скрыть лицо, наклонился над одеждой. Он ощутил облегчение, когда Леррис оставил его в здании, и он смог опуститься на пол и дрожа привалить к стене.

Снова это! Он свихнулся? Если бы причиной была его работа, то сейчас, вдалеке от диспетчерского пульта, все кончилось бы. И все же, пусть и недолгое, видение на этот раз было более ярким, чем раньше. Передернувшись, он закрыл глаза и постарался ни о чем не думать, пока Кольрин не позвал его, подойдя к открытой стене здания.

Двое или трое человек в грубых темных одеждах двигались у огня. Кольрин не представил их. Повинуясь жесту, Баррон присоединился к Гвину и Леррису у корыта для умывания. Начало темнеть, поднимался ледяной вечерний ветер. Баррон непроизвольно задрожал и с вожделением представил себе шерстяной жакет, но дождался своей очереди и вымыл лицо и руки тщательней чем обычно. Он не хотел, чтобы землян считали грязнулями — да и пачкает верховая езда сильней, чем нажатие кнопок и наблюдение за сообщениями. Вода была обжигающе холодной.

Они расселись вокруг огня и пробормотав ка-

кую-то короткую формулу, Гвин начал раздавать еду. Баррон принял предложенную тарелку с какой-то сладкой разваренной крупой, покрытой слоем кислого соуса и большим ломтем мяса, и маленький сосуд с густой горько-сладкой жидкостью, сильно напоминающей шоколад. Все было вкусно, хотя с мясом справиться было непросто, остальные резали его ножами на кусочки не толще папиросной бумаги, оно было просолено и как-то высушено и очень напоминало кожаную подметку. Баррон извлек пачку сигарет и закурил, втянув дым. Это было чудесно.

Гвин хмуро посмотрел на него и вполголоса бросил Кольрину: — Сначала сандалии, теперь это… — он посмотрел на Баррона с откровенной неприязнью. И задал какой-то вопрос, в котором Баррон сумел уловить лишь незнакомое слово. Леррис оторвал взгляд от тарелки, увидел сигарету, покачал головой и произнес «чайрет» тоже неодобрительно, но обращаясь к Гвину, а затем поднялся и сел рядом с Барроном.

— На вашем месте я бы не курил, — произнес он. — Я знаю, что это ваш обычай, но для мужчин областей это оскорбление.

— Что он сказал?

Леррис нахмурился.

— Попросту говоря, он спросил… не женщина ли вы. Это отчасти эти проклятые сандалии, а отчасти — ну, как я сказал, мужчины здесь не курят. Только женщины.

Раздраженным жестом Баррон отбросил сигарету. Было хуже, чем он ожидал.

— Что это за слово — чайрет?

— Чужак, — сказал Леррис. Баррон снова вцепился в мясо, и Леррис, почти извиняясь, сказал:

— Нужно было снабдить вас ножом.

— Неважно, — сказал Баррон, — я все равно не знаю, как с ним обходиться.

— И тем не менее, — начал Леррис, но Баррон не услышал его, огонь перед ним раздался или, скорее, вспыхнул еще ярче, и в центре пламени, высокого, голубого, сияющего, он увидел…

Женщину.

Снова ту же женщину, стоявшую в сердце пламени. Ему показалось, что он вскрикнул за мгновение до того, как фигура изменилась, выросла и вновь стала огромным скованным Нечто, царственным, пылающим, опаляющим своей красотой сердце и мозг. Баррон сжал руки так, что ногти впились в запястья.

Видение исчезло…

Леррис смотрел на него бледный, потрясен-

ный.

— Шарра… — выдохнул он. — Шарра, златоцепная…

Баррон дотянулся и вцепился в него. Он произнес грубо, не обращая внимания на остальных, сидящих у костра.

— Ты видел ее?! Ты видел?!

Леррис молча кивнул. Лицо его так побледнело, что стали видны крохотные веснушки. Наконец он произнес со вздохом:

— Да, я видел. Но ничего не в силах понять — почему видел ты! Кто ты, во имя всех дьяволов?!!

Баррон, потрясенный почти до безмолвия, выдавил:

— Я не знаю. Это часто случается. Я не имею понятия, почему. Я хотел бы понять, почему ты видишь это.

Пытаясь сохранить самообладание, Леррис произнес:

— То, что ты видел — это дарковерский архетип, форма Богини. Я не все понимаю. Я знаю, что у многих землян есть телепатические способности. Кто-то, вероятно, передает эти образы, а ты перехватываешь их. Я… — он задумался. — Я должен поговорить с приемным отцом, прежде чем ответить тебе. — Он замолчал, а затем произнес с

внезапной решимостью: — Скажи мне, как мне к тебе обращаться?

— Дэн сойдет, — сказал Баррон.

— Тогда Дэн. У тебя будут неприятности в горах, я думал ты обычный землянин и не умеешь… — он остановился и пожевал губами. — Я дал обет, сказал он наконец, и не могу нарушить его. Но у тебя будут неприятности и тебе понадобится друг. Ты знаешь, почему никто не предложил тебе ножа?

Баррон покачал головой.

— Мне даже в голову не пришло спросить. Я же сказал, что все равно бы не смог им воспользоваться.

— Ты — землянин, — произнес Леррис. — Пр здешним законам и обычаям, нож или любое другое орудие никогда нельзя давать никому, кроме крепких друзей или родственников. Слова «мой нож — твой нож» — обет. Это значит, что ты будешь защищать друга, поэтому нож или другое оружие нужно покупать, добывать в битве или делать на заказ. И все же, — сказал он и внезапно рассмеялся, — я дам тебе этот — и не без причины. — Он наклонился и извлек из ботинка маленький острый нож.

— Он твой, — сказал он внезапно очень серьез-

но. — Возьми его, Баррон, и скажи «твой и мой».

Баррон, чувствуя смущение и неловкость, неумело взял нож за рукоятку.

— Значит, мой и твой. Спасибо, Леррис. — Он понял, что смотрит в глаза молодого человека так, словно читает его мысли.

Остальные, сидящие у огня, смотрели на них. Гвин — замерев в недоумении и неприязни, Кольрин — удивленно и ощущая легкую ревность.

Баррон вернулся к трапезе одновременно с удивлением и облегчением. С ножом в руке было проще есть, позже он обнаружил, что тот прекрасно помещается в маленьком карманчике в верхней части его ботинок. Леррис больше не говорил с ним, но время от вермени коротко улыбался ему, и Баррон знал, что по той или иной причине молодой человек стал его другом. Это было странное ощущение. Он не был из тех, кто легко находит друзей, и не имел близких, а сейчас юноша чужого мира, угадав его смятение, неожиданно предлагает ему дружбу. Он не понимал причин и не знал, что ждет его впереди.

Пожав плечами, он закончил ужин и последовал за безмолвным указанием Кольрина — выполоскать тарелку и чашку, упаковать их вместе с другими и помочь развернуть одеяла

внутри здания. Было уже очень темно, холодный дождь сеялся на лагерь, и он был рад оказаться под крышей.

Он заметил, что что-то изменилось в отношении к нему, и хотя он повторял про себя, что это ничего не меняет, внутренне он был рад этому.

Ночью, завернувшись в шерстяное одеяло, окруженный спящими, он проснулся, глядя в пространство, и вновь ощутил, как тело его охватывает невесомость и холодный ветер.

Леррис, спавший в нескольких шагах от него, пошевелился, пробормотал что-то, и Баррон пришел в себя.

Эта поездка будет сплошным адом, если это будет случаться через каждые несколько часов, думал он.

И он ничего не мог с этим поделать.

4

Голос рычал во сне Меллиты:

— Меллита! Меллита! Сестричка, проснись! Послушай меня!

Она села во тьме, отчаянно цепляясь за голос.

— Меллита! Меллита! Сестричка, проснись! Послушай меня!

— Сторн! — выдохнула она, почти вслух. — Это ты?!

— Я недолго могу говорить с тобой, бреда, поэтому слушай. Ты, и только ты можешь помочь мне. Аллира не слышит, она слишком робка и изнежена, она погибнет в предгорьях. Эдрик ранен и в темнице. Придется тебе, маленькая. Ты поможешь мне?

— Все, что угодно, — прошептала она с бьющимся сердцем. Глаза ее смотрели во тьму. — Где ты? Мы можем бежать? Может, зажечь свет?

— Тише! Меня здесь нет, я говорю с твоим сознанием. Я пытался пробудить в тебе способность слышать сны эти последние четыре дня, и наконец ты услышала. Слушай, сестра, ты должна уйти одна, ты сумеешь избавиться от охраны. Но

ты должна идти прямо сейчас, прежде чем снег закроет перевалы. Я нашел того кто поможет тебе. Я пошлю его в Карфон.

— Куда?…

— В Карфон, — прошептал голос, исчезая.

Меллита прошептала вслух:

— Сторн, Сторн, не уходи! — но голос растаял. Она была одна во тьме, голос брата все еще звенел в ушах. Карфон — но где этот Карфон?

Меллита никогда не была дальше, чем на несколько миль от дома, она никогда не переваливала через горы и имела смутное понятие о географии. Карфон мог находиться как за следующим хребтом, так и на самом краю света.

Она бросила во тьму отчаянный вопрос:

— Как мне быть, куда идти?! — Ответа не было, молчание и тишина. Было ли все это сном, порожденным тоской по свободе, или действительно ее брат, в своем магическом трансе, сумел как-то достичь ее сознания?

Меллита Сторн была горянкой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Высшей сердцевиной ее натуры была клановая лояльность Сторну не только как старшему брату, но и как главе рода. То, что он был слеп и ни на что не годен, то что он не смог защитить ее, ее старшую

сестру и младшего брата, не говоря уже об остальных людях в этом кризисе, не имело значения. Она не судила его даже мысленно и верила, услышав осуждение от Аллиры, что мучение в лапах Брайната лишило сестру разума. Сейчас, когда он приказал ей бежать и найти помощь, ей даже не пришло в голову ослушаться.

Она поднялась с постели, накинула шерстяной халат — потому что ночь была холодной, а каменные полы никогда не знали огня — и всунула ноги в шерстяные чулки, затем, уверенно двигаясь во тьме, нашла трут, огниво и зажгла маленькую лампу, чуть больше булавочной головки. Она села перед светильником, немного приободренная крошечным пламенем, и начала обдумывать ситуацию.

Она уже знала, что ей нужно делать — бежать из замка, прежде чем снег закроет перевалы, и как-нибудь добраться до Карфона, куда брат ее пошлет кого-то ей на помощь. Но как это все проделать, она представляла с трудом.

Охрана все еще следовала за ней на почтительном расстоянии повсюду, куда бы она ни шла через залы. Даже сейчас, когда было темно и поздно, она была уверена, что стоит ей покинуть комнату, они проснутся и двинутся следом.

Они боялись Брайната больше чем возможности не выспаться. Их страх перед ним стал ясен для нее, когда она осознала, что никто из них не рискует даже прикоснуться к ней.

Она не знала, стоит ли благодарить за это Брайната, и отбросила эти мысли. Этот путь вел в тупик.

Как все горянки, Меллита была достаточно реалистичной, чтобы обдумать и такой шаг — не соблазнить ли ей одного из охранников, чтобы он помог ей бежать? Это казалось маловероятным. Они боялись Брайната, а он приказал не трогать ее. Вероятнее всего стражник воспользовался бы возможностью, принял бы предложенное, а после пошел бы прямо к Брайнату с докладом, чтобы заслужить благосклонность Хозяина. После чего он может запросто в наказание отдать ее всей банде в качестве игрушки. Это тоже было плохо. Она могла заставить себя проделать это, но скорее всего это бесполезно.

Она подошла к окну, плотнее укуталась в мех и выглянула наружу. Ты должна уйти прежде, чем снег закроет перевалы. Она была горянкой, погоду и штормы она чувствовала кровью. Меллите показалось, что она ощущает как издалека холодный ночной ветер доносит запах далеких

облаков, напоенных снегом.

Ночь только началась. Идриэль и Лириэль шли по небу, Мармалор, туманный, жемчужный, висел, полузакрытый склоном горы. Если бы она сумела как-то покинуть замок до восхода солнца…

Сейчас она еще не могла идти. Люди Брайната все еще пьянствуют в большом зале. Аллира может послать за ней, и она не рискнула бы отсутствовать. Но в час между глубокой ночью и зарей, когда даже воздух замерзает, она могла придумать план и оказаться вдалеке отсюда, прежде чем днем — обнаружилось бы, что ее нет в комнате. Кутаясь в шерсть, она закрыла окно и вернулась.

Куда она пойдет, если выберется из замка? В конце концов, естественно, в Карфон, где бы он ни был. Но нельзя достигнуть Карфона за ночь. Ей нужны убежище и пища, потому что путешествие может привести ее на другой конец света. Вне замка Сторн ее, может быть, укроет один из вассалов ее брата. Хотя они не смогли отразить нападение Брайната, она знала, что они любили Сторна, и многие знали и любили ее. Они укроют ее на день-другой, пока не уляжется переполох. Они могут дать ей на дорогу еды, и может быть

один из них укажет дорогу на Карфон.

Самыми ближними из Великих Правителей были Альдараны из замка Альдаран, недалеко от высоких Кимби. Они, насколько ей было известно, не враждовали со Сторнами и не имели обязательств перед Брайнатом, но казалось маловероятным, что они смогут и захотят прийти на помощь Сторну. Родственниками ее бабушки были Лейнеры, родня великого Комина области Альтана, но даже предписание совета Коминов не властно здесь, в горах.

Меллите не пришло в голову спорить с братом, он она подумала, что, зная собственное бессилие, он мог бы попытаться поискать защиты у одного из могущественных горных правителей. Но ведь пропасти и скалы, окружавшие Сторн, делали его неприступным, и кроме того — Сторн, присягающий другому дому?! Никогда!

Он мог выдать Аллиру или меня за сына Великого Дома.

Тогда у нас были бы кровные родственники, готовые защитить нас. Беззащитна спина, если нет брата, чтобы прикрыть ее!

Чтож, он не сделал этого, а время сожалеть давно прошло — цыпленка не загонишь в яйцо. Дьявольская птица, вылупившаяся из этой

оплошности, улетела, и только Меллита могла спасти оставшиеся осколки. Взяв крохотную лампу, она прошла к своему гардеробу.

Не идти же ей в длинном платье и мантии! Со дна сундука она достала старый дорожный плащ из плотной густой ткани из долин и простеганный мехом, не настолько богатый, чтобы возбудить алчность в ком-нибудь из встречных, но теплый и прочный. Там же лежала пара старых, подшитых кожей бриджей ее брата, которые она носила, разъезжая по окрестностям. Это было лучше, чем ее собственное длинное свободное дорожное платье. Она добавила вязаную блузку, длинную толстую тканую тунику, чулки, вязаные из толстой крученой шерсти племени кузнецов, и собственные меховые боты. Она собрала маленький сверток смены белья и безделушки, которые она могла продать или обменять на что-нибудь в дороге. Наконец она перевязала волосы и спрятала их под шерстяную шапочку. Проделав все это, она погасила лампу и снова вышла на балкон. До этого момента приготовления к путешествию заслонили главный вопрос — как ей выбраться из замка?

Существовали тайные ходы. Она знала о некоторых из них. Один, например, шел из винных

погребов возле старых темниц. Замечательно просто. А что будет делать ее стража, когда она начнет опускаться по ступенькам в погреб, даже сумев как-нибудь оставить их снаружи? Пить вино? Это было бы замечательно, если бы ей удалось их как следует напоить, но они, конечно, отнесутся с подозрением ко всему, что она им предложит, опасаясь подвоха.

Другим выходом из замка, тайным его можно было назвать лишь условно, имея в виду то, что он не использовался много лет и никто больше не охранял его — был проход, ведший в утес к заброшенной кузне, где в давние дни Дарковера жил темный, низкорослый народ гор, поклонявшийся огню, пылавшему в их кузнях. Они делали древние мечи и необычно красивые предметы, которые те, кто ни разу не видел как их используют, называли магическими. Огонь в кузне молчал много веков, маленький народ отступил в более дальние предгорья. Сторны пришли сюда гораздо позже.

Ребенком Меллита с братьями и сестрой обследовали пещеры и заброшенные жилища племени кузнецов. Но они исчезли вместе со своей магией. Их жалкие и немногочисленные остатки жили теперь в деревнях, неподалеку от Сторна; захва-

ченные и угнанные вместе с крестьянами, они были более беспомощны, чем сама Меллита.

Она снова посмотрела вниз с балкона, рот ее скривился и это в лучшее время можно было назвать улыбкой. Мне бы сейчас крылья — думала она, стража моя слишком боится Брайната, чтобы потревожить меня здесь, в этой комнате, они останутся снаружи в проходе и поклянутся ему, что я внутри. Если бы знать заранее, я могла бы лучше приготовиться, стоило мне провести детство в комнате с одним из тайных ходов. Я знаю дюжину способов вырваться из замка, но сначала мне нужно выйти из этой комнаты, а я не могу придумать, как это сделать.

Легкий отблеск внизу показал ей, что на нижнем этаже и несколькими комнатами ближе, Аллира вошла в Королевские покои. Она подумала в отчаянии, что лучше бы Сторн разбудил Аллиру. Есть старый тайный ход из королевских покоев вниз, к деревне горных людей. Аллира могла бы просто дождаться, когда Брайнат уснет и ускользнуть…

Сумасшедший план закрутился у нее в голове. Ей нужно было только добраться до сестры. Охрана проводит ее до дверей Королевских покоев, но внутрь не войдет, но сумеет ли она попасть туда

и найти старый выход? Могла ли она рассчитывать на Аллиру, чтобы та одурачила его, споила, заняла бы его болтовней или даже чувственной игрой, пока она, Меллита, проскользнет мимо?

Я не рискну положиться на Аллиру, — думал она почти с отчаянием. — Она не продаст меня, но у нее не хватит смелости помочь мне или рискнуть рассердить Брайната. А если спуститься в ее комнату, как долго я могу рассчитывать остаться в одиночестве, прежде чем они оповестят Брайната или встревожатся, когда я не вернусь? И, если я исчезну из ее комнаты, они разорвут ее на части, чтобы узнать как я ушла, и погоня за мной уйдет еще до восхода солнца. Это бессмысленно.

Но мысль стучалась. Это просто был ее единственный шанс. Конечно, это означало бы поставить все на единственный бросок, если Брайнат вдруг вернется, пока они будут с Аллирой вдвоем, в нем может проснуться подозрительность и тогда сестру могут переместить в более безопасное место.

Насколько было известно, стражникам было приказано докладывать Брайнату, если она проговорит с сестрой более нескольких минут.

Но если никто не узнает, что я у нее?

Как можно попасть к Аллире и остаться неза-

меченной?

Древние дарковерцы владели такими секретами. Магическая электрическая сеть, охранявшая сон Сторна, была только одной из сил, знакомых Меллите, но все другие были сейчас бесполезны. Существовали магические плащи, набрасывающие иллюзорный покров на одевшего их, позволяющие ходить незамеченными, избегая свет, но если даже у Сторна и был такой, она не знала, где он сейчас и как им пользоваться. Она могла до восхода проскользнуть в башню, натянуть на голову магическую птицу и улететь прочь от замка — но только в иллюзии. То, что она увидела бы, соответствовало бы действительности — Сторн, как она знала, наблюдал так за битвой — но тело его лежало бы в трансе в Башне, и рано или поздно ее вернули бы назад. Это тоже был бесполезный способ. Мне нужны крылья, подумала она. Если бы я могла просто полететь с этого балкона вниз в Королевские покои, где Брайнат держит Аллиру…

Она мысленно замерла. У нее нет крыльев. Думать об этом бессмысленно. Но у нее две крепкие руки, две сильные ноги, десять цепких пальцев и тренировка с раннего детства, когда она лазала по скалам.

Она подошла к краю балкона, все фантазии и планы испарились, начался холодный расчет. Она не могла, просто полететь в Королевские покои. Но владея силой, осторожностью и некоторой долей везения, было весьма вероятно, что она сумеет спуститься туда.

Борясь с внезапным приступом слабости, она перегнулась через перила. Сорок метров грубого, тесаного камня уходили в бездну. Но стены замка не были ни отвесными ни гладкими.

Много веков назад замок был сложен из дикого камня, разрубленного на крупные глыбы и загнанного на место древними снарядами, которые быстро затупились бы, будь камень гладким. Множество оконных выступов, арочные проемы, балконы, наружные лестницы топорщили стены.

В детстве, думала она, мы со Сторном часто лазили повсюду. Меня однажды высекли за то, что я до смерти перепугала нашу няню, забравшись на балкон третьего яруса и корчив ей оттуда рожицы. Я научила Эдрика лазить по нижним балконам. Я никогда не забиралась так высоко — я боялась упасть. Но эта часть замка, вероятно, такая же доступная, как и нижняя.

Она знала, что если упадет, то разобьется на-

смерть о скалы. Но почему я должна упасть с сорока метров, если я сумела не упасть с пяти?

Потому что не представляла, что может случиться, если свалиться с пяти метров, думала она, но она задавила этот голос, спрятала его в маленькую коробочку, засунула его в самую дальнюю часть сознания и оставила там. Да, пусть я погибну, взывала она к самой себе, но Эдрик не боялся смерти в бою, а если и боялся, то все равно пошел на это. Я сама брала лук и стрелы, и меня могли подстрелить. Если я готова была умереть тогда, в надежде защитить Высокий Сторн, то почему я боюсь этого сейчас? Погибну, так погибну, во всяком случае, мне не придется бояться сброда Брайната, выстроившегося в очередь, чтобы изнасиловать меня!

Это нельзя было назвать успокаивающей мыслью, но на настоящий момент, решила она, сгодится и это. Помедлив мгновение, она положила руки на перила. Стянув шерстяные перчатки, она засунула их глубоко в карманы бриджей Эдрика. Вновь расстегнув плащ, она скрутила его так плотно, насколько это было возможно, и приколола к талии, чтобы он не зацепился за каменный выступ. Наконец она скинула ботинки и дрожа на ледяным ветру, перекинула их за

шею, связав за шнурки. Если узел зацепиться за камень, она может упасть, но без них она будет беспомощной в снегу, а ее тренированное чутье на погоду говорило ей, что его недолго ждать. Затем, не давая себе времени на раздумье, она перелезла через перила, посидела там, оценивая взаиморасположение требуемой комнаты и балкона — на пятнадцать метров ниже и почти на сорок влево — скользнула вниз, и упираясь ногами в чулках в неровности камня, находя опору для рук, распласталась на диком камне.

Впадины меж валунами казались меньше, чем она помнила с детских лет, и дорогу на холодном камне приходилось искать ощупью. Ноги застыли от холода, прежде чем она продвинулась на пять метров, и она ощутила как один, а затем и другой ноготь сломался, сорвавшись с грубого камня. Свет луны был бледным и мерцающим, и дважды белая полоска, казавшаяся трещиной в камне, оборачивалась крошащимся, отвратительно пахнущим птичьим пометом. Но Меллита, как слизняк, прилипала к каждой трещине и никогда не продвигалась более чем на одну руку или ногу за один шаг.

Благодарение Эванде, думала она мрачно, что я крепкая и сильная от постоянных скачек. Будь

я из тех девушек, что постоянно сидят за вышивкой, я свалилась бы через два метра! Меллита чувствовала, как дрожит от холода и как напряжен каждый мускул. Она так же понимала, что в лунном свете ясно видна на фоне стены замка — прекрасная мишень для любого часового, которому вздумается поднять голову. Был момент когда она замерла, вздрагивая, когда из-за угла ветер донес до нее обрывки голосов и тусклый свет, и она поняла, что под ней идет по каким-то своим делам один из солдат Брайната. Меллита закрыла глаза, молясь, чтобы он не поднял головы. Он не поднял. Распевая пьяную песню, он встал в сорока метрах под нею на узкой тропке меж замком и утесом, расстегнул ширинку и помочился в бездну.

Она намертво вцепилась в камень, стиснутая судорогой истерического смеха. Прошел, казалось, час, прежде чем он наклонился, подхватил фонарь, привел в порядок одежду и двинулся дальше. Меллите показалось, что она забыла, как надо дышать, но, заставив себя сделать вдох, двинулась вниз, к освещенному балкону.

Сантиметр за сантиметром — палец — ногу, холодный метр за один раз, она, как муравей, ползла вниз по стене.

Однажды ее сердце дернулось и замерло, когда камень раскрошился под ее пальцами, и она услышала, как он падает, отскакивай от скалы, с громом, подобным пушечной пальбе, пока наконец не исчез во мраке. Напрягая каждую мышцу, она на несколько минут затаила дыхание, уверенная, что звук приведет солдат, но когда она открыла глаза, замок все так же стоял безмолвным, омытый лунным светом, и она все еще прижималась к спокойной тверди стены.

Свет луны значительно потускнел, скрытый склоном горы, и внизу начал подниматься плотный туман, когда ее ступни наконец коснулись камня балкона и она, расслабившись, соскользнула, упала на каменные перила и скорчилась там, облегченно переводя дыхание. Вновь сумев двинуться, она засунула руки в перчатки, ноги в ботинки и плотно укуталась в плащ, сжавшись в комок, чтобы не дрожать.

Первое препятствие позади. Но сейчас она должна по пасть внутрь и привлечь внимание Аллиры, не потревожив Брайната. Назад дороги не было, она зашла слишком далеко.

Как маленькое дрожащее привидение, она проползла по балкону и прижалась лицом к прожилкам цветного стекла, закрывавшего бал-

конную дверь. Дверь была заперта изнутри и прикрыта тяжелым гобеленом, и Меллита внезапно истерически представила себе, что будет сидеть здесь как птица много дней, таращась в стекло, пока кто-то не посмотрит наверх и не увидит ее.

Она также испугалась, что именно Брайнат откинет занавес и посмотрит ей прямо в лицо.

Она попыталась заставить себя приблизиться к стеклу, но картина свирепого лица Брайната была столь яркой, что она буквально не смогла заставить себя поднять руку. Она знала, что он там. Соскользнув на пол, она ждала, дрожавшая и измученная, а в голове у нее все пылало.

Сторн, Сторн, ты приходил ко мне раньше, помоги мне сейчас! О, Боги гор, что делать мне?! Она просила и приказывала своим ослабевшим членам, но лежала, сжавшись в комок, замерзшая и неподвижная, на протяжении многих часов, как ей казалось.

Наконец ее замерзшее тело и мозг начали вновь повиноваться ей, и она задумалась.

В детстве они с Аллирой могли достичь друг друга мысленно.

Не всегда и не часто, но если один попадал в беду, другой знал об этом. Когда стая диких птиц

отрезала ее на острове, я поняла это и привела помощь. Ей было тогда четырнадцать, а мне только восемь. Я не могла потерять эту Способность, иначе Сторн сегодня не достиг бы меня. Но если сознание мое выдаст только страх, то Аллира ничего не поймет. Сочтет всего лишь частью собственного испуга, У нее не было практически никакого опыта. Сторн, будучи слепым и поэтому оторванным от обычных для мужчин своей касты занятий, занимался старой телепатией. Но для его брата и сестер это было лишь сном, фантазией, игрой, фокусом — интересными, возможно, но не стоящими серьезного изучения. И без того было слишком много интересного, реального, насущного на данный момент. Какое-то время Меллита обвиняла себя в том, что не проводила больше времени со Сторном, изучая старую мысленную речь, но здравый смысл остановил ее. Она вспомнила старую пословицу «Предвидение сделало бы мудрецом и Дурримирского осла»! Она могла с тем же успехом обвинить себя и в том, что Аллира не замужем, чтобы муж ее защитил.

Она протянула руку, чтобы стукнуть по стеклу, но снова отчетливая картина Брайната, смотрящего в буран, привиделась ей столь быстро и осязаемо, что она физически отпрянула назад и

прижалась к ограждению. И вовремя: коричневая рука отдернула гобелен и неясный силуэт Брайната показался за стеклом, смотря во тьму.

Меллита вжалась в ограждение, пытаясь стать невидимой. Спустя бесконечную минуту, Брайнат отвернулся и лампа погасла. Меллита, задыхаясь, упала на камни и осталась там, пытаясь не дышать.

Тянулось время. Луна села, и дрожащей девушке становилось все холоднее. Спустя несколько часов, столь долгих, что она испугалась, не застанет ли ее здесь солнце, пошел мелкий дождик, и это взбодрило ее. Она осознала, что каков бы не был риск, она должна исчезнуть к рассвету и добраться куда-нибудь, где можно провести день. Даже если ей придется вышибить полоску стекла и перерезать глотку Брайнату во сне, она должна что-то делать!

Но лишь она напряглась, за гобеленом вспыхнул слабый свет. Меллита собиралась нажать задвижку, когда изящная ручка двинулась, заскрипели запоры, и ее сестра Аллира, закутанная в длинный шерстяной халат, распахнула двери и расширенными глазами уставилась на нее.

Меллита подняла палец к губам, боясь крика, но Аллира только прижала руки к груди со вздо-

хом облегчения, она прошептала: — Я ЗНАЛА, что ты тут, но не могли поверить: Меллита, как ты попала сюда?

Меллита только указала взглядом на скалы и прошептала: — Нет времени! Брайнат…

— Уснул, — лаконично произнесла Аллира. — Обычно он спит как кот, одним глазом, но как раз сейчас… неважно… Меллита, ты вооружена?

— Во всяком случае не тем оружием, чтобы убить его без шума, — сказала Меллита ровно. — И все равно останутся его люди, а они еще хуже. — Заметив, как Аллира вздрогнула, она поняла, что та уже обдумала и отвергла этот план.

— Кто-то из людей Брайната обнаружил тайный ход в подземный город?

— Нет… Меллита, не ходи туда. Ты заблудишься в пещерах или умрешь в горах, если тебе удастся выбраться, да и куда ты пойдешь?

— В Карфон, — коротко ответила Меллита. — Где бы он не был. Ты, конечно, не знаешь?

— Я знаю только, что это город за перевалами, бывший великим во время Семи Областей. Меллита, ты правда готова решиться на это?

— Или это — или умереть здесь, — грубо обрезала Меллита, — ты, похоже, приспособишься, хотя…

— Я не хочу умирать.

Аллира чуть не плакала, и Меллита резко шикнула на нее. Аллира была не виновата в собственной хрупкости.

Возможно, даже грубая защита Брайната была для нее лучше, чем безнадежный путь по чужим горам и перевалам.

Может быть, мне тоже следовало быть такой, думала Меллита, возможно, это более подходящее для женщины положение, но я не совсем нормальная, наверное, и рада этому. Я предпочитаю погибнуть в попытке что-то сделать для Сторна.

Но недолгая вспышка осуждения сестры прошла. В конце концов Аллира уже испытала, во всяком случае, с ее точки зрения, худшее, что с ней могло случиться, чего ей теперь бояться? Убегая, она могла потерять жизнь, заработанную такой ценой.

— Тогда тебе нужно уйти сейчас, пока не рассвело, — сказала Аллира с внезапной решительностью. — Быстрее, пока он спит и не появилась стража…

Ветер ворвался в комнату на тот краткий миг, когда две девушки проскользнули внутрь. Брайнат некрасиво распластался на огромной постели, хрипло дыша. Бросив в его сторону един-

ственный, полный ненависти взгляд, Меллита отвела глаза, прокралась мимо, затаив дыхание и стараясь ни о чем не думать, словно сама ее ненависть могла разбудить врага. Она перевела дыхание только оказавшись в богато украшенной приемной, но пальцы ее все еще были стиснуты в напряжении.

Ее заполняли разные комоды, портьеры и статуи странных животных, окружавших искусно сделанный фальшивый камин. Она надавила рукоятку мраморного меча и камень скользнул в сторону, открывая старую лестницу. Меллита стиснула руки Аллиры, отчаянно, не находя слов. Она шла вперед. Что бы ни случилось, она убежит или погибнет.

Аллира сейчас могла решиться на побег, но побег, осознала Меллита с практической жестокостью, это только начало. Перед нею дальняя дорога, и она не может связывать себя с той, которая не разделяет ее собственную отчаянную решимость. Даже если бы Аллира и вызвалась идти с ней, Меллита отказала бы ей.

Она сказала кратко:

— Стража у моей комнаты до сих пор думает, что я там. Постарайся изо всех сил не дать им понять как я исчезла. Ты ничего не видела, ничего

не слышала.

Аллира испуганно прижалась к ней и поцеловала.

— Может быть… принести тебе кинжал Брайната? Он обыщет меня, но не найдет, и подумает, что потерял его.

Меллита кивнула, запоздалый спазм восхищения своей пугливой сестрой коснулся ее. Она стояла замерев, не рискуя двинуться, пока Аллира не вернулась с длинным ножом без ножен. Она вставила его в карман на верхней части ботинок Меллиты. У нее в руках было еще что-то завернутое в полоску тканого шелка. Меллита мельком посмотрела на содержание: полбуханки хлеба, несколько кусков жареного мяса и большая пригоршня липких конфет. Не говоря ни слова, она вновь завернула его и засунула в самый глубокий карман.

— Спасибо, Лира. Этого хватит на день-два, а если к тому времени я не найду помощи, то будет все равно. Я пойду, через три часа будет светло. Она не отважилась попрощаться вслух — это открыло бы ворота ее собственному страху. — Дай мне свою золотую цепочку, если не боишься, что Брайнат заметит ее отсутствие. Я спрячу ее в карман, а звенья послужат валютой, хотя медь,

конечно, подошла бы больше.

Аллира криво улыбнулась:

— Ведь этот амулет не защитил меня, верно? Может быть тебе повезет больше. Везет тому, кто сам себя везет, — она скинула длинную цепь, сложила ее вдвое и опустила на шею Меллиты. Меллита схватила маленький амулет, очень тронутая — Аллира не снимала его с трех лет. Он принадлежал еще их матери и бабушке.

Она произнесла спокойно:

— Я верну его, — быстро поцеловала Аллиру и не сказав больше ни слова нырнула в глубокий проход. Она услышала тихие всхлипы Аллиры, потом проход наверху закрылся, и свет пропал.

Она была одна в глубинах замка.

5

— Нам нужно добраться до Армиды к ночи, — Кольрик придержал лошадь в узком проходе на вершине перевала, чтобы остальные могли поравняться с ним, и бросил короткий взгляд на Баррона, — не надоело путешествовать?

Баррон молча покачал головой.

— Очень хорошо, потому что, хотя Правитель Комина может захотеть прервать наше путешествие на денек-другой, после этого мы двинемся в предгорья.

Баррон хмыкнул про себя. Если, согласно Кольрину, они двинутся в предгорья завтра, то по чему же они ехали все эти четыре дня? Каждый день, с того момента как они покинули равнину, где располагался Торговый Город, они петляли то вниз по склону, то вверх, с одной горы на другую, пока он не потерял счет подъемам и спускам.

И все же ему было хорошо. Он привык к лошади и крепко держался в седле и, хотя он не знал как это выразить словами, каждый метр дороги словно держал его в наваждении, которое он не мог ни понять, ни объяснить.

Он ожидал, что путь его будет наполнен горечью, обидой и печальным смирением. Он оставил позади все, что прежде знал: свою работу, бывших друзей, весь знакомый мир, сотворенный людьми, двигавшимися по Галактике огромными шагами. Он уходил в изгнание, на чужбину.

И все же он не мог объяснить этого даже себе самому — дальняя дорога держала его как бы ло сне. Он словно вспоминал давно забытый язык. Чужой мир дотянулся и охватил его, сказав — иди, чужеземец, ты возвращаешься домой!

Это было все равно, что ехать во сне или под водой, на всем происходящем лежала печать нереальности.

Временами его старое «я», то, что сидело все эти годы за диспетчерским пультом в Земной части Торгового Города, появлялось и растерянно оглядывалось вокруг. Он пытался тогда разобраться в себе.

Ты, вероятно, влюбился в этот мир. — Он вдыхал холодный, со странными ароматами воздух, и думал — Что происходит, ты никогда не был здесь, почему все это так знакомо? Но «знакомо» было не тем словом, это было так, словно когда-то, в другой жизни, он уже ехал вот так, вдыхая холодный воздух и странный фимиам, который

спутники его сжигали холодным, туманным вечером в кострах перед сном. Все было новым для него, и все же… словно я был слепцом и внезапно прозрел, все странное и прекрасное, но все-таки такое, каким и должно быть…

В эти короткие промежутки, когда прежний Баррон оживал в его сознании, он. понимал, что это чувство жизни во сне должно быть всего лишь новая форма тех сумасшедших галлюцинаций, стоивших ему работы и репутации. Но такие промежутки продолжались недолго. Остальное время он ехал в странном сне и наслаждался ощущением затерянности меж этих двух миров и вторым «я», в которое он превращался.

Но теперь путешествие подходило к концу, и он заинтересовался на мгновение, кончится ли и наваждение.

— А что такое Армида?

Кольрин ответил:

— Владения Правителя Альтона, Правителя Комина, пославшего за тобой. Он будет рад, что ты свободно говоришь на нашем языке и объяснит тебе, чего он от тебя хочет, — прикрыв глаза от солнца, он посмотрел вниз на долину и указал, — вон там, внизу!

Лес из толстых тяжелых серо-голубых деревьев,

ронявших на землю маленькие пахучие шишки, разрежался по мере того как они спускались вниз, и то тут, то там в подлеске жалобно кричала какая-то птица. В низинах прозрачными клубами начал скапливаться туман, и Баррон осознал, что был бы рай попасть под крышу до того как начнется дождь. Он устал спать на земле под брезентом, хотя и знал, что климат для этого времени года мягок, ему очень повезло, что это дождь, а не снег. Он также устал от пищи, сваренной на костре. Он был бы рад вновь очутиться под крышей.

С беззаботной уверенностью он направил лошадь вниз по склону и, позволив глазами закрыться, впал в короткую дремоту. Я не знаю правителей Альтона и должен держать в тайне от них мою настоящую цель пока не пойму, что они помогут, а не помешают. Здесь также можно добыть информацию о дорогах и наилучшем пути — снег скоро закроет перевалы, а до этого я должен как-то найти дорогу в Карфон. На самый край света…

Он вырвался из сна. Что за чушь ему снилась? Где Карфон и, кстати, что за Карфон? Насколько он понял, это могло быть и названием одной из лун! Черт, наверное я подцепил его в одной

из карт. Он занимался этим временами, когда больше нечего было делать. Наверное, это подсознание не забывает ничего — навеяло эти сны из полузабытых фрагментов.

Если это будет продолжаться, он станет прекрасным кандидатом для психушки. Кандидатом? Я уже готовый псих! В мозгу его крутились обрывки песни, которую он слышал когда-то, много лет назад на другой планете, песни о крае света.

…я осужден на путь, пять миль за самым краем мира, но мне — совсем чуть-чуть…

Нет, не так. Он пытался вспомнить слова, это отвлекло его от окружающей странности.

Леррис придержал лошадь. — Ты что-то сказал, Баррон?

— Нет. Это трудно перевести, но… ты понимаешь земной?

— Достаточно хорошо, — произнес Леррис с улыбкой.

Баррон просвистел обрывок мелодии, а затем запел немного грубым, но мелодичным голосом:

Тюк путаных фантазий
Приладив на спине,
Скачу к немыслимой землей
На призрачном коне.

Принцессой мрака и Эфира
Я осужден на путь,
Пять миль за самым краем мира мне — совсем чуть-чуть!

Леррис кивнул.

— Иногда очень похоже, — сказал он. — Мне понравилось и Вальдиру тоже понравится. Но Армида не совсем на краю света — пока.

Пока он говорил, они обогнули скалу, легкий запах древесного дыма и сырой земли донесся до них из долины, а сквозь неплотный туман они увидели внизу большой дом.

— Армида, — сказал Леррис, — Дом приемного отца.

Баррон не знал точно, почему он ждал, что это будет замок, вознесшийся среди непроходимых горных пиков, с орлами, парящими над его башнями. На спуске лошади заржали и прибавили шаг, и Лерис погладил свою по шее.

— Чуют дом и приятелей по конюшне. Это была хорошая поездка. Я мог вернуться и один. Это одна из самых безопасных дорог, но мой приемный отец боялся опасностей.

— Каких опасностей? — спросил Баррон. — Я должен знать, что может мне встретиться на

долгом пути в Карфон.

Леррис пожал плечами.

— Все обычное для этих гор: люди-кошки, бродячие банды нечеловеков, одичалые бандиты, хотя они обычно предпочитают более дикие места, и в любом случае нас не так много, чтобы привлечь что-то пострашнее. А если задует Призрачный Ветер… Но я и так достаточно запугал тебя, он рассмеялся, — эта часть планеты спокойная.

— Ты много путешествовал?

— Не больше остальных, — произнес Леррис, — я пересекал предгорья Килгарда, направляясь из Желлеров с приемным братом, когда мне было пятнадцать, и это не было привычной прогулкой, можешь мне поверить. А однажды я ходил с караваном в Сухие Города, перейдя перевалы в Высоких Кимби, за Карфон…

Карфон! — слово завертелось будто колокол, пробив что-то в Барроне и прыснув дозу адреналина в кровь. Он вздрогнул и пропустил одну-две фразы, он произнес, обрывая рассуждения молодого человека: — Где и что это за Карфон?

Леррис странно посмотрел на него.

— Город, во всяком случае, раньше был им. Лежит отсюда далеко на восток. Сейчас это практически город-призрак. Туда никто не ездит, но

караваны пересекают перевалы, есть старая дорога и брод через реку. А что?

— Я… кажется, я где-то слышал это название, — произнес неубедительно Баррон и опустил глаза, используя как извинение быстрый шаг лошади по выровнявшейся дороге, направлявшейся к стенам Армиды.

Но почему он ожидал, что это будет замок? Сейчас, у ворот, казалось резонным, что это широкий дом, защищенный стенами от жестоких ветров со взгорий. Он был выложен серо-голубым камнем с широкими полупрозрачными прожилками в стенах, за которыми в неясной мешанине цветов и блеска двигались огоньки.

Они проехали сквозь низкую арку в теплый, крытый двор. Баррон отдал лошадь маленькому смуглому человеку, облаченному в шерсть и кожу, который принял поводья, пробормотав вежливую фразу. Землянин опустился на землю с трудом.

Вскоре после этого он оказался у высокого и яркого пламени в просторном каменном зале. За полупрозрачными каменными стенами боролись с мраком огоньки, а ветры остались снаружи. Вальдир Альтон, высокий, худощавый мужчина с острыми глазами, приветствовал Баррона покло-

ном, и несколькими короткими формальными фразами, а затем замолчал, глаза его остановились на землянине, и он нахмурился.

Он произнес: — Сколько вы на Дарковере?

— Пять лет, — ответил Баррон, — а что?

— Ничего, кроме… возможно то, что вы говорите на нашем языке, слишком хорошо для новоприбывшего. Но — не рано учить, никогда не поздно учиться. Нам будет приятно узнать все, что вы захотите преподать нам о вашей оптике. Добро пожаловать в мой дом, к моему очагу. — Он снова поклонился и отступил.

Несколько раз за этот долгий вечер, с горячим и обильным ужином и длинным, приятно проведенным временем у огня между ужином и моментом, когда их проводили к постелям, землянин чувствовал, что взгляд Дарковерского Правителя со странной пристальностью прикован к нему.

Я слышал, что некоторые из них читают мысли. Если он это может, ему, вероятно, доведется найти там много забавного. Хотел бы я знать, может быть, эти чертовы галлюцинации просто реют над планетой, и я случайно подхватываю их.

Тем не менее, чувство смущения не помешало ему проглотить огромное количество вкусной

и горячей пищи, поданной путешественникам, и насладиться странным-зеленым смолистым вином, принесенным позже. Туман от крепкого вина, казалось, заставил его меньше обращать внимания на туман, не дававший ему удивляться Дарковеру, и спустя некоторое время он был рад ощутить нормальное опьяние вместо впечатления, что он смотрят на мир двумя парами глаз. Он сидел, потягивая вино из прекрасного, выточенного из зеленого кристалла кубка, слушая как юная приемная дочь Валъдира, Клейндора, играет на арфе, лежащей у нее на коленях, и поет в мягком пентаническом размере какую-то бесконечную балладу об облачных озерах, где звезды падают на берег, и женщине, что идет, купаясь в звездах.

Было приятно спать в высокой комнате завешанной полупрозрачными портьерами и наполненной бегущими огнями. Баррон, привыкший спать в темноте, минут двадцать искал выключатель, чтобы погасить их, но затем сдался, забрался в постель и лежал в дреме, глядя на них. Бегущие огни сдвинули сознание в нейтральную позицию и производили цветные узоры даже за закрытыми веками, пока он не уснул.

Он спал крепко, ему снились странные запу-

танные сны о полетах, скользящих и кренящихся пейзажах внизу, а голос кричал снова и снова: Найди дорогу в Карфон! Меллита будет ждать тебя в Карфоне! В Карфоне!..

Он проснулся, не совсем придя в себя, слова звенели в его ушах, хотя сон уже ушел. Карфон. Зачем ему идти туда и кто мог заставить его сделать это? Отбросив эти мысли, он лег и вновь уснул, но во сне этот голос вновь пришел к нему, звал, бормотал, молил, приказывал: — Найди дорогу в Карфон!..

Спустя какое-то время сон изменился. Он тащился вниз по бесконечным лестницам, прорывая выставленными руками острую паутину, в полной тьме, если не считать исходившего от стен зеленого фосфоресцирующего сияния. Было адски холодно, шаги его замедлились, сердце стучало и тот же вопрос бился в мозгу — Карфон. Где Карфон?

С восходом солнца и тысячью любезностей и странностей дарковерского дома, он пытался забыть сон. Он вновь отрешенно подумал, не сходит ли он с ума. Господи, за что это наваждение?

Пытаясь разрушить пути этих непреодолимых снов или заговоров, он в середине дня разыскал Лерриса и сказал:

— Твой приемный отец, или как там его, собирался объяснить мне, что я должен делать. Мы, земляне, не любим прохлаждаться. Спроси его, может ли он принять меня сейчас?

Леррис кивнул. Баррон и раньше замечал, что он казался практичнее и прямолинейнее большинства дарковерцев и меньше обращал внимания на этикет.

— Никто, конечно, не заставляет тебя начать работу сразу, но если ты так хочешь, мой опекун и я к твоим услугам, когда ты пожелаешь. Принести твое оборудование?

— Да, пожалуйста, — что-то в словах его странно поразило Баррона, — я думал- Вальдир твой отец.

— Приемный отец, — и снова Леррис, казалось, хотел что-то сказать, но удержался. — Пойдем, я провожу тебя в его кабинет.

Это была маленькая комната. По дарковерским стандартам, подумал Баррон, дом этот сошел бы за порядочных размеров банкетный зал. Окна перемежающиеся полоски стекла и полупрозрачного камня — выходили в закрытый двор. Было страшно холодно, но ни Вальдир, ни Леррис, похоже, не замечали этого. Они были одеты лишь в холщовые рубахи, которые дарковерцы носили

под шерстяными туниками. Во двор выходили и входили люди, какое-то время Вальдир смотрел на это, дипломатично не замечая, как Баррон сгибается над крохотным очагом в попытке согреть ладони, а затем повернулся, приветливо улыбаясь.

— Вчера вечером я мог приветствовать только формально, я очень рад вас видеть, мистер Баррон. Именно мы с Леррисом организовали просьбу прислать кого-нибудь из Торгового Города, чтобы показать нам, как шлифуются линзы.

Баррон улыбнулся немного кисло: — Это не является моей настоящей профессией, но я знаю достаточно, чтобы показать начинающим. Так значит, это вы организовали мой приезд сюда? Я думал, ваш народ невысоко ставит земную науку.

Вальдир бросил на него острый взгляд.

— Мы не имеем ничего против земной науки. Мы боимся земной технологии — того, что Дарковер превратится в еще одно звено в цепи миров одинаковых, песчинки или травы на берегу землян. Но это вопросы политики или, быть может, философии, их стоит обсуждать вечером за добрым вином, а не походя, во время совместной работы. Я думаю вы найдете у нас готовность

учиться.

Уже несколько раз во время разговора Баррон ощущал странный низкий гул, почти звук, где-то на границе восприятия, который он не мог определить. От него начинала болеть голова и трудно было услышать слова Вальдира. Он огляделся, пытаясь понять, если возможно, что производит этот звук? Он не совсем слышал его! Он пытался сосредоточиться, но пропустил одно предложение

— … и поэтому, как видите, в предгорьях старого человеческого зрения хватает, но в высоких Сиёррах, где абсолютно необходимо, чтобы любой язычок пламени был обнаружен, прежде чем он выйдет из-под контроля, оптика — как вы ее называете, телескопы — будет неоценимым подспорьем. Это могло бы сберечь акры и акры древесины. Огонь в сухой сезон — постоянная угроза…он замолчал, Баррон непрерывно мотал головой из стороны в сторону, рука, его прижалась ко лбу.

Звук вибрации, или того, чем бы он не был, заполнял, казалось, его череп. Вальдир произнес удивленно:

— Вам мешает телепатический дампер?

— Телепатический — что? Но… — Что-то опре-

деленно производило здесь этот чертов шум. — Простите, сэр…

— Не стоит, — произнес Вальдир. Он подошел к тому, что казалось завитушкой орнамента стены и повернул на ней рычажок. Невидимый шум стих, и голова Баррона пришла в норму. Вальдир казался удивленным.

— Простите, даже один землянин на полтысячи не знает о существовании такого приспособления, я просто забыл выключить его. Мои глубочайшие извинения, мистер Баррон. Вам лучше? Можем ли мы чем-то помочь?

— Нет, все в порядке, — произнес Баррон, почувствовав, что все пришло в норму и интересуясь, что же это за устройство. Он пребывал в обычном земном заблуждении, что Дарковер, будучи планетой без крупной промышленности и технологии, является варварским миром, и мысль о каком-то электронном устройстве, функционирующем здесь, далеко за Зоной Земли, казалась столь же несуразной, как дерево в центре космопорта.

— Вы впервые в горах? — спросил Вальдир.

— Нет, но в первый раз я ехал по плоскогорью. — Баррон поймал себя на том, что это устройство и странный шум, похоже, выбили его из колеи. —

Да, я никогда прежде не покидал Зоны Земли.

— Конечно, вы еще не видели настоящих гор, — сказал Леррис, — на самом деле это еще только подножия, в сравнении с Хеллерами, Риалами или Лорридарскими хребтами.

— По мне это вполне нормальные горы, — сказал Баррон, — если это подножия, то я бы не стал торопиться увидеть высоты.

Будто опровергая его слова, в его мозгу ожила картина — я видел Армиду, такой же большой, высокий, серый замок в исщербленной пасти горы, у подножия скалы, увенчанной снежной Короной…

Картина потускнела, и Баррон перевел дыхание, но прежде чем он успел что-нибудь подумать или сказать, открылась дверь и Гвин, одетый сейчас в нечто напоминающее черно-зеленую униформу, вошел в сопровождении двух человек, тащивших сундук Баррона с заготовками линз и инструментами для шлифовки. По его указанию они опустили его и откинули плотные ремни. Вальдир поблагодарил носильщиков на незнакомом диалекте. Гвин задержался, чтобы задать пару вопросов, и к тому времени, когда они все вышли, Баррон уже успокоился и овладел собой. Ладно, возможно, в Зоне Земли я получил

что-то вроде нервного срыва, и он продолжается и сейчас приступами. Отсюда не обязательно следует, что я сошел с ума, и уж конечно, ни к чему впутывать в это работу, которой мне предстоит заниматься.

Он должен был признать, что для людей, не получивших стандартного научного образования, Вальдир и Леррис проявили достаточно понимания и задавали резонные вопросы касательно того, что он им рассказывал. Он коротко описал им историю линз — от микроскопов и телескопов до очков для плоховидящих и биноклей.

— Вы, конечно, понимаете, что все это очень примитивно, — добавил он извиняющимся тоном. — В нашем доисторическом периоде мы владели простейшими оптическими приборами, это обычная доатомная форма развития для большинства планет. Теперь же у нас есть различные типы радаров, источников когерентного излучения, и тому подобное. Но когда люди Земли впервые начинали экспериментировать со светом, линзы были нашим первым шагом в этом направлении.

— О, это понятно, — сказал Вальдир, — не стоит извиняться. На планете вроде Земли, где случаи ясновидения столь редки, естественно, что люди

обращаются к таким экспериментам. — Баррон вытаращился на него, он не просил извинения.

Леррис поймал его взгляд и быстро, с юмором подмигнул ему, а затем слегка нахмурился на своего опекуна. Вальдир остановился и продолжал: — И, разумеется, нам очень повезло, что вы развили такую технику. Видите ли, мистер Баррон, здесь на Дарковере, в наш доисторический период мы были миром, где широко использовались так называемые ЭСП-способности, вместо машин и механизмов для расширения и дополнения пяти человеческий чувств. Но так много древнего знания утеряно или забыто на протяжении того, что мы называем Годами Хаоса, как раз перед Воссоединением, что мы теперь вынуждены усилить наши невооруженные чувства различными приспособлениями. Необходимо, конечно, очень осторожно выбирать, что впустить в наше общество. История слишком многих планет показывает, что технология обоюдоострое оружие, которое часто применяется во вред, а не на пользу. Но мы внимательно изучили возможное влияние и решили, что с элементарной осторожностью внедрение оптики не принесет заметного вреда в обозримом будущем.

— Это весьма разумный шаг, — произнес Бар-

рон с иронией. Если Вальдир и уловил сарказм, он не отреагировал на это и сказал:

— Леррис, конечно, имеет хорошее техническое образование и сможет пояснить мне то, что я не пойму. А теперь об источнике энергии для ваших машин и механизмов, мистер Баррон. Я думаю, вас предупредили о том, что на Дарковере мало электрической энергии, да и та низкого вольтажа.

— Да, верно. Оборудование у меня в основном ручное, а маленький генератор можно приспособить к ветряку.

— Ветер — это как раз то, чего на Дарковере хоть отбавляй, — произнес Леррис, дружески улыбаясь. — Именно я предложил энергию ветра вместо аккумуляторных батарей.

Баррон начал укладывать различные детали оборудования в ящик. Вальдир встал и подошел к окну, задержавшись перед резным орнаментом, скрывавшим непонятное электронное оборудование. Внезапно он произнес:

— Мистер Баррон, где вы научились дарковерскому языку?

Баррон пожал плечами.

— Я быстро схватываю языки, — он нахмурился. Конечно, он владел им в рабочем объеме города

возле Торговой Зоны, но сейчас он выдал длинную и весьма техническую лекцию без единой запинки, ни разу не обратившись к Леррису за переводом. Он почувствовал странное смятение и страх. Он что, все время говорил по-дарковерски? Ему не надо было думать, на каком языке он говорит. Черт побери, что со мной происходит?

— Ничего особенного, — быстро произнес Леррис, — я говорил Вам, Вальдир. Нет, я тоже этого не понимаю. Но… я дал ему свой нож.

— Это твое право, подопечный, и я не осуждаю тебя.

— Смотрите, — быстро проговорил Леррис, — он нас понимает.

Острый взгляд Вальдира метнулся в сторону Баррона, который внезапно осознал, что они говорят еще на каком-то наречии. Смятение Баррона породило гнев. Он сказал с сухой резкостью: — Я не знаю дарковерских обычаев, но среди моего народа считается невежливым говорить о ком-то в его присутствии.

— Извините, — сказал Леррис, — я понятия не имел, что вы сумеете понять нас, Баррон.

— Моему приемному сыну более других следовало бы помнить о латентных телепатах, — сказал Вальдир. — Извините, мистер Баррон, мы

не хотели вас оскорбить. Телепаты среди вас, землян, редкость, хотя и встречаются.

— Вы хотите сказать, что я читаю ваши мысли?

— В каком-то смысле. Это слишком сложно, чтобы объяснить за несколько минут. Пока же, я предлагаю вам подумать о полезности такого дара для работы, которую вам предстоит делать, ведь это позволит вам объясняться с людьми плохо зная их язык.

Баррон хотел сказать, что он не телепат, и никогда не проявлял подобных способностей, а когда Рейнес гонял меня через стандартные пси-тесты Космической Службы, результат был где-то возле абсолютного нуля. Но он промолчал.

Он многое узнал о себе за последнее время и осознал, что он уже не тот, каким был раньше. Если в придачу к галлюцинациям он подцепит еще несколько способностей, это наверняка будет проявлением закона компенсации. И, конечно, это облегчило беседу с Вальдиром.

Он закончил упаковывать оборудование и выслушал заверения Вальдира, что его оборудование аккуратно упаковывают для путешествия на горную станцию, где ему предстоит работать. Но когда несколькими минутами позже он вы-

шел и спустился в зал, то был шокирован, но не удивлен, осознав, что голоса Вальдира и Ларри продолжают звучать далеким шепотом внутри его черепа.

— Ты думаешь, земляне нарочно избрали телепата?

— Не думаю. Отец, я не верю, что они достаточно знают, как выбирать или готовить их. И он, похоже, слишком удивлен происходящим. Я говорил Вам, что он откуда-то перехватил образ Шарры.

— Шарра, из всех возможных! — мысленно голос Вальдира вздрогнул в удивлении и чем-то похожем на испуг. — И ты дал ему свой нож, Ларри! Ну, ты знаешь, что это значит. Я освобождаю тебя от твоего обета, скажи ему, кто ты, когда будешь считать необходимым.

— Это не из-за того, что он землянин. Но если он будет бегать по Дарковеру в таком состоянии, кому-то придется что-то с этим делать, а я, возможно, сумею понять его лучше остальных. Не так-то просто менять планеты.

— Не делай поспешных выводов, Ларри. Ты не можешь знать, сменит ли он планету.

— Сменит! Куда ему после этого деваться на Земле? — ответил Ларри.

6

Меллита кралась вниз по туннелю, ощупью находя дорогу во тьме. После того как смутный свет из проломов за ней угас, она оказалась в полной темноте и ей приходилось нащупывать ногой каждую ступеньку, прежде чем ступить на нее. Она жалела, что не взяла светильника. Но, с другой стороны, ей требовались обе руки, чтобы находить дорогу и держаться. Она шла осторожно, не становясь всем весом на ступеньку, прежде не опробовав ее. Она не спускалась сюда раньше, но детство ее было наполнено историями о ее предках Сторнах и предшествовавших им строителях замка, и она знала, что тайные выходы и туннели могут быть напичканы неприятными сюрпризами для тех, кто станет шляться по ним без соответствующих мер предосторожности.

Осторожность не была излишней. Не прошла она еще и полкилометра во мраке, когда стена слева от нее исчезла и сменилась дуновением сырого воздуха, поднимавшегося, казалось, с неимоверной глубины. Воздух двигался, и она не боялась задохнуться, но эхо откликнулось на

таком расстоянии, что она вздрогнула при мысли о том, что лежало слева, а когда столкнула ногой маленький камешек, он скользнул через край и исчез без следа, пока с огромной глубины не донесся слабый шепот удара.

Внезапно ее руки уперлись в холодный камень, и она поняла, что попала в тупик. Отпрянув на мгновение, она начала ощупывать все вокруг и поняла, что двигается шаг за шагом вдоль узкого уступа у подножия лестницы. Она чувствовала, как руки ее рвут толстую паутину, и ежилась при мысли о невидимых во тьме созданиях, сотворивших ее. Она не боялась обычных пауков, но кто мог сказать, какой ужас мог расплодиться здесь, не видя света с начала времен, как она находили во мраке дорогу и какие призрачные создания служили им пищей. Она сидела, подперев ладонью маленький подбородок, и думала что ее они в любом случае не станут есть. Она сжала рукоятку своего ножа и выставила перед собой.

Слева от нее появился слабый зеленоватый отблеск. Может быть, она уже подошла к выходу из туннеля? Это не было обычным сиянием дня или лун. Свет этот приходил откуда угодно, только не снаружи. Выступ внезапно расширился, теперь ома снова могла идти спокойно и легко.

Зеленоватое сияние медленно приближалось, и наконец она увидела, что оно исходит из-под арки в конце каменного прохода, по которому она двигалась. Меллита была не робкой, но что-то в этом зеленом свете не нравилось ей с того самого момента, как она увидела его отблеск, что-то происходившее, казалось, из самых глубин подсознания и пробуждавшее древние полузабытые воспоминания.

Дарковер был старым миром, а горы — самой костью его, и ни один человек не ведал, что могло скрываться за ними, когда солнце тысячелетия назад впервые начало остывать, чтобы затаиться там и расти невидимым кошмаром.

Она шла бесшумно в своих подбитых мехом ботинках, она призрачно кралась, едва шевеля воздух вокруг, затаив дыхание из опасения потревожить странное НЕЧТО. Земное сияние приближалось и, хотя оно было не ярче света луны, от него почему-то болели глаза, и она до предела сузила веки. Там, внизу, таилось что-то ужасное.

Ну, подумала она, даже если это и дракон, он не страшнее людей Брайната, В худшем случае он просто съест меня. Да и нет уже драконов на Дарковере уже много тысяч лет. Их всех убили

еще до Века Хаоса.

Проход, откуда исходил зеленый свет, был совсем рядом.

Ядовитое сияние непрерывно давило на глаза. Она подступила к арке и заглянула внутрь, затаив дыхание, чтобы не вскрикнуть от открывшейся ей отвратительной картины.

Зелёный свет исходил от больших ядовитых грибов, росших в медленных потоках воздуха. Это помещение было высоким и полукруглым, она могла рассмотреть выбоины, заросшие грибами, а в дальнем углу — смутные обросшие формы, раньше бывшие помостом и чем-то вроде кресел.

Меллита взяла себя в руки. Почему это можно считать ужасным? Только потому, что оно зеленое и скользкое на вид.

Лягушки тоже такие же, а они не опасны. И мох на камнях.

Почему растения, растущие сами по себе, внушают мне это всеподавляющее чувство чего-то дурного, нечистого? И тем не менее, она не могла заставить себя пройти через арку. От зеленого света болели глаза, а в воздухе ощущался слабый запах, напоминающий запах падали.

Постепенно, когда глаза ее привыкли к зелено-

му, она увидела то, что ползало меж грибов.

Оно было белым и слизнеобразным. Глаза, большие и радужные, медленно повернулись в ее сторону, и девушка почувствовала, как ее сердце уходит в пятки под этим невидимым взором. Она стояла замерев, думая в отчаянии, что вероятно это новые, они не могли здесь жить всегда, дорога эта была в полном порядке еще сорок лет назад. Я помнила, как отец рассказывал о пещере, хотя он не был в ней с моего рождения.

Она отступила назад, изучая зеленые сосульки грибов ползунов. Выглядели они отвратительно, но были ли они действительно опасными? Даже при виде их у нее по коже бежали мурашки, они могли быть безвредными, как большинство пауков. Может быть нужно только набраться смелости и пробежать мимо.

Слабый хруст сзади заставил ее опустить взгляд. Возле ее одежды сидел на задних лапах, с любопытством глядя на нее, маленький, с рыжеватой шерсткой грызун, отпрянувший от входа в пещеру. Он негромко и немного нервно завизжал, и этот звук показался Меллите точным отражением ее собственных чувств. Зверек был маленьким и грязным, но, по сравнению с обитателями зеленой пещеры, он казался нормальным

и дружелюбным. Меллита чуть улыбнулась ему.

Он снова пискнул, а затем внезапно, рывком, кинулся сквозь грибы.

Зеленые ветки схлестнулись на маленьком создании. Оно тонко закричало и замерло, окутанное зеленью, пульсировавшей отвратительным светом. Через сияние надвинулся, сгустился и разошелся маленький золотоглазый ужас. Не осталось даже костей, только крошечный обрывок красной шерстки.

Меллита закусила запястье, чтобы не закричать. Конвульсивно отступив назад, она наблюдала, как медленно опадают грибы. Это заняло несколько минут.

Прошло еще какое-то время, прежде чем у нее утихло сердцебиение и она обнаружила, что отчаянно ищет выход.

Если бы мне только удалось как-нибудь заманить сюда людей Брайната, подумала она сухо, но это, похоже, никуда не вело.

— Огонь, все живое боится огня, кроме человека. Если бы у меня был огонь…

У нее не было светильника, но в кармане у нее лежало огниво и трут. На Дарковере находиться вне помещения в снежный сезон без возможности развести огонь означало верную смерть.

Она научилась разводить огонь, прежде чем ей исполнилось восемь, всеми способами, в любой ситуации.

Пытаясь не дышать, она вытянула материалы для добывания огня. У нее не было ничего подходящего для факела, и она содрала с себя шарф, намотала его на маленький камень и подожгла. Затем, держа его перед собой, вступила в пещеру грибов. Зеленые ветки отпрянули, когда свет и жар коснулись их. Слизняки, ползшие к ней, заставили задохнуться от ужаса, но они не пытались атаковать, и она снова размеренно двинулась вперед, через пещеру. Ей следовало идти быстро, но не настолько, чтобы не смотреть под ноги.

Шарф не протянет более минуты. К счастью, полоска грибов тянулась, похоже, не более чем на сто метров, дальше снова начиналась темнота.

Один из ползунов коснулся ее ноги. На ощупь он был скользким, как лягушка, она ахнула, покачнулась и выронила свой фонарь. Она кинулась подобрать его, но…

Ползучая мерзость издала высокий пронзительный писк.

Зеленые грибы у ног ее двинулись, и она замерла, ожидая удара.

Пылающий шарф коснулся зеленой ветки и ту охватил огонь. Вспышка ужасного красно-зеленого пламени взвилась до потолка. Меллита ощутила удар жара, когда огонь перепрыгивал с ветки на ветку. В полминуты все стены пещеры были охвачены огнем, маленькие ползуны кричали, корчились и умирали у ее ног, а зеленые ветви, извиваясь, старались вырваться из полосы огня, но тоже подхватывали пламя и вспыхивали.

Казалось, целую вечность стояла она так, стараясь уберечь от огня свою одежду, уши ее разрывали вопли, а глаза жег зеленоватый дым. Сознанием она понимала, что прошло всего лишь несколько минут, пока пламя, не находя больше пищи, умерло, оставив ее одну в благословенном непроницаемом мраке.

Она медленно двинулась вдоль пещеры туда, где, как она помнила, находилась дальняя дверь, стараясь не вдыхать ядовитую жгучую пыль сгоревших грибов. Под ногами неприятно хрустело, и она с отвращением ступала на землю, но с этим ничего нельзя было поделать. Она двинулась оцепенело, запомнив направление лоскута тьмы после пещеры грибов.

Она поняла, что достигла его почти сразу,

потому что воздух стал чище, а под ногами не осталось ничего, кроме твердого камня. Откуда-то также падал слабый свет, вероятно лунный, из открытой вентиляционной шахты. Воздух был холодным и сладким, строители туннеля пошли на некоторые сложности ради того, чтобы в нем приятно было передвигаться. Где-то вдалеке она услышала плеск воды, и для ее горла, все еще забитого пылью сгоревших грибов, это было как обещание.

Она спускалась, двигаясь на далекий плеск. Дважды она отклонялась, заметив на стенах слабый, не более мазка, налет зеленого, заметив про себя, что если случится сюда вернуться, то я спущусь сюда с огнем и выжгу все напрочь.

А если нет, я надеюсь, сюда раньше спустится Брайнат!

После неспешного спуска она обнаружила воду — журчащий ручеек, вытекающий из камня и медленно струящийся вниз вдоль лестницы. Она подставила ладонь и напилась. Вода была хорошей, она умыла покрытое сажей лицо и съела часть своей провизии. По тому как воздух касался ее лица, она могла судить, что ночь приходит к концу.

К утру ей нужно найти убежище.

Но стоит ли? День-другой я могу прекрасно пролежать в туннеле, пока не уляжется суматоха.

Затем она поняла, что это невозможно. Она просто не могла настолько довериться Аллире. Сестра не предала бы ее сознательно, но если Брайнат заподозрит ее, он сделает все, чтобы выжать из нее информацию. Она не верила в способность Аллиры хоть сколько нибудь противостоять допросу.

Спускаясь вниз, она внезапно осознала, что наклон туннеля уменьшается, пока наконец не вышла на уровень обычного горного спуска. Вероятно, она достигла конца длинной лестницы. Она умела хорошо оценивать расстояние и знала, что прошла этой ночью прилично. Туннель, вероятно, вел глубоко за замок и вниз, в пещеры и горы за ними. Затем она подошла к двойным большим бронзовым дверям, распахнула их и встала на свежем воздухе, уже на свободе.

Было еще темно, хотя судя по запаху, до восхода оставалось не более двух часов. Луны сели, и дождь прекратился, но туман все еще лежал на земле. Она посмотрела назад, на закрывшиеся за ней двери.

Она знала теперь, где находится. Она видела эти двери снаружи в детстве, играя в деревне куз-

нецов. Сейчас она стояла на открытой каменной площади, окруженной со всех сторон дверями, врезанными во вздымавшиеся ввысь утесы.

От неба виднелась лишь узкая полоска далеко вверху. Она осмотрела темные двери домов, некоторые до сих пор распахнутые, и всеми членами истощенного тела ощутила, как это было бы прекрасно — заползти в один из этих домов И выспаться хотя бы несколько часов.

Она заставила себя подняться и двинулась вниз по тропе меж скал. Как и туннель, заброшенная деревня кузнецов будет первым местом, где будет искать ее Брайнат, сумей он вырвать тайну ухода у Аллиры. Она прошла мимо стоявших на улице горнов, где бесчетное число лет назад работали кузнецы, творя свои прекрасные и странные изделия из железа, а также медные драгоценности и железные ворота ее собственного замка, сейчас разбитые и сброшенный в пропасть. Она бросила быстрый взгляд наверх. Отсюда виднелась часть внешних укреплений. Брайнат, не теряя времени, восстанавливал оборону Сторна. Очевидно, он полагал, что ему придется защищать их от вторжения.

Клянусь Аваррой и Зандру, клянусь Шаррой, богиней Огня и Горнаэ, он десятикратно оплатит…

Не время для подобных мыслей. Если она хотела заставить Брайната страдать, для начала ей нужно скрыться самой. Сначала нужно подумать о собственной безопасности.

Она прошла старый круг печей, холодных и заржавевших.

Даже резной лик Шарры над центральным горном потускнел, и золото ее цепей, приваренное к тусклому металлу статуи, покрывалось паутиной и птичьим пометом. Она задержалась у алтаря. Она не принадлежала к поклонникам Огнекудрой, она, как всякое дитя гор, хранила глубокое уважение и восхищение к тайному искусству кузнецов.

Если я вернусь — когда я вернусь — образ Шарры вновь очистят, и поклонение возобновится. Об этом тоже не стоило сейчас думать.

Горизонт заметно покраснел, когда сбившая ноги Меллита, схватилась за дверь маленького домика в деревне, недалеко от замка, и слабо постучала. Она собрала последние силы. Если никто сейчас не услышит и не поможет ей, она упадет здесь и будет лежать до тех пор, пока ее не найдут люди Брайната.

Но прошло всего несколько мгновений, и дверь приоткрылась, а затем ласковые руки схватили

ее и втащили внутрь.

— Быстрее — запри дверь, опусти шторы. Дамисела, оттуда вы взялись? Мы думали, вы погибли в битве, или еще хуже. Как вам удалось освободиться? Храни вас венда! Ваши бедные руки, ваше лицо! Риэль, дубина, принеси немного вина, и побыстрее, для нашей маленькой госпожи!

Несколькими минутами позже, выпив горячего бульона, сняв ботинки и протянув ноги к огню, завернутая в одеяла, Меллита вкратце описывала историю своего побега аудитории, которая слушала, широко раскрыв глаза.

— Леди, вы должны спрятаться здесь, пока не улягутся поиски… — но лица их были напряжены, и Меллита быстро сказала: — Нет. Брайнат наверняка убил бы всех вас, — и увидела стыдливое облегчение. — Я могу спрятаться в пещерах наверху до наступления темноты, а затем уйду в Неварсин или дальше. Но вы можете найти мне пищу и, может быть, лошадь, способную преодолеть перевал.

Все это было быстро организовано, и до конца для Меллита отдыхала, завернутая в шаль и меха, в запутанных пещерах долгие века являвшихся последним прибежищем Сторнов. Один день она будет здесь в безопасности, потому что Брай-

нат наверняка обыщет сначала близлежащую местность, а к ночи она уйдет. До Карфона путь неблизкий.

Вымотанная девушка уснула, но одно слово путалось в ее снах КАРФОН…

7

Проехав от Зоны Земли до Армиды, Баррон думал, что узнал горы. Правда, сопровождавшие его дарковерцы постоянно называли их предгорьями, но он отнес это на счет преувеличения их желания удивить пришельца. Теперь же, в полудне от Армиды, он начал понимать, что они ничего не преувеличивали. Когда они покинули длинную, медлено вздымавшуюся вверх по лесистому холму дорогу, он увидел перед собой настоящие хребты. Холодный пурпур, глубокий фиолет, бледно-серая голубизна — они лежали цепь за цепью, пик за пиком, и каждая следующая цепь поднималась выше и выше, пока все они не сливались в клубящиеся дали, которые могли быть грозовыми облаками или еще более далекими горами.

— Великий Боже! — выпалил он. — Мы что, собираемся поднять вверх?!

— Не совсем, — успокоил его Кольвин, ехавший рядом с ним, только на вершину во второй цепи, вон там, — он указал, где именно. — Пожарная вышка стоит на пересечении хребтов. — Он ска-

зал Баррону их дарковерские названия. — Но если вы посмотрите достаточно далеко, то сможете увидеть, что горы вплоть до самого конца, до той цепи, что зовут Стеной, Окружающий мир. Там никто не живет, кроме хвостатых людей.

Баррон припомнил смутные рассказы о разных группах негуманоидов Дарковера. В следующий раз, когда они остановились, чтобы перекусить и дать отдых лошадям, он нашел Ларриса, который был самым дружелюбным из всех, и спросил: — Они водятся только в дальних хребтах? Или в этих горах тоже есть негуманоиды?

— Да. Ты столько лет был на Дарковере — пять — и до сих пор не видел ни одного негуманоида?

— Одного-двух кирри в Земной Торговой Зоне, да и то издалека, — сказал Баррон. — И маленький мохнатый народец в Армиде — не знаю, как вы их называете. А что, есть и другие? И все они — ну, если они негуманоиды, нельзя спрашивать «люди ли они», — но подходят ли они под стандарты Империи для так называемых «разумных существ» — древняя культура, сложный язык, доступный для перевода на другие языки?

— О, они все разумны по стандартам Земной Империи, — заверил его Леррис, — а причина, по которой Империя не имеет с ними дела, до-

вольно проста. Здешним людям не так интересна Империя сама по себе, и люди ее как личности. Негуманоидные расы — я не эксперт, но подозреваю, никто из них никогда не пытался вступить в контакт с Империей по той же причине, по которой они не слишком контактируют с гуманоидами Дарковера, Их цели, желания и так далее, столь не похожи на наши, что просто нет точек соприкосновения, да они не хотят этого.

— Ты хочешь сказать, что даже дарковерцы не имеют никаких контактов с негуманоидами?!

— Я не сказал НИКАКИХ. Существует небольшая торговля с хвостатыми, вы их называете полулюдьми, или сублюдьми, и живут они в лесу на деревьях. Они покупают у горян лекарства, маленькие орудия, металл и тому подобное. Они не опасны, если не пугать их. Кошколюди — эта раса чем-то похожа на кралмаков, мохнатых слуг Армиды. Кралмаки не очень разумны, скорее смышленые, чем умные, но и у них есть какая-то разновидность культуры, некоторые из них телепаты. Их уровень чуть выше шимпанзе или дебила, которому случайно удалось перейти к первобытной общине. Гения среди кралмаков можно научить десятку человеческий слов, но я никогда не слышал, чтобы кто-то из них умел

читать. Я думаю, что люди Империи дали им весьма сомнительный кредит, классифицировав их как РС.

— Мы вынуждены были сделать это. Вы не хотели, чтобы кто-нибудь после кричал, что мы относимся к потенциально разумной расе, как к высшим животным.

— Я знаю. Кралмаки отмечены как действительно или потенциально разумные существа и оставлены в покое. Кошколюди, я подозреваю, куда более разумны, я знаю, что они используют металлические орудия. К счастью, мне доводилось видеть их вблизи, они ненавидят людей и нападают при каждом удобном случае. Я слышал, что у них очень развитая феодальная культура со сложным сплетением кодексов, управляющих степенью открытости лица. Жители Сухих Городов верят, что некоторые элементы их собственной культуры сплетались с кошколюдьми тысячелетия назад, но об этом лучше бы рассказал тебе ксеноантрополог.

— А сколько всего разумных рас на Дарковере? — спросил Баррон.

— Одному Богу известно, и я не шучу. И уж, конечно, никому из землян. Может быть, кто-нибудь из Коминов и знает, но они не скажут. Или

чири — это еще одаи почти гуманоидная раса, но, по мнению большинства, они настолько выше людей, насколько те выше кралмаков. Наверняка никому из землян это неизвестно. Даже мне, у меня было больше возможностей, чем у всех остальных.

Прошла почти минута, прежде чем Баррон осознал последнее предложение, и затем внезапно до него дошло: — Ты ЗЕМЛЯНИН?!

— К вашим услугам. Ларри Монтре, меня называют здесь Леррисом, потому что так легче для дарковерцев, вот и все.

Баррон ощутил внезапное раздражение и гнев.

— И ты делал из меня идиота, заставляя говорить с тобой по-дарковерски!

— Я же предлагал переводить, — сказал Ларри, — но я был под обетом Вальдиру никогда и никому не упоминать, что я — землянин.

— И он твой опекун? Ты его приемный сын? Как это случилось?

— Долгая история, — сказал Ларри. — Лучше когда-нибудь в другой раз. Если вкратце: его сын, Кеннард, воспитывается на Земле в моей семье, а я здесь, с его народом. — Он поднялся на ноги. — Смотри, Гвин ищет нас. Мы хотели достичь пожарной вышки завтра до вечера, если удастся

пограничников следует сменить, а впереди еще долгий путь в этих предгорьях.

Баррону было о чем подумать на пути в предгорья, но мысли его постоянно возвращались к этому разговору с настойчивостью, которую он не мог понять — будто тайный страж в дальнем уголке его сознания крутится вокруг этого с упорством безумца.

Землянин может сойти за дарковерца. Землянин может представиться дарковерцем. В этих горах, где никогда не видели землян, землянин, желающий казаться дарковерцем, будет в безопасности от любого гуманоида и не привлечет к себе внимания негуманоидов…

Баррон покачал головой. Хватит об этом. Ему неинтересны эти горы, если это не поможет ему сделать свою работу настолько хорошо, что он снова сможет воссоединиться с Империей и заняться своим делом, или чем-то другим, на другой планете, в другом космопорту.

Если Лерри, Леррис, или как он там себя называет, хочет позабавиться жизнью в семье таинственных дарковерских телепатов и узнать больше чем кто-нибудь о негуманоидах и всем этом, — его дело, каждый сходит с ума по-своему, а я видал и худшее. Но он тоже не был нормаль-

ным.

Он возвращался к этим мыслям с непонятной настойчивостью в течение всего дня, упорно игнорируя красоту цветов, обрамлявших горную дорогу, обрывая все дружеские попытки Ларри завязать беседу. Под вечер, когда дорога стала покруче, Кольрин запел глубоким красивым? басом дарковерские баллады, но Баррон не услышал, закрыл глаза, позволив лошади выбирать дорогу вдоль горной тропы, лошадь понимала в этом больше него.

Стук копыт, медленное покачивание в седле, мрак за опущенными веками сначала действовали гипнотически, а затем странно знакомо — казалось нормальным сидеть в седле, не видя ничего вокруг, вверившись лошади и держа в напряжении остальные чувства — аромат цветов или хвойных деревьев; дорожной пыли, резкий запах цибета от какого-то животного в кустарнике. Когда Ларри подъезжал к нему, Баррон не открывал глаз; спустя некоторое время Ларри пришпоривал коня и догонял Кольрнна. Тот продолжал петь в пол голоса. Непонятно почему Баррон понял, что певец выводит первые ноты «Баллады о Кассильде».

Как странно она звучит без аккомпанемента

арфы. Аллира прекрасно играла и пела ее, хотя это была песня для мужского голоса:

В воде горели тонки звезд.
Но темен был прибрежный плес.
Тиха, как камень иль луна,
Одна шла дочь Робардина.
На огненном веретене
Сияла золотая нить.
Земля лежала в смертном сне,
Когда Хастур покинул свет…
Но вдруг, запев как соловей…

Он перестал следить за песней, услышав отдаленный крик орла и короткий крик какого-то зверька в зарослях. Он здесь, он вне опаености, а позади развалины и смерть….. вцепившись в каждого рукой Он брел подземным залом, где Аллар поддерживал огонь, Что гас и вспыхивал во мгле.

Когда ж сияние его
Поблекло в скучном свете дня,
Кассильда вышла из теней
В ладонь его звезду-цветок
Вложила, словно смертный рок,

Он обнял дочь Робардина.
И пала золотая нить
С чудесного веретена…

Мысли его крутились, словно в странном сне, когда он слушал песню Кассильды, печаль Камиллы, любви Хастура и сокровища Алара. Странно, наверное, быть Хастуром или Комином и считать себя равным Богу.

Но мне сейчас и Бог родня!

Да и чем они были на самом деле, эти древние Боги?

Племя кузнецов говорило, что Шарра приходит в их очаги — и они имели в виду не дух огня! Старые телепаты могли пробуждать силы превосходящие мою форму птицы, или огненный щит, насколько это выше ножа хвостатого!

— Баррон, смотри не усни здесь, тропа становится опасной! — голос Гвина ворвался в его сны, и он встряхнулся.

Очередная галлюцинация? — Нет, только сон.

— Похоже, я заснул, — произнес он, потирая глаза. — Гвин хохотнул: Подумать только, пять дней назад этот человек впервые увидел седло! Ты быстро учишься, чужеземец. Поздравляю! Но отныне тебе лучше держать глаза открытыми,

тропа становится узкой и плохой, а ты, возможно, сумеешь рассудить лучше лошади, даже хотя старая поговорка гласит: «на горной тропе отпусти поводья», но если ты свалишься туда… — он показал на полукилометровый провал по обеим сторонам дороги, — нужно спуститься в долину до прихода ночи. На этих высотах повсюду люди, а может быть, и птицы-духи, и хотя сейчас не Призрачный Ветер, я не слишком стремлюсь к подобным встречам.

Баррон хотел спросить, что это такое, но остановился.

Черт побери, мне все равно, я и так уже достаточно запутался, а Гвин и остальные здесь как раз для того, чтобы охранять меня. Не имело смысла думать об этих предполагаемых опасностях или даже интересоваться, что они из себя представляют.

Тем не менее, общая настороженность передалась ему, и он заметил, что старается держаться поближе к ним на узкой горловине прохода. Он основательно вымотался, пока они достигли перевала и без всяких происшествий начали спуск.

Этой ночью они разбили лагерь в долине под защитой серо-голубых сучьев, пахнущих пряностями и дождем.

Меньше обычного было песен и разговоров. Баррон, лежа в полусне в своих одеяниях и, слушая, как ночной дождь скользит по толстым веткам, чувствовал необъяснимую тревогу. Что за чертов мир, и нужно мне было вляпаться в это дело!

Он уже почти забыл восторг и очарование, которое он ощущал в первом путешествии сквозь предгорья. Это было частью той странности в нем, которую он хотел забыть.

Они прибыли на пожарную станцию вечером следующего дня. Баррон, распаковывая при свете лампы свой багаж в отведенной ему большой светлой комнате, признал с неохотой, что Вальдир не пожалел ничего, чтобы гостю было удобно. Здесь были широкие полки и шкафы для инструментов, верстаки и стулья с хорошим освещением, вакуумные лампы, производившие необычайное количество света из относительно голубого топлива, получаемого из смол масел местных деревьев. Широкое окно с прозрачным стеклом — не часто встречающееся на Дарковере, хотя и очень ценное и, очевидно, вставленное для удобства гостя с Земли — давало широкий панорамный вид на горы и ряд за рядом заросших каменистых склонов и высот. Стоя у окна и глядя,

как красное солнце Дарковера садится за пикой — горы здесь были столь высоки, что солнце скрывалось раньше чем собирался ночной туман — Баррон снова ощутил это странное неестественное чувство, от которого сильно стучало его сердце, только усилием воли он не поддался ему и пошел смотреть станцию.

С места, где она стояла на вершине одного из высочайших пиков, открывался превосходный вид — не требовалось даже взбираться на башню позади — на сотни квадратных километров леса. Баррон насчитал пятнадцать маленьких деревень, каждая под защитой складки холма, видимая только как скопище тусклых крыш. С этой высоты он мог понять, что взгляд терялся в дымке, непроницаемой для невооруженного взгляда, которая легко могла скрыть тонкую струйку дыма. Он мог даже различить далекие крыши Армиды и высоко в горах смешной бледный шпиль, похожий на замок.

— С твоей оптикой, — сказал ему Лерри, присоединившийся к нему у двери станции, — мы увидим лесные пожары еще тогда, когда они будут еще крохотными огоньками, и спасем древесину. — Он указал на дальний пик, где зеленое прорезал широкий черный шрам. — Здесь горело

пять лет назад, оно вышло из-под контроля на день-другой и, хотя поднялись люди семи деревень, мы потеряли (я забыл сколько) квадратных километров отличного леса и смолистых деревьев. Отсюда также мы сможем заметить и давать предупреждение в случае нападения бандитов или что-то в этом роде.

— А как вы даете предупреждение? Похоже, что здесь нет ни сирен ни чего-то другого.

— Колокола, дымовые сигналы… — он указал на высокую груду сухих дров, тщательно защищенную канавой, наполненной водой. — И также сигнальные устройства — не думаю, что кто-то знал их земное название, — он показал Баррону сияющие металлические блюда. — Конечно, только в солнечные дни.

— Гелиограф, — сказал Баррон.

— Точно.

Баррон думал, что будет чувствовать себя как рыба, вытащенная на сушу, но первые несколько дней прошли достаточно гладко. На пожарной станции жили шесть человек, несших пятнадцатидневные вахты, после чего их сменяли другие по смещенной круговой системе, требовавшей трех человек каждые семь дней. Сейчас командовал станцией Гвин. Ларри, похоже, являлся

лишним, и Баррон задумался, не находится ли он здесь только для того, чтобы переводить или присматривать за ним. Но из некоторых замечаний Гвина он сделал вывод, что Ларри обучается управлению станцией, чтобы иметь возможность занять его место в серии обязательного дежурства, которое несли все юноши дарковерских семей. Кольрин являлся ассистентом Баррона специально, чтобы научиться шлифовке линз, а также обучить производству и использованию телескопов и оптики каждого желающего пограничника.

Баррон знал из обзорных лекций многолетней давности, что Дарковер является миром без всеобщей технологии и индустрии, и ожидал, что дарковерцы будут не слишком способными к восприятию того, чему он должен был их обучить. Его удивила легкость, с которой Кольрин и остальные подхватывали начала оптики, его замечания о свойствах отраженного и преломленного света, а позже — и технику шлифовки.

Кольрин особенно легко адаптировался в техническом языке, тончайших научных терминах. Ларри тоже, но Баррон ожидал этого, Ларри был землянином и, похоже, получил зачатки земного образования. Но Кольрин был сюрпризом. Он

высказал это однажды, когда они работали в мастерской и он показывал молодому человеку, как устанавливать и настраивать одно из сложных шлифующих устройств, и как проверять точность установки специальными измерительными приборами.

— Ты знаешь, — сказал он, — я тебе, в общем-то, ни к чему. Ты мог бы все это понять из справочников. Едва ли Вальдиру стоило трудиться привозить меня сюда, он мог просто взять из зоны Земли оборудование, руководство и передать их тебе.

Кольрин пожал плечами.

— Прежде ему пришлось бы научить меня читать их.

— Ты немного говоришь на Стандартном Земном, научиться не составило бы труда. Насколько я могу судить, дарковерский шрифт не так сложен, чтобы у тебя были трудности с шрифтом Империи.

Кольрин рассмеялся: — Не могу сказать, может быть, если бы я вообще умел читать, я бы сумел одолеть и Стандартный Земной. Но я как-то никогда об этом не задумывался.

Баррон замер в искреннем изумлении, Кольрин казался достаточно образованным. Он посмот-

рел на Ларри, ожидая осуждения по поводу этой варварской планеты, но Ларри нахмурился и произнес почти с укором: — Здесь, на Дарковере, мы не делаем фетиша из грамотности, Баррон.

Он почувствовал внезапную обиду и вновь ощутил себя чужим. Он прорычал: — Как, черт побери, кто-то может здесь чему-то научиться?

Он мог видеть, как Кольрин на глазах теряет терпение и вежливость к невоспитанному чужестранцу, и ему стало стыдно. Кольрин проговорил: — Ну, я учусь, не так ли? Пусть я даже и не ношу сандалии, чтобы портить глаза над напечатанными страницами!

— Конечно. Но ты хочешь сказать, что у вас нет системы образования?

— Возможно и нет, в том смысле, в котором вы это понимаете, — сказал Кольрин, — мы не увлекаемся чтением, если не принадлежим к касте, в обязанность которой входит проводить время за чтением и письмом, мы считаем, что излишнее чтение вредно для глаз — разве ты не говорил мне, что почти у всех землян плохое зрение, которое приходится исправлять фальшивыми линзами на глазах? Казалось-бы куда разумнее дать всем этим людям работу, на которой им не приходилось бы столько читать и, в любом

случае, писанина ослабляет память, и ты не в состоянии правильно запомнить ничего, если можешь в любой момент пойти и посмотреть. А когда я хочу что-то узнать, почему бы мне не узнать это разумным способом у того, кто может подсказать мне, правильно ли я делаю, без посредства напечатанных символов. Используя только книгу я могу ошибиться, не понять, неправильно сделать, когда же сейчас я делаю ошибку, ты сразу можешь исправить это, и умение входит мне прямо в руки, так, чтобы они помнили, как делается эта работа.

Не убежденный до конца, Баррон оставил эту тему. Он должен был признать, что аргументация была слишком строгой и связной для человека, которого он готов был классифицировать как неграмотного. Его образ мыслей был поколеблен. Устройства связи были всегда его полем деятельности. Кольрин произнес, заметно пытаясь сгладить эффект и принять его точку зрения:

— О, я не сказал, что умение читать плохо само по себе. Если бы я был глухим и увечным, конечно, я нашел бы его полезным… — Но, понятно, это не успокоило чувство Баррона.

Ни за что на свете он не признался бы в том, что тревожило его сейчас. Руки его двигались

практически автоматически, проводя тонкую микрометрическую оценку шлифовального станка, и подсоединяя его к маленькому ветровому электрогенератору. Когда Кольрин говорил, аргументы казались странно знакомыми. Словно он уже слышал их раньше в какой-то другой жизни! Он думал, с мрачным юмором, если так будет продолжаться, я поверю в переселений душ!

Взгляд его расплылся, цвета набегали один на другой, сливались в незнакомые пятна, формы, группы. Он смотрел на оборудование в своих руках, словно впервые видел его. Он с любопытством повертел в руках нарезной болт. Что он собирался сделать с этой штукой? Когда все прояснилось и пришло в норму, он понял, что дико таращится на Кольрина, а тот странно смотрит на него.

Но все эти непонятные видения нахлынули вновь, все исчезло, он оказался на огромной высоте и смотрел вниз на, сцены развалин и резни, слышал крики людей и лязг оружия. Когда же все это уплыло с поля зрения, он вновь увидел стремительные языки пламени и в сердце огня — улыбающуюся женщину с горящими волосами, купающуюся в огне как в водопаде. Затем женщина исчезла и остался только один женский

силуэт в короне пламени и золотых цепях…

— Баррон! — крик вырвал его из бессознательного состояния, и он тут же опомнился, потер глаза и увидел, что Ларри и Кольрин смотрят на него в оцепенении. Ларри перехватил шлифовальную машину, когда он, покачнувшись, рухнул на пол.

Когда он пришел в себя, в глотке булькала вода, и оба смотрели на него с выражением озабоченности. Кольрин сказал, извиняясь:

— Я думаю, ты переутомился. Мне не стоило затевать этот спор с тобой. Вам свое, а нам — свое. У тебя часто бывают такие припадки?

Баррон просто покачал головой. Спор не настолько утомил его, но если Кольрин хочет объяснить это как эпилепсию, или что-то в этом роде, то, пожалуй, это будет более разумным объяснением, чем то, что в действительности произошло. Может быть у него просто не все в порядке с мозгами! Ладно, во всяком случае, если это произойдет здесь, в этих горах, мне не придется отвечать за крушение парочки кораблей!

Кольрин мог удовлетвориться этим объяснением, но очень скоро стало очевидным, что для Ларри этого недостаточно. Он отослал Кольрина, сказав, что Баррон наверняка не сумеет сегодня

продолжить занятия, а затем начал неспешно убирать приспособления для шлифовки. Баррон хотел встать и помочь ему, но Ларри жестом приказал ему не вмешиваться.

— Я справлюсь, я знаю где что лежит. Баррон, что ты знаешь о Шарре?

— Ничего. Меньше чем ничего. — Чертовски неудобно иметь поблизости телепата. — Расскажи.

— Я сам не много знаю. Она была древней богиней племени кузнецов. Но Боги и Богини здесь, на Дарковере, более чем что-то чему молятся или приносят жертвы, или просят о благе, похоже, они реальны — материальны, я имею в виду.

— По-моему это вздор.

— Я хочу сказать, что то, что они называют богами, мы бы назвали силами — настоящими, осязаемыми силами, которые можно измерить. Например, я немного знаю о Шарре. Дарковерцы, особенно в Комине, не любят говорить о культе Шарры. Он был запрещен много лет назад. Думали, что он слишком опасен. Так же и тут, по-моему, примешивались человеческие жертвоприношения или нечто подобное. Что я хочу сказать, это что племя кузнецов вызывало Шарру, используя соответствующий талисман или

что-то вроде — эти штуки концентрировали силу, не знаю, каким образом — и Шарра вытягивала для них из гор металлическую руду.

— И это говорит землянин? Ты веришь в этот вздор? Ларри, подобные легенды существуют на каждой планете Империи!

— К черту легенды! — произнес Ларри. — Я же сказал тебе, что не думаю, что это боги в нашем понимании этого термина. Возможно, что они некая форма — скажем, процесса или существа — из какого-то другого измерения. Насколько мне известно, они могут быть невидимой расой негуманоидов. Вальдир рассказывал мне немного о запрещении культа Шарры тут, в горах. Его людям, Альтонам и Хастурам, пришлось много над этим потрудиться. Они вынуждены были подняться в предгорья и конфисковать все талисманы Шарры так, чтобы племя кузнецов больше не могло вызывать эти силы. Среди прочего, как я понял, огонь иногда выходил из-под контроля и вызывал лесные пожары.

— Талисманы?

— Камни — их называют метричными камнями — голубые кристаллы. Я сам научился. немного использовать их. И поверь мне, это невероятно. Если у тебя есть рудиментарные телепатические

способности, ты сосредотачиваешь их на камнях, ну, они что-то делают. Они могут поднимать объекты — психокинез, создавать магнитные поля, которые нельзя открыть ничем, кроме как такой же матрицей, и тому подобное. Моя приемная сестра могла бы рассказать тебе о них больше, — Ларри казался подавленным. — Если образ Шарры может попасть даже к тебе, землянину, Вальдир должен знать об этом. Я пошлю за ним, Баррон.

Баррон упрямо покачал головой: — Нет! Не тревожь Вальдира! Это мои проблемы.

— Это не тревога. Вальдир из Коминов, Вальдир хочет узнать. Он ДОЛЖЕН знать, если это вновь пришло в горы. Это может быть опасным для всех нас, а особенно для тебя. — Он озабоченно улыбнулся. — Я поделился с тобой ножом, а это обет, — произнес он. — Я должен быть твоим другом, хочешь ты этого или нет. Я пошлю за Вальдиром сегодня вечером. — Он собрал ящик, закрыл коробку с заготовками и повернулся: — Тебе лучше отдохнуть, спешить некуда, а мне все равно пора на патруль, — сказал он. — И не бойся, возможно это вовсе не имеет к тебе никакого отношения. Наверное, ты подхватил что-то, болтающееся по этим горам, а Вальдир должен знать,

что с этим делать. — Он остановился у двери и произнёс настойчиво, — верь мне, пожалуйста, Баррон, мы твои друзья, — и ушел.

Оставшись один, Баррон лег на матрац, пахнувший наполнявшими его смолистыми иглами. Интересно, почему он не хотел, чтобы посылали за Вальдиром. Он слышал, как внизу отъехал с патрулем Ларри, как поет Кольрин, а с вершин поднимается и начинает дуть ветер. Он встал и подошел к открытому окну. Внизу в долинах и предгорьях лежали деревни ничего не подозревающих людей, маленькие гамаки и гнезда негуманоидов в самых густых и непроходимых лесах, птицы и дикие звери, они будут лучше защищены от лесных пожаров и шатающихся банд — кошколюдей, негуманоидов и людей-йа. Он поможет им в этом; у него хорошая работа, почему же тогда гнетет его это чувство пугающей спешности и отчаяния, словно он беспечно тратит время, когда рушится мир? Не разобравшись в этом, он закрыл глаза.

На станции было тихо. Он знал, что в башне пограничник в обычной черно-зеленой форме осматривает окружующую местность в поисках любых признаков дыма.

Смолистые деревья, несмотря на ночной дождь,

были столь летучи, что могли вспыхнуть от удара молнии. Единственным звуком был неизменный и беспрестанный шум ветра.

Баррон едва слышал его сейчас. И все же, было что-то — что-то в этом ветре…

Он напрягся, настежь распахнул окно и высунулся наружу, чтобы лучше сосредоточиться.

Это было почти неуловимо для чувств, не столь обострённых как у него почти забито всепоглощающим ароматом смолы — легкий, сладковатый, пыльно-желтый, почти неощутимый запах струился по ветру…

Призрачный Ветер! Пыльца растений, цветущих непредсказуемо один раз в несколько лет высвобождающаяся в огромных количествах источала запах и странные галлюциногены от равнин до вершин, благословенно редкие, они вызывали эйфорию, странное опьянение и иногда, если долго дышать ими, повреждение психики у людей. Они высвобождали животные инстинкты страха, ненависти и ярости, заставляя людей прятаться по углам или носиться по холмам. Но в негуманоидов они проникали глубже, просачивались в их странный мозг и освобождали нечто старое, очень ужасное…

Кошколюди воют, дерутся и убивают без при-

чины, а люди-йа… когда они достигают этих людей…

Он двигался быстро. Он не был сейчас Барроном, он не осознавал, кем или чем он был, он знал только, что должен предупредить всех на станции, людей в долинах, что нужно укрыться. Обычный нос не почувствует его еще два — три часа, а к этому времени пограничники будут уже слишком далеко от станции, чтобы найти укрытие, негуманоиды уже выйдут и станут неистовствовать. К тому моменту, когда Призрачный Ветер станет явным, может быть уже поздно даже искать убежище.

Все поплыло у него перед глазами. Он закрыл их, позволил ногам самим выбирать дорогу и побежал вниз по лестнице. Он слышал, как кто-то окликнул его на незнакомом языке, но пронесся мимо.

Костер. Он должен зажечь сигнальный костер. Он не знал здешней системы оповещения, но костер наверняка насторожит всех. Огонь горел в нижнем зале, он чувствовал лицом его жар. Наклонившись, он осторожно дотянулся и выбрал длинную палку, горящую с одного конца и холодную, обугленную с другого. Выбежав с нею в руках через дверь, он пересек покрытую гравием

лошадиную тропу и побежал во двор. Чуть не свалился в канаву, окружавшую костер, сунул пылающий факел в сухое, как порох, дерево и отпрянул назад, когда оно вспыхнуло, выбросив в него огромную колонну огня. Затем кто-то закричал на него, его схватили чьи-то руки, и Кольрин воскликнул, сжимая его в железных объятиях:
— Баррон, черт побери, ты что, рехнулся?! Это же поднимет все окрестности! Будь ты дарковерцем, тебя бы вздернули на месте за ложную тревогу!

— Ложную тревогу!.. — Он грубо выругался. — Призрачный Ветер. Я чувствую его! К ночи он будет здесь!

Кольрин, побледнев, смотрел на него.

— Призрачный Ветер? С чего ты взял?

— Говорю тебе, я чувствую! Что вы здесь делаете, чтобы поднять окрестности и заставить искать укрытие?

Кольрин смотрел на него не веря, но захваченный его очевидной искренностью.

— Костер насторожит их, — сказал он. — И я могу просигналить зеркалами, после чего зазвонят колокола в деревнях. У нас здесь хорошая система оповещения. Я все же думаю, что ты рехнулся. Я его не чувствую, но, насколько мне известно, твой нос может быть лучше моего. И я не дам и шанса

Призрачному Ветру или людям-йа забрать хотя бы одного человека!

— Он отстранил Баррона с дороги. — И смотри, куда идешь! Черт побери, в чем дело, ты что, ОСЛЕП?! Еще шаг и ты свалился бы в канаву! — Он снова забыл о Барроне и побежал к станции за сигнальными устройствами. Закрыв глаза, Баррон прислушивался к потрескиваниям ветра и костра. Он ощущал едкость дыма и сквозь него усиливающийся тошнотворный запах пыльцы, наполнявший дующий с гор Призрачный Ветер.

Спустя некоторое время, все еще не придя в себя, он повернулся и на подгибающихся ногах двинулся на станцию.

Кольрин на башне подавал сигналы. Парадоксально, но больше всего удивило Баррона то, что его не удивляет собственное поведение, он смутно ощущал свою раздвоенность, то же двойное неясное существование, которое он испытывал прежде.

Следующий час был безумием: крики и голоса, звон колоколов из деревень внизу, пограничники, бегущие по делам, которые они не собирались объяснять. Он не открывал глаз, чтобы не запутаться, и держался в стороне. Казалось естественным сидеть, пока действуют другие, он сделал

свое дело. Наконец люди проскакали вверх по склону с сумасшедшей скоростью, и он понял, что Ларри вошел с Кольрином и встал перед ним.

— Что произошло?

— Он почувствовал Призрачный Ветер, — сказал Кольрин выразительно.

— Очень вовремя! — откликнулся Ларри. — Благодарение Богу, мы получили предупреждение. Только я начал сомневаться, не почувствовал ли я его сам, как раздались колокола, и я приказал всем возвращаться, но он до сих пор столь неуловим, что я едва ощущаю его! Откуда ты знаешь?! — воскликнул он. Баррон, не отвечая, покачал головой.

Спустя некоторое время Ларри ушел.

Он думал, что сделал глупость, потому что раньше он только подозревал что-то странное, а теперь будет знать наверняка, и если не он, то Вальдир. Вальдир из Коминов, и он сразу поймет, что произошло. Мне плевать, что они сделают с землянином, но я должен уходить. Мне следовало затаиться и ускользнуть в хаосе Призрачного Ветра. Но я не мог подвергнуть их такой опасности, а Лерриса перехватили бы в предгорьях. У меня долг перед ним. Меж нами нож.

Ни один гуманоид не решится в эту ночь выйти

в горы.

Мне нужно затаиться и не привлекать внимания. А потом — а потом я должен уйти, задолго до того как приедет Вальдир!

8

Прошла, казалось, вечность в настороженном ожидании, странная раздвоенность сознания держала его в нервном напряжении, но никак не проявлялась внешне. Он держался в стороне от остальных, пока люди на станции поспешно приводили в порядок защитные сооружения, а ветер усиливался, завывая за станцией и пожарной вышкой. Тошнотворный запах усиливался с каждым мгновением и ему показалось, что он чувствует, как он проникает сквозь нос в самый мозг, пожирая его человечность и решимость.

Другие тоже не остались нетронутыми. Кольрин вдруг перестал закрывать тяжелые ставни и согнулся, обхватив голову руками, словно от страшной боли. Он низко, дико застонал. Гвин, бежавший сквозь комнату по какому-то делу, увидел, подошел к нему, опустился рядом, обнял его за плечи и говорил с ним тихим успокаивающим голосом, но Кольрин помотал головой, словно сбрасывая что-то. Затем он встал, встряхнул руками, выругался, поблагодарил Гвина и вернулся к своему делу.

Человек, не понимавший теперь является ли он Деном Барроном или кем-то другим, оставался на месте, борясь с самим собой. Но не избежал общей судьбы. По мере того как усиливался напор и запах Призрачного Ветра, странные образы закружились в его сознании — первобытные воспоминания, отягощенные страхом и ужасом — пугающе явственные. Однажды он очнулся от кошмара, в котором он склонился над распростертым человеком, разрывая ему глотку зубами. Он передернулся, вскочил на ноги и лихорадочно стал бегать по комнате.

Когда все было закрыто, они собрались на ужин, но никто не ел много. Все молчали, подавленные усиливающимся воем ветра, царапавшим уши и нервы, и калейдоскопом смутных нереальных образов в глазах и мыслях. Баррон не открывал глаз. Так было легче есть, без непривычного, отвлекающего света.

Но вот послышался отдаленный крик, высокий, резкий, всепоглощающий вой и визг, поднимавшийся выше и выше, за пределы слышимого, и продолжавшийся, казалось, даже после этого.

— Люди-йа, — сказал Гвин напряженно, и нож его со звоном упал на пол.

— Они не смогут проникнуть на станцию, —

произнес Кольрин не слишком уверенно. После этого больше никто не пытался есть, и вскоре, оставив пищу и неубранную посуду, они перешли в главную забаррикадированную комнату станции. Вой и визг продолжались: сначала вдалеке, с перерывами, затем поблизости и беспрестанно. Закрыв глаза, мысленным взором Баррон увидел кольцо высоких перистых фигур, бесившихся, вопящих, мечущихся на вершине горы.

Кольрин попытался как-то заглушить вопли, затянув песню, но голос его сорвался на половине первого куплета.

Тянулась ночь. Во время самой глубокой тьмы раздались удары и звон, казалось, что-то тяжелое вновь и вновь кидается на запертые двери и отскакивает, воя от боли и безумной ненависти. Это продолжалось, пока человеческие нервы не натянулись до предела.

Ларри тихо произнес во тьме:

— Интересно, как они выглядят? Как дьявольски глупо, что единственный раз, когда они выходят из глубины лесов, они абсолютно безумны, мы не в силах связаться с ними.

Гвин предложил с мрачным юмором: — Если тебе охота потренироваться в негуманоидной дипломатии, я могу открыть дверь.

Ларри пожал плечами и умолк. Кольрин произнес: — Наверху, в мастерской, есть стеклянное окно. Мы могли бы посмотреть на них оттуда.

Гвин отказался, пожав плечами, и остальные пограничники тоже. Но Кольрин, Ларри и Баррон поднялись по лестнице. Это было хоть каким-то занятием. На такой высоте окно не было зарешечено. Они не зажигали лампы, зная, что свет привлечет внимание негуманоидов. Прижавшись к стеклу и сложив ладони, они выглянули наружу.

Он думал, что снаружи мрак и шторм, но там была ясная лунная ночь, одна из тех редких на Дарковере ночей, когда дождь и туман не заслоняют лун. Воздух, казалось, был неполнен крутящейся пылью, а сквозь нее он увидел людей-йа.

Они были гигантского роста, по меньшей мере двух с половиной метров, и напоминали высоких тощих людей в перистых головных уборах, но лишь до тех пор, пока он не увидел их лица. У них были огромные головы и ужасные лица с клювом, словно у странных хищных птиц, и они двигались с неуклюжей поспешностью, словно раскачиваемые ветром ветки деревьев, мотавшихся вверх и вниз на краю поляны. Казалось их

не меньше трех десятков, а может быть и больше. Через некоторое время, будто в едином порыве, люди отшатнулись от окна к вновь спустились по лестнице.

Баррон собирался последовать за ними, но остался. В нем снова росло это странное ощущение. Словно термостат в его мозгу повернулся и сказал ему, что пик Призрачного Ветра позади. Ничего не изменилось в хлопающем шуме ветра и в вое негуманоидов, но он знал.

Они уйдут задолго до рассвета. Ветер утихнет, и пойдет дождь. Только отчаявшиеся и безумцы путешествуют на Дарковере по ночам, но я, возможно, я — отчаявшийся и безумец одновременно!

Сильный грохот и крики снизу сказали ему, что атака негуманоидов завершилась разрушением надворной постройки. Он не спустился вниз, это было не его дело. Молча, двигаясь как автомат, он подошел к ящикам комода, где хранилась его одежда. Сбросив тонкое домашнее белье, он натянул кожаные бриджи, толстую шерстяную рубашку и плотную тунику. Скользнув в комнату Кольрина, он позаимствовал его плотный подбитый шерстью плащ. Ехать ему далеко, а плащ лучше жакета. Жаль, что ему придется воровать

лошадь, но если он останется в живых, он вернет ее или деньги. А если нет — он напомнил себе горную пословицу — «Вечность все поймет и все простит».

Он напряг слух, ветер определенно стал тише. Через час люди-йа уйдут, исчезнет без следа беспрерывный импульс, пригнавший их сюда, они очнутся в ужасе и робко забьются в свои пещеры в глубине лесов. Бедные черти вероятно чувствуют почти то же, что и я!

Ветер слабел, и даже в бесконечном вое появились паузы, они наконец стихли совсем. Выглянув в окно, он увидел, что поляна пуста. Менее чем получасом позже он услышал, как люди поднимаются в большую комнату, где все спали.

Кто-то позвал:

— Баррон, у тебя все в порядке? — он замер, но затем заставил себя отозваться.

Через несколько минут на пожарную станцию пала тишина, нарушаемая только храпом вымотанных людей и потрескиванием ветвей на ветру. Посмотрев сквозь стекло, он увидел, что поднимается туман. Пройдет дождь и смоет следы Призрачного Ветра.

Все было спокойно, но тем не менее, он подождал еще час, чтобы исключить шанс, что кто-то

из людей, чутко спящих после пережитого напряжения, проснется и услышит его. Затем, двигаясь с бесконечной осторожностью, чтобы ни одна ступенька не скрипнула, он пробрался вниз. Из остатков на столе он набрал в котомку еды. Они оставили двери забаррикадированными, но не составляло большого труда открыть запоры.

Он оказался на улице, в диком холоде и тускнеющем свете горной ночи.

Ему пришлось найти клещи, чтобы открыть запоры, вогнанные в дверь конюшни и, чтобы использовать их, смущенный непривычной тяжестью в руке, он закрыл глаза и освободил внутренние рефлексы. Он был благодарен судьбе, что конюшни находились в некотором отдалении от дома, иначе грохот, который он поднял сражаясь с воротами, наверняка разбудил бы даже столь вымотанных людей, заставив их вскочить с постели. Не закрывая ворот он пробрался внутрь.

В конюшне было темно и тепло, по-дружески пахло лошадьми. Он закрыл глаза оседлывая лошадь, так легче было управляться со сбруей. Животное узнало его, мягко всхрапнуло, и он заговорил приглушенно и успокоительно:

— Да, дружок, нам далеко ехать, но только

тихо, слышишь? Мы должны уйти спокойно. Не привык ездить в темноте? Что ж, я тоже, поэтому не беспокойся.

Только когда они отошли на значительное расстояние, он отважился сесть в седло. Подобрав поводья, он осторожно пустил лошадь вниз по склону, а затем остановился, чтобы оглядеться. Он собрался и закрыл глаза для ориентации.

Ему следовало пересечь хребет и миновать замок, который он видел с пожарной лестницы, обойти излучину реки и избежать встречи с хвостатыми людьми в лесистых склонах этой стороны. Тогда дорога в Карфон будет открыта перед ним.

Он был тепло одет. У него была добрая лошадь — лучшая из всех, принадлежавших Гвину, из тех тщательно выведенных черных, которых Вальдир выращивал для своих пограничников. Он слышал как, Гвин хвастался, что эту Вальдир укротил собственными руками. Преступление — лишать пограничника такой красоты, и все же… Нужда делает вором и Хастура — печально напомнил он себе. И все же, на ум ему пришла другая пословица. — «Если хочешь украсть лошадь — кради полукровку.» У него было достаточно денег. Баррон попросил Вальдира поменять его

земные кредитки на дарковерскую валюту.

…И вновь он подумал о Барроне. Ему было жаль так поступить с землянином, но у него не было выбора. Одним из величайших преступлений Дарковера со времен Договора было похищение сознания другого. Проделать это было возможно с другим латентным телепатом, а телепаты на Дарковере были настороже и охраняли себя от подобного вторжения. Он надеялся найти идиота, чтобы не лишать человека его собственной души. Мозг его метался в отчаянии транса и пространственно нащупал Баррона…

Но были ли земляне людьми? Какое ему дело, что случается с этими захватчиками в нашем мире? Баррон чужак, самозванец — игра честная.

Да и что я мог сделать, слепой и беспомощный, кроме этого?

У подножия дороги, ведущей на пожарную станцию, он остановился и развернулся в седле. Он был на горном пути.

И тут на краткий миг Дэн Баррон смущенный, запутавшийся, очнулся, словно вынырнул из глубокого сна. Что это, еще одна галлюцинация? Он едет по широкой, залитой смутным, гаснущим лунным светом дороге, и ледяной ветер свистит вокруг него. Нет, это реальность. Куда он едет? Он

в ужасе передернулся, дернул поводья…

И вновь исчез в бесформенной мгле.

Сидящий в седле пустил лошадь вскачь. Он хотел до рассвета оказаться далеко от станции, за предгорьями, так что, когда он снова покажется и если его будут искать, то увидят просто еще одного всадника, едущего куда-то по своим законным делам. Он не очень устал, но словно глотнул какого-то эйфорического наркотика и совсем не хотел спать.

Впервые за свою скрытую жизнь инвалида он не оставался неподвижным, пока действуют другие. Он собирался все проделать сам.

Он останавливался ненадолго трижды, чтобы дать лошади отдохнуть и перевести дыхание до того момента, когда широкий красный обод солнца вылезет из-за гор. Тогда он нашел укромную полянку, спутал коня. Закутавшись в одеяло, он проспал около часа, а затем поднялся, съел немного холодной еды и вновь пустился в путь.

Весь этот день он ехал через горы, держась малоизвестных дорог, если Ларри послал за Вальдиром, то последнее, чего бы он хотел, это встретиться с Вальдиром по дороге.

Вальдир владел старыми способностями Коминов, по сравнению с которыми его — казались

слабосильной ерундой.

Вальдир сразу бы понял, что он наделал. Сторны не торговали с Коминами, естественно, те не пришли бы на помощь даже в крайнем случае. От Коминов ему следует держаться подальше.

К полудню поднялись облака, и Сторн, посмотрев наверх, заметил на дальних пиках серые шапки. Он подумал о Меллите, пробивающейся к Карфону с дальней стороны Кадарана, и думал с отчаянием, сумеет ли она вовремя преодолеть перевалы. Снег, вероятно, уже падал на вершинах, а в предгорьях — бандиты, хвостатые люди, ужасные птицы-духи, нападающие на все живое и способные разорвать человека или лошадь одним ударом своих страшных когтей.

Он ничем не мог сейчас помочь Меллите. Для них обоих лучше будет, если он спокойно доберется до Карфона.

За весь этот день он никого не встретил по дороге, если не считать нескольких фермеров, работавших на полях, и женщин с толпящимися вокруг розовыми ребятишками на улицах редких, разнесенных на мили друг от друга деревень. Никто не обращал на него никакого внимания, только в одной деревне, где он попросил женщину, продававшую фрукты, дать ему от щедрот

своих глоток воды, он купил немного фруктов. Два маленьких мальчика, подошедших бочком, посмотрели на лошадь ввергли его в шок и спросили смущенно, не из рода Альтонов ли он.

Сторн из Сторнов, вор и беглец!

Спал он снова в лесу, завернувшись в плащ. К полудню следующего дня он услышал стук копыт по дороге далеко впереди. Проехав следом, держась подальше, чтобы, если возможно, не дать опознать себя или лошадь, он понял, что маленькая тропа, вдоль которой он ехал, разрастается в широкую гравийную дорогу, почти шоссе. Вероятно, он был неподалеку от Кадарина. Теперь он мог различить и всадников впереди. Длинная цепочка людей в плащах незнакомого покроя и расцветок — высокие, с песочного цвета волосами, бледные и свирепы лица. Лишь немногие из них правили лошадью, остальные ехали на рогатых, тяжело навьюченных животных. Он опознал их — жители Сухих Городов из Шайнцы или Дайлиона, возвращающиеся домой после торговли в горах. Они не узнают его и не заинтересуются им, но по обычаям этих земель, позволят ему путешествовать с ними за небольшую плату, поскольку каждый лишний попутчик — лишний боец при стычке с банди-

тами и негуманоидами. Он пришпорил лошадь и поскакал за ними, уже зная, что скажет им. Он — Сторн из Высокого Сторна, человек, которому нечего бояться в предгорьях и горах.

Он мог проехать с ними до самого Карфона.

Теперь он был в безопасности. С болезненным напряжением он молился, чтобы Меллите тоже повезло, и она также была бы в безопасности. Он не рискнул мысленно вернуться в Высокий Сторн, в замок, где тело его лежало в трансе за голубым огнем, защищенное магнитными полями, к Аллире, в постели бандита, или Эдрику, раненому и одинокому в темнице собственного замка.

Он послал клич вслед каравану и увидел, как всадники остановились.

Утро было в самом разгаре, когда они прибыли в Карфон, и острое, жаркое солнце только начало выжигать утренний туман.

Пять дней они ехали все более низкими горами и предгорьями и, наконец, меж двух холмов выехали в широкую долину в излучине реки Кадарин. туда, где раскинулся Карфон. Он выглядел неправдоподобно древним, приземистые строения были похожи на горы, сглаженные тысячелетней эрозией. Впервые на Дарковере он не увидел деревьев. Жители Сухого Города

двигались в горных лесах молча и настороженно, но теперь, когда древний город лежал перед их глазами, они заметно оживились. Даже их животные прибавили ходу, а один из мужчин затянул мелодию на грубом и рычащем диалекте, неизвестном Сторну.

Для Сторна, несмотря на страх быть перехваченным, постоянное и растущее ощущение погони, бесконечную тревогу за Меллиту, сражающуюся со снегами где-то на перевалах в Высоком Кимби, — путешествие было волшебным. Впервые в жизни он вкушал свободу и приключение, его принимали за равного среди равных, а не как обделенного инвалида. Он тщательно подавил страхи за сестру, мысли об Эдрике и Аллире, и собственое чувство вины за нарушение одного из наиболее суровых запретов Дарковера — вторжение в душу другого человека. Он не рисковал думать об этом, если он позволит мыслям метаться, он может потерять контроль над телом. Уже случилось это однажды ночью, когда Сторн дремал, а Баррон проснулся в удивлении и страхе, таращась на незнакомое окружение, готовый вскочить и в панике броситься бежать. С огромным трудом Сторну удалось сохранить контроль. Он чувствовал, что где-то вне уровня,

контролируемого им — в высших оплотах человеческого духа, куда не проникнуть ни телепату, ни Хранителю — Баррон все видит и борется с ним. Но Сторн сохранял власть. Он убеждал себя, что должен сохранить ее даже ради самого Баррона — землянину не позволили бы жить среди горожан. Каким бы маленьким не был контракт Земли с Дарковером, с Сухими Городами его практически не было. Многие здесь никогда не видели и не слышали о городах Империи Земли, а в Сухих Городах каждый чужестранец ходил осторожно. Ни один инопланетянин не протянул бы здесь и дня.

Пока они приближались к Карфону, Сторн понял, что его чистосердечное наслаждение поездкой неизбежно подходит к концу. Карфон много лет назад был покинут Правителями равнин, удалившимися в горы, когда упало плодородие почвы и река изменила свой курс. Он стал ничьей землей, населенной отбросами и выродками дюжины цивилизаций. Когда-то, вспомнил Сторн, он был здесь дважды в юности с последним отцом, задолго до принятия наследного дома — он служил логовом полудюжине наемных банд, состоявших из горных бандитов и еще бог знает кого. Сторн думал, что сможет

нанять здешних бандитов и освободить Высокие Ветры. Это было бы-непросто — Брайнат представлял собой трудную задачу, командира такого класса нельзя просто прийти и прогнать — но Сторн знал несколько трюков, а вдобавок и каждую нишу в замке.

С умелой командой наемных солдат он был уверен в своей способности отвоевать свой замок.

Он торопил Меллиту прийти сюда ему навстречу еще и потому, что не знал тогда, и сейчас тоже, границ своего контроля над Барроном. Он мог послать ее и одну, поддерживая с ней только телепатический контакт, но не был уверен в ее способности непрерывно налаживать связь на таком расстоянии. То, что Сторн знал о древних ЛОРАНСКИХ способностях, было неминуемо неполным, полученным способом проб и ошибок. Лишь долгие и скучные детство и молодость человека, рожденного слепым, дали ему время и желание исследовать их, но у него не было учителя.

Это был способ смягчить его ужасное одиночество, ощущение бесполезности физически обделенного человека в обществе, больше другого ценившего силу, физическую крепость и активность. Он знал, что достиг достаточно много

для человека в своем положении, даже в областях, приличествующих мужчинам его рода и касты: он мог править лошадью, он умело лазил по скалам собственных гор и ущелий практически без всякой посторонней помощи, он правил собственными владениями при поддержке брата и сестры. Но не меньшим предметом его гордости было то, что он завоевал и сохранил лояльность брата, в обществе, где братья столь часто превращались в кровных соперников, он просто мог бы оказаться смещенным, а Эдрик занял бы место Правителя Сторна. Пока не пришел Брайнат, он казался им сильным и мудрым. Только когда замок оказался в беде, он понял горечь своей беспомощности.

Но сейчас его дело обретало ценность. Тело его защищено от Брайната, а он свободен искать помощи и мести — если ему это удастся.

Красное солнце поднялось высоко, становилось жарко и, когда они въезжали в ворота Карфона, он сбросил плащ. С первого взгляда было заметно, что он ничем не напоминает ни одну из горных деревень, через которые они проезжали; на слух, на запах, на ощупь он отличался от всего прежде известного ему. Сам воздух был иным. Пахло пряностями, пылью и фимиамом. Сторну стало

ясно, что за прошедшие годы все больше и больше жителей Сухих городов переезжали в Карфон, возможно, в поисках более обитаемых вод реки Кадарин, а может быть — мелькнула у него мысль — чувствуя, что мирные жители низин и равнин оказываются в их власти. На время он оставил эти мысли.

Тем не менее, он ощущал угрозу. Теперь он был менее уверенным в своей способности найти помощь в главном из Сухих Городов. Традиционно у них были свои заботы и своя культура, он мог смертельно оскорбить их чувства случайным словом. Из того, что он увидел и услышал за эти несколько дней путешествия с торговцами, создавалось впечатление, что высшей мотивацией их поступков является борьба за очки в нескончаемой, искусной игре престижа.

Чужому нечего было делать в этой игре, и Сторна, путешествовавшего в их компании, полностью игнорировали, как люди, увлекшиеся игрой в кости, игнорируют кошку у очага.

Это было унизительно, но он понимал, что так безопасней. Он не имел ни знаний, ни склонностей к ножевым схваткам, а их жизнь подчинялась утонченному дуэльному кодексу, по которому человек, не способный защититься

от врага или друга, был готовым покойником.

Надежда найти здесь наемников была слабой. Но все же, здесь могли быть горные или долинные банды, хотя сейчас, казалось, преобладала культура Сухих Городов. И даже горожане могли соблазниться мыслью о богатствах Брайната. Он был готов предложить им всю добычу Брайната и его людей; все, что хотел он сам — это свобода замка и мир в нем.

Они миновали ворота, назвав имена на внешних укреплениях бородатым, грубым на вид людям. Сторн с облегчением заметил, что некоторые из них одеты в знакомое горянское платье и говорят на диалекте его собственного языка. Похоже, что здешние жители принадлежали не только Сухим Городам. Сам город раскинулся широко, в отличие от скученных горных деревень, сжавшихся за оборонительными укреплениями или форпостами, лесными крепостям, за высоким частоколом. На внешних укреплениях, казалось, находилось немного народа. Повсюду были заметны высокие светловолосые мужчины Сухого Города, а по пыльным открытым улицам двигались женщины — стройные, загорелые и вспыльчивые, гордо несущие свою голову под тонкий перезвон цепей, драгоценных оков,

соединявших их запястья, ограничивавших движение и означавших принадлежность одному из богатых и сильных мужчин.

На главной площади города караван целенаправленно свернул к Восточному кварталу и Сторну напомнили, что их соглашение на этом заканчивается. Сейчас он принадлежал самому себе — один, в культуре и местности чуждой ему, где каждый миг мог принести какой-нибудь смертельный просчет. Но прежде чем он начал ломать голову над дальнейшими действиями, караванщик повернулся и грубовато произнес:

— Чужестранец, помни, что в Наших городах каждый должен в первую очередь выразить уважение Великому Дому. Правитель Раннат будет лучше настроен к тебе, если ты придешь к нему по доброй воле, и людям его не придется звать тебя представиться.

— Спасибо, — формально ответил Сторн и подумал, что в Сухом Городе вновь прибывшие, конечно, не были редкостью, ничего похожего на то, что он видел здесь мальчиком. С горечью он подумал о том, что этот Правитель Раннат, кем бы он ни был, несомненно появился в Карфоне так же, как Брайнат в замке Сторн, и примерно по тому же праву.

Но ему было безразлично, кто правит Карфоном. А в Великом Доме он мог узнать то, что хотел знать.

В Карфоне все дороги вели на центральную площадь города. Нельзя было ни с чем спутать Великий Дом, широкое строение из странно фосфоресцирующего камня стояло в самом центре площади. Низкие пыльные цветочные клумбы в огромном количестве заполняли внешний двор, а мужчины и женщины Сухого Города входили и двигались по делам, словно в каком-то особом танце. Женщины, дерзкие под защитой своих цепей, удостаивали его улыбкой краешком рта, взглядом ярких глаз и мурлыкали фразы, которые он не мог понять. Знаком был только постоянно повторяющийся перелив КАРАТА, другой формы ЗАПРЕТА, чужого. Конечно, я чужой, думал он с непривычной жалостью к самому себе — дважды и трижды чужой, и как раз сейчас не имеющий времени ответить на эти бесстыдные взгляды.

Он ожидал, что его остановят и спросят, по какому делу он здесь находится, но, похоже, обычные манеры или не существовали здесь, или были настолько чуждыми, что он знал их. Следуя за перемещавшейся толпой, он наконец пришел в главный зал и понял, что сейчас, очевидно,

время аудиенции.

Повсюду царствовали элегантность и холодная роскошь, но здесь они были смешными и чуждыми, комната эта не была создана для богатых драпировок и роскошной мебели аристократии равнин. Оборудованная в манере Сухих Городов, она казалась ограбленной, окна были открыты, вес заливал слабый свет, мебель практически отсутствовала, если не считать низких скамеек и большого троноподобного кресла в центре зала, на котором в священном порядке лежали на золотых подушках меч и корона. Трон был пуст.

Молодой человек со щеками лишь тронутыми белой бородкой, еще слишком редкой для бритья, сидел на ложе рядом с троном. На нем был шерстяной плащ и высокие, изысканно вышитые, окрашенные кожаные сапоги. Когда Сторн приблизился к нему, он поднял глаза и произнес:

— Я голос Правителя Ранната, мня зовут Керстал. Дом мой — дом Серых камней. Есть ли у тебя наследная вражда или кровный долг со мной или против меня?

Сторн в отчаянии перебрал то немногое, что знал об обычаях Сухого Города. Он хотел ответить на высокопарном языке Дарковера, но затем внезапно оставил эту попытку.

Набрав полную грудь воздуха и выпрямившись, он сказал:

— Насколько мне известно, нет. Насколько мне известно, я впервые слышу о вашем Доме и, таким образом, никогда не оскорблял его, не должен ему и не давал в долг. Я пришел сюда странником, чужой вашим обычаям, ищу мира, в мой последний приезд в Карфон Великий Дом был пуст. Я предлагаю то уважение, которое приличествует чужестранцу — ни больше ни меньше. Если этикет требует иного, я прошу сказать мне об этом.

Раздался легкий перезвон цепей, женщины по всему залу поворачивались к нему, по помещению пронесся легкий вздох удивления. Керстал казался немного удивленным непривычным ответом. Затем коротко кивнул и произнес:

— Сказано смело, никакой обиды не было нанесено или вызвано. И все же, никто не ходит в Карфоне без разрешения Правителя Ранната и его Дома. Кто твой господин и какое дело привело тебя сюда?

— Что касается господина, то я вольный житель гор, не подвластный никому, — гордо ответил Сторн. — Я сам себе господин, и в моих владениях люди подчиняются мне по доброй воле, а не по принуждению. — Его осенило, что его гордость

послужит ему здесь лучше, чем что-то другое. Жители Сухих Городов, похоже, уважали высокомерие, если бы он пришел просителем, его, возможно, выкинули бы даже не выслушав. — Дом мой — Дом Высоких Ветров во владениях Альдоранов, древних правителей Комина. Что до моего дела здесь, оно не касается вас; требуют ли ваши обычаи, чтобы я назвал его? В моих владениях спрашивающий должен показать, что вопрос его ни праздное любопытство, ни опасная заинтересованность. Если у вас иначе, покажите мне причину для уважения ваших обычаев, и я сделаю это.

Снова легкое журчание удивленных голосов, и Керстал сделал движение, словно собираясь положить руку на меч, лежавший на пустом троне, но затем раздумал. Он поднялся на ноги, в голосе его уважение преобладало над небрежностью.

— В отсутствии кровной вражды меж нами, чаррат из Сторнов, добро пожаловать в Карфон. Не существует законов, требующих от тебя пояснить твое дело, если оно только твое, но вопрос, не покинувший твоих губ, навеки останется без ответа. Скажи мне, что ты ищешь в Карфоне, и я буду рад, если сумею дать тебе соответствующий ответ. — Легкая улыбка скользнула по его лицу,

и Сторн расслабился, понимая, что победил. В Сухих Городах люди ценили власть над собой превыше всего. Если они расслаблялись настолько, чтобы улыбнуться, ему почти наверняка ничего не угрожало.

Сторн произнес: — Мой родовой дом был атакован и захвачен бандитом, известным как Брайнат Шрамолицый. Я ищу людей и помощь, дабы возвратить доброе имя, силу, честь и целостность моему дому, — он использовал слово КИХАР, непереводимый эквивалент лица, целостности и чести. — Родня и женщины мои в его власти.

Керстал слегка нахмурился.

— А ты здесь, живой и невредимый?

— У мертвых нет КИХАРА, — твердо ответил Сторн. — Как не могут они прийти на помощь родне.

Керстал остановился, обдумывая услышанное. Позади них послышались крики и волнение, и что-то странно знакомое было в этих звуках, вызывая немедленный отклик в каждом нерве Сторна. Он не мог знать, но что-то там происходило такое…

Но Керстал не обращал внимания на шум. Он медленно произнес: — В этом есть справедливость, чужестранец из Сторнов, — и ваши обычаи,

не наши — нет невосполнимой потери чести. Тем не менее, я должен предупредить тебя, что наши люди не будут впутываться в горную вражду. Дом Ранната не продает мечей в горы, на наших равнинах хватает кихаров и без этого.

— Я и не прошу этого, — быстро отозвался Сторн, — когда я в последний раз посещал Карфон, здесь было много желающих продать свой меч за шанс награды. Я прошу лишь свободы искать их.

— В свободе такого рода нельзя отказать, — ответил Керстал, — и если твой рассказ правдив, Дом Ранната не запретит ни одному свободному, не связанному клятвой мужчине, предложить свои услуги. Назови же свое имя, чаррат из Сторнов.

Сторн выпрямился во весь рост.

— Я с гордостью ношу имя своих отцов, — и голос его, казавшийся странным даже ему самому, звенел громко и чисто, сильным басом по всему залу, — я Лоран Рахал Сторн, Правитель Сторна и Высоких Ветров!

Керстал ровно и непроницаемо посмотрел на него и сказал: — Ты лжешь.

И по всему залу раскатился другой звук. Сторну прежде не приходилось его слышать, но оши-

биться было невозможно. Мужчины выхватили мечи. Он стоял в кольце обнаженных клинков.

10

Меллита перестала бороться. Она шла между своими пленителями, опустив голову, и горько думала о том, что она проиграла, мало было пройти перевалы, прячась по ночам от птиц духов, заблудиться в снегу, потерять лошадь, замерзшую на вершине… Нет, я сумела преодолеть все на пути в Карфон, но стоило мне войти в город, как меня тут же схватили!

Думай, Меллита, думай — должен быть выход. Чего они от тебя хотят, какой закон ты нарушила? Сторн не послал бы тебя сюда, если бы здесь нельзя было ждать помощи. Но что знал Сторн?

Она выпрямилась и сумела остановиться между высоких светловолосых мужчин.

— Я не пойду ни шагу дальше, пока мне не скажут, в чем моя вина, сказала она. — Я свободная женщина гор и не знаю ваших законов.

Один из них коротко произнес:

— Ничейные девки, — слово, которое он использовал, не переводилось на язык Меллиты, но она слышала как его используют в качестве особенно грязного ругательства, — не расхаживают

свободно в Карфоне среди скромных людей вне зависимости от того, каковы могут быть ваши обычаи там, за Кадарином.

— Вы не уважаете чужих обычаев? — воскликнула она.

— Здравые — да, — произнес другой, на диалекте столь грубом и варварском, что она с трудом понимала его. — Но каждая женщина, входящая сюда, должна иметь соответствующего владельца и власть, и хозяин ее должен быть известен. Лорд Раннат решит, что делать с тобой, блудница.

Меллита расслабила напряженные мышцы и вновь позволила повести себя среди пялящихся мужчин и слегка посмеивающихся женщин. Она заметила их скованные руки с чувством, близким к ужасу, устыдилась за них и удивилась, что они могут так высоко держать голову, двигаясь с чем-то похожим на гордость. Глядя на их одежду, светлые волосы, стянутые лентами и драгоценностями, она больше обычного ощутила, что сама одета в потрепанный дорогой плащ, заплатанные и вытертые бриджи — даже относительно свободные манеры Дарковера не позволяли женщинам ездить на лошади в бриджах, и только отчаяние заставило Меллиту одеть их — волосы ее, мокрые от пота и грязные, покрыты пылью

дорог. Она густо покраснела. Неудивительно, что ее приняли за низшую из низших. Ей захотелось расплакаться.

Леди Сторн, думала она. Да, черт побери, а что, не похоже?

Они миновали неукрашенную арку, и она увидела мужчин и женщин, собравшихся кольцом вокруг трона, где стоящий мужчина, тоже из светловолосых горожан, но выше и лучше других одетый, допрашивал человека в горной одежде. Ее пленитель произнес: — Голос Ранната занят, жди здесь, девка, — и они ослабили хватку.

Меллита не слишком четко понимала, что происходит, и стояла не прислушиваясь, стараясь обрести былую уверенность в себе и радуясь передышке. Что сказать ей, чтобы убедить правителей этого города, что она свободный и достойный доверия человек, а не имущество, попадающее под действие их дурацких законов, касающихся женщин?

Возможно, стоило искать помощи в предгорьях, Правители Комина и Армиды и в замке Ардайс не приходились им родней, но они могли оказать ей гостеприимство, и тогда бы она пришла в Карфон одетая как полагается ей по рангу и с соответствующим эскортом. Она слышала, что

правитель Вальдир Альтон — мудрый и просвещенный человек, много сделавший для защиты своих людей от горных бандитов, он провел рейд для искоренения форпоста печально известного Кирильна де Трайдеса. Все предгорья Килгарда, не исключая Сторнов, после этого стали спать спокойно. Конечно, он пришел бы на помощь против Брайната, — думала она.

Она не пыталась следить за разговором между тем, кого пленитель назвал Голосом Ранната и его пленником, но сам пленник привлек ее внимание. Он был необычайно высок, с темно-рыжими волосами и мрычным, печальным лицом, с чем-то немного странным в выражении глаз. Она пожалела, что не может рассмотреть его получше и понять, о чем он говорит. Она видела, что он пытается произвести впечатление, потому что горожанин улыбался. Затем в наэлектризованных ушах Меллиты прозвенел, приведя ее в замешательство, акцент и голос ее брата!

— Я — Лоран Ракхал Сторн, правитель Сторна и Высоких Ветров!

Меллита вздрогнула. Он сказал это совершенно напрасно, улыбка исчезла с лица Керстала. Он что-то выкрикнул и внезапно все мужчины в зале обнажили мечи и окружили чужеземца.

— Ты лжешь, — сказал Керстал. — Ты лжешь, чужеземец. Сын Сторна мне лично неизвестен, но я знаком с его отцом, и люди Сторна известны нашему дому. Сказать тебе, почему ты лжешь? Люди Сторна светловолосые с серыми глазами. И мне известно так же, как каждому от Халлеров до Тендара, что Правитель Сторна слеп от рождения — неизлечимо слеп! А теперь, лжец и хвастун, назови свое настоящее имя или беги сквозь строй, чтобы спасти свою презренную шкуру!

И тут Меллита вздрогнула в ужасе, потому что поняла.

Поняла, что сделал Сторн — и дрогнула, потому что это было преступлением из тягчайших, — и почему он это сделал, и что делать ей, чтобы спасти его и себя?

— Пропустите! — произнесла она высоким и чистым голосом. — Он не лжет. Никто из Сторнов не лжет, и после моих слов каждый, кто не поверит нам, может искать удовлетворения от одного из нас или от обоих. Я — Меллита Сторн, и если дом Сторнов известен вам, отец и сын, взгляните в мое лицо и прочтите там мое происхождение!

Стряхнув державшие ее руки удивленых мужчин, она пробилась вперед. Кольцо вооруженных горожан раскрылось перед нею и сомкнулось.

Она услышала струящийся по кругу удивленный шепоток. Кто-то произнес:

— Это что, какая-то Свободная Амазонка из долины, что смеет ходить бесстыдно, без цепей? Женщины владений Коминов стыдливы и скромны, как попала сюда эта девка?

— Я не Свободная Амазонка, а женщина гор, — сказала Меллита, глядя на сказавшего. — Сторн — мое имя. И Сторны — мой род.

Керстал повернулся к ней. Несколько минут он рассматривал ее, затем рука его упала с рукоятки кинжала, и он отвесил формальный поклон горожан, широко раскидывая руки.

— Леди Сторн, наследие ваше на вашем лице. Вы — дочь вашего отца, добро пожаловать. Но кто этот хвастун, назвавшийся вашим родственником? Вы подтверждаете родство?

Меллита подошла к незнакомцу. Мысли ее были в смятении. Она произнесла торопливо на языке гор: — Сторн, это ты? Лоран, зачем ты это сделал?

— У меня не было выбора, — отозвался он. — Это был единственный способ спасти нас всех.

— Быстро назови мне имя лошади, на которой я впервые научилась ездить верхом, и я признаю тебя за того, кто ты есть.

Легкий отблеск улыбки коснулся лица незнакомца:

— Это была не лошадь, а пони-олень, — мягко произнес он. — И ты звала его Рогатой свинкой.

Она медленно встала бок о бок с незнакомцем, положила ладонь ему на руку и поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать его щеку.

— Родственник, — медленно проговорила она и повернулась к Керсталу. Конечно, он мой родственник, — произнесла она. — И он не лгал, называя себя Сторном из Сторнов. Обычаи гор вам неизвестны. Брат мой, Сторн, как было сказано, слеп и поэтому неспособен держать лоран нашего дома. И этот наш дальний родственник был принят нами, получил имя и титул Сторнов, а настоящее его имя забыто даже его братьями и сестрами, НЕДЕСТРО наследников Сторна.

Сказав это, она затаила дыхание, но затем по сигналу Керстала, мечи опустились. Меллита внешне не позволила себе показать облегчение.

Сторн произнес мягко:

— Какое удовлетворение даст Великий Дом Ранната за это смертельное оскорбление?

— Я только голос Ранната, — парировал Керстал, — в другой раз надо знать наши обычаи, чужеземец.

— Мне кажется, — произнес Сторн все также мягко, — что Сторнам нанесено тяжелое оскорбление. Смертельное оскорбление мне и моей сестре… — взгляд его обратился к двоим тащившим Меллиту в зал, — и это ваше уважение к чужеземцам?

— Извинения будут принесены, — произнес Керстал. Капельки пота выступили на его лбу, — мой дом не враждует с вашим, будь же нашим гостем, Правитель Сторн, и прими дары, приличествующие твоему рангу. И да сотрет обмен любезностями память о нанесенных или причиненных обидах.

Сторн раздумывал, держа ладонь на рукоятке кинжала, и Меллита, с удивлением заметила этот жест, подумав — ему это нравится, он хочет, чтобы Керстал принял вызов!

Но если такие мысли и были у Сторна, то он вовремя вспомнил о своей главной цели.

— Да будет так! — сказал он. — Мы с сестрой примем ваше гостеприимство, родич Ранната, — по кругу пролетели короткие вздохи облегчения, а, возможно, и разочарования.

Керстал подозвал слуг и что-то приказал им, а затем на мгновение остановил Сторна, подняв руку.

— Так значит, ты заявляешь эту женщину? Тогда присмотри за ней, чтобы она не шлялась где попало, пренебрегая нашими законами.

Меллита прикусила язык, не позволив вырваться резкому ответу, и почувствовала, как ладонь Сторна впилась ей в плечо.

Через несколько минут они оказались в большой комнате для гостей, пустой, как и все комнаты в Сухом Городе: всю мебель представляла пара матов на полу и одна-две полки на стенах. Когда слуги удалились, Меллита повернулась к незнакомцу с голосом и манерами ее брата. Оставшись с ним наедине, она не знала, что сказать.

Незнакомец произнес мягко, на их языке:

— Это действительно я, Меллита, — он улыбнулся. — Ты явилась как нельзя кстати.

— Не по своей воле, просто повезло, — призналась она, устало опускаясь на пол, — зачем ты послал меня сюда?

— Одно время здесь собирались горяне, наемники со всей округи. А теперь, когда сюда переехали Горожане, я в этом не уверен, — сказал Сторн. Но мы свободны, мы можем действовать. Мы ничего бы не смогли сделать в Высоких Ветрах. — Он вытянулся на одной из нар.

Меллите было не по себе от близости этого

человека, казавшегося чужим. Наконец она выдавила: — Кто… этот…

— Его зовут Баррон, он землянин, инопланетянин. Сознание его было открыто для меня. Я просканировал его будущее и увидел, что он придет в горы. И поэтому… — Сторн пожал плечами, молчание снова повисло меж братом и сестрой, молчание, невыразимое словами. Обоим было известно, что Сторн нарушил древний запрет, существовавший с самых ранних времен Дарковерского Договора. Даже если жертвой был землянин, ужас не покидал Меллиту.

Оба они расслабились, когда слуги Ранната внесли подносы с едой и два ящика, в которых, как им объяснили, находились дары Дома Ранната к Правителю и леди Сторн.

Только они ушли, как Меллита встала и подошла к груде подарков, а Сторн рассмеялся:

— Усталости никогда не победить любопытства — вот сущность женщины! Кстати, Меллита, наслаждайся дарами с чистой совестью. Голос Ранната, или как бы он там себя не называл, знает, что покупает свободу от кровной вражды, которая затянулась бы на годы и стоила бы ему гораздо больше! Конечно, будь мы горожанами, он слегка презирал бы нас из-за того, что нас

можно купить, но мне лично глубоко наплевать, что думает этот выродок немытых горожан, верно? Я принял дары в числе прочего потому, — он посмотрел на нее, — что тебе, похоже, не мешает надеть кое-что. Ты никогда не была так похожа на сорванца, сестричка!

Меллята чуть не расплакалась.

— Ты не знаешь и половины того, где я была и как мне пришлось плохо, и ты смеешься надо мной…

— Меллита! Не плачь, не надо… — он потянулся и крепко обнял ее, прижав лицо к плечу, — сестричка, бреда, шийа… — он покачивал ее, шепча ласковые детские прозвища. Постепенно она успокоилась и отстранилась в затруднении. Голос, манера принадлежали ее брату, но тело и прикосновение этого незнакомца сбивали с толку. Она опустила глаза, а Сторн смущенно рассмеялся.

— Посмотрим, что прислал нам Керстал, и увидим, насколько высоко он ценит кихар дома Сторнов!

— Недешево, во всяком случае, — проговорила Меллита, открывая сундуки.

Там был меч прекрасной ковки для Сторна. Он сунул его, проговорив: Помни, что это горожане

— он не служит тем же, что в горах. К сожалению, а то бы это было обетом прийти к нам на помощь. — К мечу прилагались перевязь и расшитый жилет. Для Меллиты, как она и полагала, нашлись платья из полотна, простеганного шерстью, накидки, монисто и позолоченная цепь с крошечным замочком. Она смотрела на нее, не веря собственным глазам.

Сторн рассмеялся: — Он, очевидно, думает, что я собираюсь держать тебя на поводке. — Глаза ее вспыхнули и он быстро добавил: — Неважно, ты не обязана носить ее. Ладно, бреда, давай поедим, а потом немного отдохнем. Во всяком случае, теперь мы в безопасности. А завтра у нас будет достаточно времени, чтобы обдумать, что делать, если Раннат решит, что никто не сможет нам помочь.

11

Пророчество Сторна сбылось. Насколько старательно Дом Ранната не избегал кровной вражды со Сторнами, слух, очевидно, облетел весь Карфон. Ни у кого не нашлось времени, как им с сожалением сказали, вести войну в горах.

Внутренне Сторн не обвинял их. Горожане всегда неуютно чувствовали себя в предгорьях, не говоря уже о высотах. У Дома Ранната хватало забот и с Карфоном, чтобы разбрасывать армию в дальние горные цепи. Вдобавок, наемники из Сухих Городов, неопытные в горах, непривыкшие к снегам и холоду, будут скорее обузой, чем подмогой. Им требовались горяне, а их в Карфоне не было.

Когда брат с сестрой настаивали на отъезде, Керстал упрашивал их остаться и практически сумел скрыть свою неискренность, о которой они догадывались. Когда они сослались на спешную необходимость, он нашел Меллите прекрасную скаковую лошадь из личных конюшен и заставил принять ее в дар.

— Таким образом, — произнес Сторн цинично,

когда они отъезжали от Великого Дома, — Голос Ранната послужил своему правителю тем, что обрезал еще одну связь с горами, сделав еще менее вероятным приход их сюда. Это вынудит немногих оставшихся в Карфоне еще спешнее удалиться куда глаза глядят. Хотел бы я знать, что случилось со всеми этими Ланартами? Они раньше владели землями неподалеку от Карфона, — объяснил он, — и являлись подкланом Альтонов, вместе с Лейнерами и людьми Сиртиса. Будем надеяться, что горожане не уничтожили их, они были хорошими людьми. Доменик Ланнарт предлагал однажды старшего сына для брака с тобой, Меллита.

— Ты никогда не говорил мне об этом.

Он хмыкнул.

— Тебе тогда было восемь лет, — затем он снова стал серьезным, — мне стоило выдать вас обоих, много лет назад, тогда бы у вас было много родственников, только позови. Но мне не хотелось расставаться с вами. Да и у Аллиры не было большого желания выходить замуж…

Оба умолкли, когда беседа возобновилась, темой стало прошлое Карфона и то, как он стал таким заброшенным. До тех пор пока они не выехали из города, Сторн не касался вопроса их

дальнейших действий.

— Раз Карфон оказался бесплодной надеждой…

Меллита перебила его: — Отсюда всего несколько дней пути до Армиды, а Правитель Вальдир Альтон сплотил всех людей предгорий против бандитов вспомни, как он разделался с Кирильном Трайлес! Сторн, обратись к нему! Он наверняка поможет нам!

— Не могу, — грустно сказал Сторн, — я не рискну даже встретиться с людьми Вальдира, Меллита. Вальдир — из телепатов Комина, у него способности Альтонов, он сразу поймет, что я сделал. Я думаю, он уже подозревает. И, вдобавок… — он густо покраснел от стыда, я украл лошадь у одного из людей Альтона.

Меллита сухо произнесла: — А я все время думаю, где это ты достал такую красавицу.

Мысли Сторна горько бежали в другом направлении.

Приемный сын Вальдира обязался ножом — но другому человеку, землянину Баррону. Он не знает обо мне, и у него нет дружбы со мной. И эта дорога теперь тоже закрыта. Что дальше? — Он произнес:

— Мы дальние родственники дому Альдаранов. Я слышал, что они тоже стали центром воссоеди-

нения горных народов. Возможно, они сумеют нам помочь. Если же нет, то подскажут, где найти наемников. Едем к Альдарану.

Сообразив, что это означало вновь пересечь Кадарин и вернуться в горы, Меллита пожалела, что они не пошли туда сразу. Но затем она вспомнила, что Сторн-Баррон пришел прямо из дальних долин с другой стороны подножия. Карфон был лучшим промежуточным местом встречи, и Сторн имел все основания полагать, что они найдут здесь подмогу. Это было странно, если она не смотрела на него, легко было поверить, что она едет со своим братом Сторном, голос, незнакомый по тембру и тону, был наполнен знакомыми оборотами и ритмом, словно просачивающимся откуда-то издалека. Но стоило посмотреть на незнакомую фигуру, столь легко сидящую на большой черной лошади — высокой, темной, зловеще чужой — и тревога вновь охватывала ее. Что, если Сторн исчезнет, и она останется одна с этим незнакомцем, инопланетянином, немыслимо чужим человеком?

Меллита думала, что после ужасного путешествия в горах, больше ничто не напугает ее. Теперь же она обнаружила, что существуют кошмары, о которых она ранее и не подозревала,

неизвестная опасность от чужого человека и чужого разума.

Она подумала, усмехнувшись, что он не может быть хуже бандита Брайната или одного из его головорезов. Не думаю, чтобы он захотел убить или изнасиловать меня. — Она исподтишка изучала странное лицо, скрытое знакомыми чертами брата, и думала — каков же он в действительности.

Он кажется славным человеком — нет линий жестокости или легкомыслия немного печальный и одинокий, пожалуй.

Интересно, узнаю ли я когда-нибудь об этом?

На третий вечер пути от Карфона они поняли, что их преследуют.

Меллита первой ощутила это. С чувствами обостренными от напряжения и страха путешествия — она ехала, постоянно оглядываясь назад. Она также подозревала, что от постоянного контакта со Сторном, или по каким-то другим причинам, но она стала из латентного действующим телепатом. Сначала она не могла сказать, явились ли причиной импульсы сознания, или сработали другие пять обостренных чувств — звуки, слишком слабые для слуха, формы, слишком далекие для глаза — в любом случае, это не имело или имело мало значения. Когда они укрылись в

заброшенной хижине на горном пастбище, она наконец сказала Сторну о своих подозрениях, немного боясь, что он будет смеяться.

Что угодно, но только не это. Рот его плотно сомкнулся — Меллите знаком был этот жест, но не этот рот, и он произнес:

— Мне тоже это показалось, прошлой ночью, но я решил, что это, возможно, только мой собственный страх.

— Но кто может преследовать нас? Уж конечно, не люди Брайната — на таком расстоянии. Люди Карфона?

— Это возможно, — сказал Сторн, — Дом Раннаты может решить, что неплохо бы еще одной горной семье исчезнуть — но тогда, рано или поздно, ему придется иметь дело с набегами самого Брайната. Пиратские партии доходят иногда до самого Карфона, и я рискну предположить, что мы являемся более предпочтительными соседями, чем Шрамолицый — он мог прийти к нам на помощь, но сомневаюсь, чтобы он стал мешать. Нет, я боюсь худшего, — Бандиты? Бродячие банды негуманоидов?

Сторн сухо качнул головой. Затем, заметив испуг Меллиты, попытался улыбнуться.

— Несомненно, мне это показалось, бреда, и в

любом случае мы вооружены.

Он не сказал, что он боялся больше всего: того, что Ларри, из-за клятвы на мечах и из страха за Баррона мог послать Вальдира по их следу. Он не замышлял другого — совсем напротив. Но Баррон дважды или трижды задавал вопросы о Карфоне. Будет просто проследить его путь туда.

И если ни один из землян не был там, то Вальдир, во всяком случае, поймет, что случилось, и почему исчез Баррон-землянин. Того немногого, что Сторн знал о Коминах, было достаточно, чтобы понять, что напав на след такого преступления, они отыщут его и на другом конце света.

А когда они схватят его — что тогда? Со сверхъестественной способностью угадывать его мысли (стоило ли ему будить в ней телепата) Меллита спросила: — Сторн, а что такое на самом деле Комины?

— Это все равно что спросить, что такое горы. Сначала на Дарковере существовало семь Великих Домов или Областей, каждая с особым телепатическим даром. Если я и знал когда-то, какой дом владел каким, то забыл, и, в любом случае, века и перекрестные браки смешали их так, что не разобрать. Когда люди говорят о Коминах, они обычно имеют в виду Совет Комина

— иерархию одаренных телепатов из каждого дома, первоначально отвечавших за использование старого дара мысли — а позже они приобрели и светскую власть. Ты слышала баллады — говорят, все Семь Домов произошли от сыновей Хастура и Кассильды. Насколько мне известно, это может быть и правда, но к делу это не относится. Сейчас они являются законодателями над всей этой частью Дарковера. Предписания их не проходят в Сухие Города, как в страну хвостатых, да и горяне, в основном, движутся по собственным орбитам — тебе, как и мне, известно, что мы в горах живем по собственным законам и обычаям.

— Они правят? Разве в долинах правит не Король?

— О, да, в Тендаре есть Король, правящий Советом Комина. Королевство обычно базировалось на Хастурах, но они много поколений назад уступили эту часть другой Коминском семье, Эльхалилам, которые так перемешались с Хастурами, что это не имеет никакого значения. Но ты знаешь об этом, черт побери, я помню, что рассказывал тебе об этом в детстве, как и об Альдаранах!

— Извини, это все кажется таким далеким, — они сидели на одеялах и мехах в темной хижине,

у самого огня, хотя для того, кто привык к жестоким морозам гор, было не слишком холодно. Снаружи, на перекрытиях крыши, негромко шелестел мелкий дождик. — Так что с Альдаранами? Они, конечно, тоже Комины?

— Были раньше, у них могли сохраниться старые способности Коминов. Но их вышибли из Совета несколько поколений назад, ходят слухи, что они совершили что-то ужасное, что — никто не знает и не помнит. Лично я подозреваю, что это обычная политическая грызня, но не стану говорить. Никто из живых не знает этого, исключая разве что Правителя Совета Коминов. — Он снова умолк.

Он боялся не Комина, а Вальдира, и в особенности его всезнающих, всепонимающих глаз.

Сторну не нужно было спрашивать, что думает Меллита о его поступке. Он сам думал так же. Он тоже был воспитан в благоговении перед дарковерским Законом о покушении на чужое сознание. И все же он оправдывал себя с грубым отчаянием законопослушного и мирного человека, превратившегося в преступника, и думал, что ему наплевать, какие законы он нарушил, это моя сестра и мой брат в лапах этих людей, и крестьяне, служившие моему роду много по-

колений. Дайте мне увидеть их свободными и тогда можете меня повесить! Зачем мне жизнь инвалида? Я и до этого был наполовину жив.

Он очень сильно ощущал присутствие Меллиты, сидевшей у низкого огня рядом с ним. Изолированный, до недавнего времени, он знал немного женщин, в кого бы мог влюбиться. Для развивающегося телепата это много значило.

Привычно низкий уровень жизни делал его безразличным к подобному мышлению, но чужое и энергичное тело, в котором он чувствовал себя почти как дома, более чем отчетливо ощущало близость девушки.

У него мелькнула мысль, что Меллита необычайно красива даже в потертых и грязных дорожных вещах, которые она вновь нацепила, покинув Карфон. Она распустила волосы, сняла плащ и тунику, оставшись в грубом полотняном платье. Какой-то маленький орнамент обвивал ее шею, и ноги были босыми. Сторн, уставший после долгих дней пути, все же ощущал рефлекторную дрожь близости и желания. Он немного поиграл с этой мыслью, возможно потому, что все остальные были слишком тяжелые. Сексуальный контакт даже между близкими родственниками в горах не был запрещен, хотя дети, рождавшиеся

от таких браков, считались несчастными — изолированный горный народ понимал опасность инбридинга. С горьким юмором Сторн подумал, что в теле чужака даже этого можно было не бояться!

Но затем он ощутил внезапное отвращение. Тело принадлежало чужому, землянину, пришельцу из другого мира — а он хотел позволить ему прикоснуться к телу его сестры, Леди Сторн. Он плотно сжал челюсти, потянулся и прикрыл огонь.

— Уже поздно, — сказал он, — нас ждет завтра дальний путь. Лучше ложись спать.

Меллита повиновалась без единого слова, закаталась в свой меховой плащ и отвернулась от него. Она знала о чем он думает и очень жалела его, но не рискнула ответить на его чувства. Брат отверг бы это, так же как всегда, и она немного боялась чужого. Конечно, ее пугало не глухое биение его желания, ощущавшееся ею почти физически. На это она не обращала внимания. Как всякая горянка ее касты, она знала, что путешествие в одиночку с мужчиной почти всегда поднимает такую проблему. С самим Сторном она могла этого не бояться, но она чувствовала чужого сильнее, чем думал Сторн. Она вынуждена

была обдумать и как-то решить этот вопрос. Она не ощущала какой-либо особой тяги к чужому, хотя, если бы присутствие его не было запутано сознанием того, что он является также и ее братом, она могла найти бы его интересным. Он, несомненно, был привлекательным, казался мягким, и судя по его тону голоса, хорошим. Но если она даже по неосторожности возбудила в нем желание, законы женщин ее касты требовали, чтобы она из уважения к приличиям дала ему хоть какое-то облегчение, отказать в этом было глупо и жестоко. Если она была настроена резко против такой возможности, ей не следовало соглашаться на путешествие с ним наедине. Никто из горянок не сделал бы этого. Не сложно было бы найти попутчика в Карфоне.

В любом случае похоже, что на настоящий момент проблема отодвинулась на задний план, и Меллита расслабилась. — Это было бы слишком жутко — все равно, что переспать с призраком, — думала она, засыпая.

Было еще совсем темно, когда рука Сторна разбудила ее.

Они оседлали своих лошадей и двинулись вниз по горной темной тропе. Их окутал сильный снег с дождем, лишь через час с небольшим пе-

решедший в легкий дождь, предшествующий рассвету. Меллита, замерзшая, дрожащая и даже немного обиженная, не протестовала, только на ходу опустила на лицо, капюшон. Сторн свернул на необычно крутую и заброшенную горную тропу, спешился и повел лошадь по скользкой дороге, пока дорога вновь не стала достаточно безопасной. Она подумала, что если по следу за нами идет именно Комин, мы вряд ли сумеем оторваться от них.

— И можем выиграть два, три дня пути на этой дороге, если они или их лошади непривычны к горам, — сказал Сторн, но Меллита поняла.

Весь этот и следующий день они двигались все более крутыми горными тропами, над вершинами собирались штормы, а к ночи они выматывались до того, что еле хватало сил проглотить несколько кусков пищи и уже в полусне забраться в одеяла. Утром третьего дня, после того как они впервые почувствовали, что их преследуют, Меллита проснулась без тяжелого чувства тени за спиной и ощутила, что они ушли от преследователей, по крайней мере, на какое-то время.

— Сегодня мы доберемся до Альдарана, — сказал Сторн, когда они седлали лошадей. — И если

то, что я слышал, верно, даже Комин не рискнет так далеко забираться в предгорья. Может в низинах они и священны, но здесь все иначе.

Как только поднялся туман, они расположились на сером и крутом пике, скрытом и еле видимым среди других вершин. Но потребовался весь день, чтобы приблизиться к подножию горы, на которой он стоял. И когда они свернули на дорогу, наезженную и с хорошим покрытием, ведущую вверх к замку, их остановили двое в плащах. С абсолютной учтивостью их попросили поведать об их намерениях, но, тем не менее, просили подождать (пока Правитель Альдарана не узнает об их приходе), с такой настойчивостью, что ни Сторн, ни Меллита не захотели воспротивиться.

— Известите Правителя Альдарана, — произнес Сторн, тусклым от усталости голосом, — что его дальние родственники Сторны из Высоких Ветров ищут убежища, совета и гостеприимства. Мы ехали долго, устали и призываем его во имя родства дать нам отдохнуть.

— Отдых в безопасности — ваш, стоит только попросить, — произнес один из них с изысканной учтивостью, и Меллита с облегчением вздохнула — они находились среди людей своих

обычаев. — Не соблаговолите ли подождать в доме привратника, милорд и демисела? Я велю приглядеть за лошадьми. Я не могу тревожить правителя Альдарана без его разрешения, но если вы его родня, я уверен, вам не придется долго ждать. Я к вашим услугам, и здесь есть пища для всех приезжающих, если вы нуждаетесь в ней.

Пока они ждали в пустом маленьком домике привратника, Сторн коротко улыбнулся Меллите: — Альдаран придерживается старой учтивости к гостям что бы не случилось с его домом.

В немыслимо краткий срок, Сторн подозревает, что было использовано какое-то устройство связи, потому что времени подняться к замку на вершине не было, страж, не вернулся.

Леди Дезидерия поручила мне доставить вас в главное здание и оказать вам гостеприимство, Правитель и Леди, а когда вы отдохнете и освежитесь, она примет вас.

Сторн сказал Меллите, когда они взбирались вверх по дороге: — Не имею ни малейшего понятия, что это за леди Дезидерия. Старый Кермиак едва ли стал бы жениться. Скорее, это жена одного из его сыновей.

Но молодая женщина, приветствовавшая их, не была чьей-то женой. На вид ей было едва ли

больше пятнадцати лет. У нее была разящая рыжеволосая краса, и ее осанка и достоинство заставили Меллиту ощутить смущение от собственной провинциальности.

— Я — Дезидерия Лейнер, — сказала она, — моей приемной матери и опекуна нет дома, но они окажут вам подобающий прием. — Подойдя ближе, она взяла Меллиту за руку, оглядывая ее своими мягкими глазами. — Бедное дитя, ты кажешься усталой до смерти; ночь перед встречей с хозяевами пойдет тебе на пользу. И вам тоже, мистер, следует отдохнуть, а не выстаивать на церемониях. Сторны неизвестны мне, но не моей семье. Я приветствую вас.

Сторн поблагодарил, но Меллита не прислушивалась к формальным словам. В этом странном уверенном в себе подростке она ощущала нечто большее, чем просто уверенность — внутреннюю силу и налет неестественной развитой чувствительности, настолько превышающую ее собственную, что она чувствовала себя ребенком. Она сделала глубокий реверанс.

— Ваи Леронис… — прошептала она, используя старое слово, обозначающее мудреца, владеющего древними силами.

Дезидерия весело улыбнулась:

— Ну, нет, — сказала она, — всего лишь тот, кто немного разбирается в старой технике — и, если я верно поняла, дитя мое, ты тоже ей не чужда! Но мы можем поговорить в другой раз, сейчас я хочу лишь приветствовать вас от имени моих приемных родителей. — Она приказала слуге провести их и сама пошла впереди по залам. Был час забот перед вечерней трапезой, по залам двигался народ, среди них какие-то худые высокие люди, чей облик и беззаботный вид заставили Сторна задержать дыхание и крепко вцепиться в руку Меллиты.

— Здесь земляне, так далеко в горах… — прошептал он. — Что, во имя всех адов Зандру, творится здесь, у Альдарана? Мы что, попали из огня в полымя? Я представить себе не мог, что хоть один землянин может быть в этих горах! И эта девушка — телепатка! Меллита, будь начеку!

Дезидерия передала Сторна слуге и проводила Меллиту в маленькую комнату на вершине башни, одну из четырех угловых комнат этого яруса.

— Извини, помещение не слишком роскошное, — произнесла она, — но нас так много сейчас. Я пришлю тебе воду для умывания и служанку, чтобы помогла одеться. Ты, конечно, будешь более чем желанна в зале, но я думаю, тебе лучше

поужинать и сразу лечь спать, а то ты заболеешь без отдыха.

Меллита благодарно согласилась, довольная, что ей не придется сегодня заводить знакомства. Дезидерия сказала:

— Он странный человек — твой брат, — но слова не содержали и намека на любопытство. Она пожала руку Меллиты и поцеловала ее в щеку. — А теперь, хорошего отдыха, — сказала она в своей странной взрослой улыбке. — И ничего не бойся. Мы с сестрой в комнате напротив.

Она ушла. Оставшись одна, Меллита стянула свои грязные и холодные дорожные одежды и с благодарностью приняла услуги спокойной и нелюбопытной служанки, явившейся к ней. После ванны, съев принесенный ей легкий и восхитительный ужин, она легла в мягкую постель и впервые с того момента, как тревожные удары колокола возвестили о появлении Брайната у стен Сторна, смогла уснуть спокойно. Они были в безопасности.

Где Сторн? Наслаждается ли он так же роскошью отдыха? Конечно, он ошибся насчет землян.

12

Сторн проснулся с первым светом и какое-то время не мог понять, где он находится. Вокруг летали незнакомы голоса и запахи, а он лежал с закрытыми глазами, пытаясь сориентироваться, прислушиваясь к стуку шагов по камням, крикам животных, требующих корма, и незнакомым голосам, то приближавшимся, то удалявшимся. Вокруг была мирная утренняя суета, ничем не похожая на шум в захваченном доме, а затем воспоминания нахлынули на него; он понял, что он в замке Альдарана. Он открыл глаза.

Странное предчувствие владело им без видимых причин.

Он задумался над тем, сколько ему удастся продержать Баррона в подчинении — только бы хватило времени выполнить задуманное, прежде чем он потеряет контроль и окажется в собственном теле, беспомощно лежащим в трансе, защищенном от покушений, но неспособном помочь своей семье и своим людям. Если это случится, он не имел ни малейших сомнений в дальнейшем ходе развития событий. Баррон

пойдет своей дорогой, смущенный временной амнезией и, возможно, фальшивой памятью Сторна — он не имел ни малейшего понятия о том, что происходит с человеком в положении Баррона — Меллита останется в полном одиночестве. И в этом случае, вероятно, он никогда не узнает, что с ней будет.

И он не хотел возвращаться в собственное тело, слепое и беспомощное. Если это произойдет, что будет с Барроном, землянином, одиноким в этих чужих горах? Даже ради своей жертвы он должен держаться любой ценой.

Если здесь, в замке Альдарана, действительно находятся земляне, то что это может означать? Устав от вопросов, на которые не было и не могло быть ответов, он откинул покрывало и подошел к окну. Что бы ни ожидало его впереди, он насладится этими немногими зрячими днями среди жизни во мраке. Даже если эти дни станут его последними днями.

Он посмотрел вниз на суету во дворе. Люди двигались с невыразимым ощущением целеустремленности, среди них были земляне, некоторые даже в кожаных одеждах космопорта — откуда мне это известно, ведь я никогда здесь раньше не был? — а спустя некоторое время

началось волнение, и человек в сопровождении двоих в униформе проскакал через ворота.

Проехавший был высок, с темной бородой, возраст его намного превышал средний, и на всем облике его лежала печать власти, смутно напоминающая Сторну Вальдира, хотя этот человек был явным горянином. Сторн сделал вывод, что приехавший и есть Правитель Альдарана. Через несколько часов он должен предстать перед этим человеком и просить о помощи. Глубокая депрессия без видимых причин охватила Сторна. Могла ли даже целая армия, если Альдаран захочет предоставить ее в их распоряжение (с какой стати), победить Брайната. Замок Сторн был прежде неприступен, и его никогда не приходилось защищать. А теперь, когда он находится в руках Брайната, сумеет ли кто-нибудь отобрать его? Тут нужен по меньшей мере Бог!

Сцена внизу расплылась, и Сторн словно внутренним взором увидел великий скованный образ Шарры, в огненной короне и золотых цепях, прекрасной и странной. Именно этот образ являлся ему, слепому и беспомощному, лежавшему в трансе за магнитной силовой завесой в замке Сторн, когда он мысленно блуждал во времени и пространстве в поисках помощи ХОТЬ ОТКУДА-

НИБУДЬ.

Снова Шарра! Что значит этот образ?

Меллита пришла за ним утром вместе с Дезидерией, сказавшей им, что ее опекун готов принять их. Следуя за девушкой по длинным коридорам, лестницам и залам, Сторн спокойно оценивал осанку, силу и очевидные телепатические способности этой очень юной девушки. Она несомненно была Хранительницей одной из тех, которых с детства учат обращаться со старыми матричными кристаллами и экранами, с такими, что то немногое, чем он владел в замке Сторн, покажется детскими игрушками. Но уловив обрывки разговора между девушками — Дезидерии похоже понравилась Меллита, она говорила с ней совершенно свободно — он понял, что здесь таких, как она, четверо. В старые дни матричному кругу, изолировавшемуся от мира и посвятившему этому все свое время, удавалось воспитать не более чем одну Хранительницу в десять лет. Если Альдаран сумел подготовить четверых за те несколько лет, когда никто из Сторнов не был здесь, то что может еще здесь происходить!

Но, когда он задавал ей какой-нибудь посторонний вопрос, используя вежливое обращение «леронис», Дезидерия сказала:

— Нет, друг мой, я не леронис, моему опекуну не нравится это слово и его связь с ведомством. Меня научили тому, что может освоить каждый хороший телепат, так же как любой достаточно сильный и крепкий способен научиться ездить на лошади или охотиться с соколом. Наш мир слишком долго забавлялся глупыми мыслями. Зовите меня, если хотите, матричным техником. Мы с сестрами обучены этому искусству гораздо лучше других, но не стоит смотреть на меня с благоговением лишь потому, что я хорошая ученица!

Какое-то время она смотрела на него с этой бесхитростной улыбкой девочки, но потом внезапно дрогнула, покраснела и опустила глаза. Заговорив вновь, она обращалась только к Меллите, игнорируя Сторна.

Он подумал с некоторым юмором, что тренированная или нет, она все же подчиняется старым обычаям — и этому я обязан своей жизнью. Если бы она была достаточно старой, чтобы посмотреть на все под нужным углом тренированному телепату ее калибра достаточно одного взгляда, чтобы понять, что я сделал. Лишь убеждение, что девушки ее возраста не должны являться инициаторами контакта с мужчинами, не явля-

ющимися их кровными родственниками, спасает сейчас мою жизнь.

Но мысль эта была странной и горькой — вот юная девушка его собственного горного племени, его рода и касты, знающая все то, что являлось главной утехой всей его жизни, остерегается его — и он не может позволить себе потянуться к ней ни телом, ни сознанием. Ему показалось, что он расплачется. Крепко сжав зубы, он пошел вслед за девушками. Больше он не произнес ни слова.

Альдаран принял их в зале для аудиенций, вернее в маленькой приятной комнате в нижней части замка. Он обнял Сторна, назвал его кузеном, по праву родича поцеловал в лоб Меллиту, предложил им вино и сласти, заставил сесть рядом с собой, лишь затем спросил, что привело их сюда.

— Очень долго ваши родичи не посещали Альдаран, выживете в Высоких Ветрах одинокие, как орлы в своих гнездах. Около года назад мне пришла в голову мысль, что я пренебрегаю долгом родственника и обязан поехать в Сторн, в горах сейчас неспокойно, никому из нас не следует оставаться в стороне. От этого зависит будущее нашего мира. Но об этом позже, если это будет вам интересно. Скажи мне, что привело тебя в Альдаран? Чем могу я помочь тебе?

Он слушал их рассказ в молчании с мрачным лицом.

Когда они закончили, он произнес с глубоким сожалением:

— Позор мне, что я не предложил вам помощь ранее, чтобы предотвратить случившееся. Поэтому сейчас, когда это случилось, я бессилен помочь вам. У меня здесь нет дружины уже более тридцати лет. Сторн, я храню мир и пытаюсь предотвратить вражду и набеги способами другими, чем оборона. Нет, горян слишком долго раздирают маленькие войны и кровная вражда, мы позволили себе скатиться до варварского состояния.

— У меня тоже не было дружины, и я тоже хотел мира, горько сказал Сторн. — И все, что я приобрел — это Брайната у собственных ворот.

— У меня здесь находятся земляне, и они вооружены инопланетным оружием, — сказал Альдаран. — Одного-двух раз хватит, чтобы заставить всех любителей насилия оставить вас в покое.

— Оружие?! Силовое оружие? Но как же Договор? — ахнула Меллита в ужасе. Закон, запрещавший в этом мире использование оружия, кроме рунного, почитался больше запрещения похи-

щать чужое тело. Альдаран спокойно произнес:

— Этот закон обрек нас на глупые войны, вражду, убийства и террор. Нам нужны новые законы, а не глупое преклонение перед старыми. Я нарушил дарковерский Кодекс, в результате мою семью Хастуры и Комины держат в страхе, но здесь у нас мир, и разбойники не ждут под дверью, пока старик ослабеет, чтобы его можно было убрать и сесть на его место, будто лучший воин является и лучшим человеком. Закон грубой силы лишь власть грубых.

— А другие миры, насколько я знаю, — произнесла Меллита, — поняли, что безудержная смена вооружений ведет лишь к бесконечной погоне за лучшими образцами оружия и к катастрофе, способной уничтожить не только людей, но и весь мир!

— Пусть даже это правда, — сказал Альдаран, — и все же, посмотрим, что происходит с Дарковером под властью Земли? Что мы делаем? Мы отказываемся от их технологии, их оружия, настойчиво избегаем настоящих контактов. С Века Хаоса, потеряв собственную технологию, не считая того немногого, что находится в руках Коминов, мы скатываемся все дальше в варварство! В долинах Семь Областей правят так, словно ко-

рабли никогда не поднимались в космос! А здесь, в горах, мы позволяем бандитам угрожать нам лишь потому, что боимся бороться с ними. Кто-то должен был разрушить этот тупик, и я пытаюсь сделать это. Я заключил договор с Землянами, они обучают нас своим способам защиты, а я учу их нашим. И, как результат, поколение мира и свободы от случайных набегов. Обучившись мыслить как земляне — что все на свете можно измерить и оценить, я переоценил много из нашего древнего дарковерского искусства. Но не нужно думать, будто мы обрекли себя на то, чтобы стать частью Земли. Например, я научился тренировать телепатов для работы с матрицами без старых суеверных ритуалов, никто из Коминов даже не пробовал этого. И в результате… — но хватит об этом. Я вижу, вы сейчас не настроены думать об абстрактных идеях, прогрессе науки и культуры.

— Но все эти красивые слова означают, — проговорил Сторн горько, — что моя сестра и брат, и все мои люди должны остаться в руках бандитов только потому, что вы предпочитаете не ввязываться в кровную вражду.

— Мой милый мальчик, — Альдаран выглядел усталым, — помоги мне Бог, если бы я мог

сделать хоть что-то, я забыл бы все свои этические принципы и пришел бы к вам на помощь — кровное родство не вино из горных ягод! Но у меня нет воинов, мало оружия и совсем нет того, что можно было бы передвинуть через горы. — Сторн понял, что горе его искреннее. Альдаран продолжал, — настали плохие времена, Сторн, культура никогда не менялась безболезненно, и тебе просто не повезло. Но наберись мужества, ты жив и невредим, здесь твоя сестра, и поверь мне, вас примут здесь как родных. Это ваш дом с этой минуты. Пусть покарают меня Боги, если с этого дня я не стану вашим отцом.

— А моя сестра, мой брат? Мои люди?

— Возможно однажды мы сумеем помочь им. Когда-нибудь всех этих бандитов придется стереть с лица земли, но сейчас у нас нет для этого ни сил, ни возможности.

Он мягко отослал их: — Обдумай это. Позволь мне сделать для вас то, что я могу. Но вы не должны жертвовать своими жизнями. Или ты думаешь, что вашим людям станет легче, если вы разделите их судьбу теперь, когда вы спасены?

Когда они вышли от Альдарана, Сторн не знал, что делать. Возможно то, что сказал Альдаран, было разумным по большому счету, в истории

Дарковера, в анналах мира. Но ему был важен другой, малый счет: его люди, его собственная история. Принять отдаленный взгляд на ход событий — значит очерстветь к тому, сколько от него страдает людей.

Если бы он не надеялся на внешнюю помощь, он с радостью бы отослал Меллиту в безопасное место, даже если больше ничего нельзя было спасти, и был бы счастлив, что здесь для нее нашелся дом. Но сейчас, когда он надеялся на большее, происшедшее казалось ему полным крахом.

Он слышал как Дезидерия сказала Меллите:

— Что-то привлекает меня в твоем брате — я не знаю, не то, чтобы мне нравилась его внешность, это что-то другое — жаль, что я не могу помочь вам. Я могу многое, и в древние времена сила обученных телепатов могла противостоять нашествиям и вторжениям. Но не в одиночку.

Меллита сказала:

— Ты не думай, что мы неблагодарно отнеслись к доброй воле твоего опекуна, Дезидерия. Но мы должны вернуться в Сторн, даже если все, что мы сможем — это разделить судьбу тех, кто остался там. Но мы не сделаем этого, пока окончательно не исчезнут все надежды, даже если нам придется поднять крестьян с вилами и племя горных

кузнецов!

Дезидерия резко остановилась посреди зала и произнесла:

— Племя кузнецов из Хеллеров? Ты имеешь в виду тот древний народ, поклонявшийся богине Шарре?

— Конечно. Но их алтари давно остыли и заброшены.

— Тогда я сумею вам помочь! — глаза Дезидерии сияли. — Ты думаешь дело в Алтарях! Слушай, Меллита, ты знаешь, хотя бы немного, в чем заключалась моя тренировка? Ведь одна из них — мы научились высвобождать силы, связанные с Шаррой. В старые времена Шарра была одной из сил этого мира. Комины закрыли все пути к ее освобождению из-за различного рода опасностей, но нам удалось найти дорогу, небольшую, но, Меллита, если ты сможешь найти мне даже полсотни человек, когда-либо веривших в Шарру — я смогу разрушить ворота замка Сторн, я смогу сжечь заживо людей Брайната и его вместе с ними!

— Я не понимаю, — произнес Сторн, увлеченный против собственной воли, зачем нужны поклонники?

— И ты сам, я сказала бы, являешься телепатом,

Сторн! Смотри соединенные в единой мере сознания поклонников создают физическую силу, напор — эта сила, энергия, проходит через ворота из другого измерения в этот мир. Это и есть форма Огня. Я могу вызвать ее и одна, но в ней не будет энергии. У меня есть матрицы, открывающие ворота. Но те, кто когда-нибудь поклонялись…

Сторну показалось, что он знает, что она имеет в виду.

Он тоже открыл силы, которые можно было назвать, но с которыми он не мог справиться в одиночку с Брайнатом у ворот. Если бы у меня был помощник, кто-то из знающих это дело, думал он…

Он произнес: — А Альдаран позволит это?

Дезидерия казалась взрослой и уверенной в себе.

— Каждый, получивший воспитание, которое получила я, и имеющий силу, которой владею я, не должен спрашивать разрешения делать то, что ему кажется верным. Я сказала, что помогу вам, опекун мой не станет препятствовать мне — да я бы и не дала ему такого права.

— А считал тебя ребенком… — проговорил Сторн.

— Нельзя пройти через то, что вынесла я и

остаться ребенком, — сказала Дезидерия. — Она посмотрела ему в глаза и покраснела, но не отвела взгляда, когда-нибудь я разгадаю твою загадку, Лоран из Сторнов. В другой раз, а теперь сознание твое где-то не здесь, — она мимолетно коснулась его руки и отвернулась. — Не считай меня бесстыдной.

Тронутый этим вниманием Сторн ничего не ответил. Страх и неуверенность вновь охватили его. Если эти люди не боялись нарушить один из самых жестких законов Лиги Дарковера, Договор об оружии, сочтут ли они безнравственным то, что сделал он? Он не мог сказать, чувствовал ли он облегчение или глубокий шок при мысли о том, что они могли принять это как необходимость, не обращая внимания на этическую сомнительность всего этого дела.

Он отогнал от себя эти мысли. Сейчас хватало того, что Дезидерия считала, что есть возможность помочь им. Это был отчаянный и небольшой шанс, но он уже решил, что надо пробовать все, что угодно — вплоть до Шарры.

— Пойдемте в комнату, где мы с сестрами работаем, сказала она. — Нам нужно подобрать соответствующие инструменты — можете, если хотите, называть их талисманами. И если ты,

Сторн, экспериментировал с ними, то вид матричной лаборатории может заинтересовать тебя. А потом мы можем уйти хоть в тот же миг.

Она повела их по лестнице мимо ярких голубых огней в залах, которые Сторн узнал тут же, хотя видел их впервые в жизни. Это были силовые источники, предупреждающие знаки. Он владел подобными в собственном замке и экспериментировал с ними, пока не разгадал многих их секретов.

Они дали ему непроницаемое поле, защищавшее его тело и повернувшее оружие Брайната, и магнитные течения, направлявшие механических птиц, позволявших ему испытывать ощущение полета. Были и другие, с меньшей практической пользой, и он хотел задать Дезидерии множество вопросов. Но его преследовало предчувствие, ощущение уходящего времени. Меллита тоже чувствовала это, потому что озабоченно задержалась.

Он попытался улыбнуться.

— Ничего. Немного ошеломляет сознание того, что игрушки, с которыми провел детство, могут быть настоящей наукой. Время уходит…

Дезидерия отдернула занавес и прошла сквозь голубое магнетическое сияние. Меллита последо-

вала за ней. Сторн, охваченный неопределенным желанием, помедлил, а затем шагнул вперед.

Жалящий удар пронзил его, и какой-то миг Дэн Баррон, испуганный, ошарашенный смотрел, пытаясь прийти в себя, смотрел на странную обстановку матричной лаборатории, словно проснувшись от долгого кошмарного сна.

— Сторн… — рука Дезидерии коснулась его. Он собрался и улыбнулся.

— Извини. Я не привык к полям такой силы.

— Мне следовало тебя предупредить. Но если бы ты не смог пройти через него, в любом случае, у тебя не хватило бы сил помочь нам. Вот, а теперь позвольте мне найти то, что требуется.

Она щелкнула маленьким переключателем и указала на сидения: Подождите меня.

Постепенно Сторн ощутил странное дезориентирующей жужжание. Меллита смотрела на него с удивлением и страхом, но ему требовались все силы, чтобы не растаять в этом странном невидимом звуке, не исчезнуть…

Телепатический дампер. Баррон сталкивался с этим в Армиде, и тогда он был лишь потревожен им, но сейчас… сейчас…

Не оставалось времени даже закричать, вибрация заполнила весь его мозг, височные доли

и нервные узлы, создавая прорехи в сетях, держащих Баррона в подчинении, освобождая его! Он ощутил, что кружится в неопределенной голубизне, пространстве без времени — падает, исчезает, умирает — слепой, глухой, бесчувственный. Он впал в бессознательное состояние и последняя мысль его была о Меллите, остающейся в одиночестве, не о его жертве, Барроне.

Он думал о серых глазах Дезидерии и определенном ощущении ее участия и понимания, уходившей вместе с ним в ночь бессознательного, столь напоминающего смерть…

Баррон очнулся, словно вынырнул на поверхность после долгого-долгого погружения.

Черт побери, что здесь происходит?

Несколько мгновений он не мог понять, что говорил вслух. Голова болела, он узнал невидимую жужжащую вибрацию, которую Вальдир Альтон называл телепатическим дампером — и на какое-то время в этом для него сосредоточился весь мир.

Он медленно ощутил свои ноги и положение в пространстве. Казалось, много дней он двигался в кошмарном сне, все понимая, и ни на что не в силах повлиять — будто ктото другой хозяйничал в его теле, направляя его действия, а он сам

наблюдал это откуда-то издали, не в силах помешать. Внезапно он очнулся, контроль пропал, но кошмар продолжался. Девушка из того сна тоже была здесь и посмотрела на него с мягкой тревогой — его сестра? Черт побери, думал он, нет того, другого парня. Он мог припомнить почти все, что он делал и говорил, почти все, что он думал, пока Сторн командовал им. Он не изменил позы, но как-то сменился фокус. Он снова стал собой, Дэном Барроном, а не Сторном.

Он открыл рот, чтобы поднять шум, потребовать объяснений и самому кое-что обрисовать, сделать все кристально ясным, но вдруг заметил, что Меллита смотрит на него с тревогой и легким испугом. Меллита! Он не просил ее впутываться в это дело, но она была здесь и, насколько он мог судить, он является ее единственным защитником. Она была так смела, так далеко прошла в поисках помощи, и все, до нее уже рукой подать, а что случится, если я дам о себе знать?

Он не был знатоком дарковерских законов и обычаев, но, проведя со Сторном семь или восемь дней, одно он знал наверняка: по дерковерским стандартам то, что совершил Сторн считается преступлением. Ну и прекрасно, я бы убил его за это, и Бог даст, когда-нибудь это сделаю. Это свин-

ство поступать так с телом и сознанием другого человека! Но Меллита была тут не причем. Нет, пока еще придется поиграть! Молчание слишком затянулось. Меллита произнесла с растущим страхом в голосе:

— Сторн?

Он заставил себя улыбнуться, а затем понял, что это не требует усилий. Он сказал, припомнив, как говорил Сторн:

— Все в порядке, этот телепатический дампер слегка взбудоражил меня. О, это был шедевр понимания! — думал он.

Дезидерия вернулась к ним раньше, чем Меллита смогла ответить. Она принесла что-то завернутое в полоску ткани и сказала:

— Мне нужно приготовить транспорт и охрану, чтобы доставить вас в предгорья Высоких Ветров, к пещерам, куда ушло горное племя. В этом вы не сможете мне помочь, может быть, вам лучше пойти отдохнуть? Впереди у вас долгий, путь и трудные дела… — она посмотрела на Барона и быстро отвела взгляд, он смутно удивился — почему? Что за чертовщина творится с этим рыжим ребенком? Внезапно он почувствовал слабость и головокружение, и Дезидерия быстро произнесла:

— Иди с братом, Меллита, мне нужно многое обдумать. Я приду за вами к закату.

Слишком запутавшийся и слабый, чтобы что-то делать, Баррон позволил Меллите провести себя странными коридорами в комнату, в которой, он знал, он провел прошлую ночь, но которую никогда не видел наяву. Она стояла глядя на него, подавленная:

— Сторн, что произошло? Ты заболел? Ты так странно смотрел на меня, Сторн?! Лоран? — голос ее поднялся во внезапном испуге и Баррон протянул руку, чтобы успокоить ее.

— Тише, крошка… — он осознал, что произнес это на собственном языке и переключился не без труда на тот язык, на котором говорили Сторн и его сестра: — Меллита, прости, — произнес он с усилием, но глаза ее застыли на его лице в растущем ужасе и понимании.

— Телепатический дампер… — прошептала она. — Теперь я понимаю… КТО ТЫ?

Его уважение и восхищение этой девушкой внезапно еще возросло.

Случившееся могло быть самым страшным и неведомым событием всей ее жизни. Пройти так далеко, столько испытать и вот, когда помощь совсем рядом, узнать, что ее брат исчез, и она один

на один с чужим — незнакомцем, который может оказаться буйно помешанным или маньяком-убийцей, и уже почти наверняка ненормальным — и она не убегает в страхе, не зовет на помощь. Она стояла бледная, как простыня, но она стояла перед ним и спрашивала, кто он…

О, Господи, вот это девушка!

Он произнес, пытаясь успокоить ее:

— По-моему, твой брат называл тебе мое имя, но если нет — меня зовут Дэн Баррон. Хватит и просто Дэна, но лучше по-прежнему зови меня Сторном, а то кто-то из этих людей может догадаться. Ты же не хочешь, чтобы это случилось, когда ты столько перенесла?

Она произнесла, как бы не веря: — Ты хочешь сказать, что даже после того, что сделал с тобой мой брат, ты все же хочешь помочь мне?! И вернешься с нами в Сторн?

— Леди, — проговорил Баррон мрачно, вкладывая в слова больше чувства, чем когда-либо в жизни, — Сторн — единственное место на этой проклятой планете, куда я хочу попасть больше всего на свете. Я помогу вам вышибить этих бандитов из вашего замка, чтобы иметь возможность добраться до вашего брата — а когда я доберусь до него, ему придется пожалеть, что я не Брайнат

Шрамолицый! Но против вас лично я ничего не имею. Так что, успокойтесь. Я помогу вам довести игру до конца — а мы со Сторном позже разрешим наши личные трудности. Этого достаточно?

Она улыбнулась ему, смело вздернув подбородок: — Достаточно!

13

У них был самолет.

Баррон смотрел на него, не веря собственным глазам. Он готов был поклясться, что на Дарковере мало наземного транспорта, абсолютно никакого топлива для него не экспортировалось из Зоны, и он никогда не слышал, чтобы его продавали Дарковеру, если не касаться Торгового Города.

Но вот он стоял, откровенно Имперского производства. Поднявшись на него, он понял, что все управление выкинуто.

На месте центральной панели торчал один из голубых кристаллов. Дезидерия заняла место перед ним, более обычного похожая на ребенка, и Баррон чуть не сказал: «Ой, ты собираешься управлять этой штукой?» Но он удержался. Девочка похоже, знала, что делала, и после всего, что он увидел на Дарковере, его уже ничто не могло удивить. Технология, способная подменить чужое сознание, стоит того, чтобы с ней считаться. Он начал сомневаться, разбирался ли хоть кто-то из землян в Дарковере.

Меллита боялась подниматься в это странное устройство, пока Дезидерия не успокоила и не переубедила, а затем с таким видом, словно она вручает жизнь в их руки, она взобралась по лесенке, стараясь не показать страха.

Странный аппарат поднялся в абсолютной тишине. Дезидерия поместила внутрь еще один дампер, сказав, словно извиняясь:

— Сожалею — я должна собственной волей контролировать кристалл, и не могу позволить мешаться случайным мыслям. — Баррон сделал все, что было в его силах, чтобы стерпеть вибрацию. Он начал понимать, что это такое. Если телепатия была волновой природы, то дампер являлся глушилкой, защищающей от чужих волн.

Он осознал вдруг, что думает о том, что почувствовал бы Сторн, узнав, что территорию, которую они с Меллитой с таким трудом преодолели верхом и на ногах за несколько дней, они пролетят за несколько часов. Мысли эти были крайне нежелательны. Он не хотел думать о чувствах Сторна.

Тем не менее, вера его в отсталость Дарковера сильно пошатнулась за последние несколько часов. Их отказ от оружия, не считая мечей и ножей, теперь казался скорее этически обусловленным

— и все же, у Адьдарана, похоже, тоже имелось этическое убеждение, что это повергнет их в локальные войны и вражду, в которой побеждает физическая сила.

Но разве войны не зависят от этого? Ведь нельзя считать, что чья-то правота является сильнейшим оружием? Разве вражда меж Сторном и Брайнатом разрешилась бы легче, если бы у обоих имелись ружья?

И, если это скорее этика, чем отсутствие знаний, не следует ли отсюда и то, что отсутствие транспорта, заводов и всего такого тоже может исходить скорее отсюда, а не из недостатков способностей?

Черт побери, какое мне дело до Дарковера, разве мало мне собственных проблем?

Он бросил свою работу у людей Вальдира Альтана на пожарной станции. Он, или Сторн в его теле, украл ценную верховую лошадь. Он наверняка безнадежно запятнал себя в глазах земного руководства, заставившего дать ему эту работу, и карьера его наверняка временно приостановлена.

Ему очень повезет, если его не выставят с Дарковера первым же кораблем.

Но затем ему пришло в голову, что ему не нуж-

но уезжать. Империя может не поверить в его рассказ, но Альтоны, являющиеся телепатами, наверняка поверят. И Ларри подарил ему свою дружбу, в то время как Вальдир заинтересован в его профессиональной деятельности. Возможно для него найдется работа. Он внезапно осознал, что не хочет покидать Дарковер, что он в конце концов ввязался в дела и заботы этих людей, в чьи жизни он вмешался против своей воли.

Я убил бы Сторна за это — но, черт побери, я рад, что это случилось!

Но прозрение ушло, оставив его в растерянности и замешательстве. За эти дни со Сторном он привык к обществу Меллиты. Сейчас она казалась чужой и далекой, и когда он попытался автоматически мысленно дотянуться до нее, вмешалось низкое гудение дампера, оставив ему лишь чувство тоски, одиночества и слабости.

Но он огорчился, когда полет закончился, и Дезидерия аккуратно опустила аппарат в крохотную долину, спокойно, словно планер. Она извинилась перед Меллитой за то, что не подлетела ближе к Сторну, но воздушные течения у замка были достаточно бурными, чтобы разбить любой маленький аппарат. Баррон был удивлен, увидев, что девушка ее возраста имеет понятие об

атмосферной турбуленции. О черт, у нее наверняка есть что-то особо телепатическое, должно быть она чувствует это кожей или спинным мозгом.

Баррон не имел понятия, где они находятся. Сторн, будучи слеп, никогда не видел этих мест, и память его не могла помочь Баррону. Но Меллита знала. Она взяла дело в свои руки, направив их к горной деревне, где сразу же появились дарковерцы, с восхищением приветствуя Меллиту и оказывая Дезидерии благоговейные почести, похоже, стеснявшие девушку. Баррон впервые увидел Дезидерию захваченной врасплох и даже сердитой.

— Терпеть этого не могу, — сказала она ему, и Баррон понял, что она до сих пор считает, что говорит со Сторном. — В древние времена возможно и были какие-то причины для отношения к Хранительницам как к богиням. Но теперь, когда мы знаем как тренируют их, в этом нет никакого смысла — все равно, что поклоняться хорошему кузнецу за его талант!

— Кстати о кузнецах, — сказал Баррон, — как нам добраться до этого племени?

Она бросила на него резкий взгляд, словно впервые видя, и сказала: Вам с Меллитой придется взять на себя: это, я никогда их не видела

— но потом нахмурилась. — Она произнесла шепотом, скорее самой себе, чем Баррону: — Ты изменился, Сторн. Что-то случилось… — и очень резко отвернулась.

Он забыл, что для нее он по-прежнему был Сторном. В остальном маскарад кончился, деревенские игнорировали его. Он понимал, что люди, жившие неподалеку от Высоких Ветров, наверняка знали всех Сторнов.

Он не пытался следить за разговором Меллиты с людьми.

Он был определенно лишним грузом в этом путешествии и не мог даже вообразить себе, зачем Меллита хотела, чтобы он вернулся в Сторн вместе с ней. Спустя какое-то время она вернулась к Сторну и Дезидерии и сказала:

— Они дадут лошадей и проводников до пещер племени кузнецов. Но нам придется выйти тотчас же, люди Брайната объезжают деревни каждые два-три дня — особенно после моего побега — просто чтобы удостовериться, что здесь, внизу, ничего не происходит, и если станет известно, что они помогают мне ну, я не хочу навлекать на них неприятности.

Они вышли через час. Баррон молча ехал рядом с Меллитой, не пытаясь заговорить с ней. Было

что-то успокаивающее в самом ее присутствии, но он знал, что ей не по себе в его присутствии и не рвался к ней. Достаточно было быть рядом. Он вновь позволил себе мысль о Сторне, на этот раз пожалев его — бедный человек, пройти так далеко, столько вынести и вылететь со сцены в последнем акте!

Он полагал, что Сторн, лежа в трансе высоко в старом крыле замка, если он вообще что-то чувствует — в чем Баррон сомневался — не имеет понятия, что происходит. Черт, какую худшую кару я мог бы придумать для него!

Он ехал, не обращая внимания на то, куда он едет, позволил лошади самой выбирать дорогу. В воздухе появился слабый, кисловатый запах дыма. Баррон после стольких дней, проведенных на пожарной станции, поднял голову и принюхался, но остальные ехали, не обращая внимания.

Меллита заметила его жест и придержала лошадь, чтобы быть рядом.

— Это не пожар. Мы недалеко от пещер племени кузнецов, это пламя их печей.

Они ехали по узкой тропе, поднимавшейся в самое сердце гор. Через некоторое время Баррон начал различать по сторонам от тропы темные пещеры. Из них боязливо высовывались ма-

ленькие смуглые лица. Это были небольшие мужчины, одетые в меха и кожу. Женщины в меховых плащах, стыдливо отворачивались от незнакомцев, миниатюрные ребятишки, напоминали плюшевых медведей. В конце концов они выехали к пещере, разверзшейся как огромная пасть, и тут Меллита и Дезидерия спешились, а проводники встали неподалеку, разрываясь между испугом и желанием защитить.

Трое мужчин в кожаных передниках с длинными полосами металла и молотами, пристегнутыми к поясам (такого веса, что Баррон сомневался сумеет ли он поднять такой) вышли из пещеры навстречу Меллите. За ними вывалились в испуге люди и оружили их. Трое были темными, угловатыми, коренастыми, с могучими и длинными руками. Они отвесили женщинам глубокий поклон, проигнорировав Баррона. Центральный, с белыми прядями в темных волосах, заговорил. Язык был кахуенгой, но с таким грубым и варварским акцентом, что Баррон разобрал лишь одно слово из трех. Тем не менее, он понял, что они приветствуют Меллиту и оказывают Дезидерии еще большие почести, чем в деревне.

Последовал долгий разговор. Говорила Меллита. Она говорила долго, и, казалось, очень

проникновенно, но Баррон не понял ни слова. Он очень устал и его переполнили самые дурные предчувствия, и это удерживало его от попытки дотянуться и понять беседу, как он проделал это с Ларри и Вальдиром. Откуда, черт побери, я вообще перехватил эти дурацкие телепатические способности? Из контакта ее Сторном? Затем заговорил беловолосый кузнец. Он произнес длинную распевчатую, музыкально звучащую речь ее многими поклонами. Вновь и вновь Баррон слышал слове Шарра, повторяющееся под крики и кивки низкорослого племени, собравшегося вокруг них. Наконец выкрики слились, все мужчины извлекли ножи, мечи, молотки и подбросили и; в воздух. Баррон, думая о жителях Сухого Города, вздогнул. Но Меллита стояла спокойно и бесстрашно, и он понял, что это не угроза, а одобрение.

Пошел мелкий моросящий дождик, и низкорослое племя, собравшееся вокруг, повлекло их в пещеры.

Там было свежо и просторно, тьму прорезал отчасти свет факелов, отчасти сияние прекрасных флюоресцирующих кристаллов, поставленных так, чтобы увеличить сияние факелов.

Повсюду виднелись изящно обработанные

изделия из металла, но Баррон слишком устал, чтобы рассматривать это. Когда они шли светлыми подземными коридорами, он подошел к Меллите и тихо спросил: — Почему они так кричали?

— Старейшины кузнецов согласились помочь нам, — проговорила Меллита, я, в свою очередь, обещала, что алтари Шарры в горах будут восстановлены и им снова будет разрешено беспрепятственно вернуться в старые деревни и места. Ты не устал? Я — ужасно, но как-то… она беспомощно развела руками, — это все было так долго, а сейчас близится конец — мы двинемся к Сторну за два часа до зари, чтобы к тому времени, как проснется Брайнат, окружить замок — если только успеем, — она дрогнула и двинулась, словно собираясь прижаться к нему, но гордо выпрямилась и отступила. Она произнесла, словно про себя: — Тебе это безразлично, я не могу ждать от тебя другого. Что можем мы сделать для тебя, чтобы восполнить это вмешательство в твою жизнь?

Баррон хотел сказать, что ему безразлично… — но она уже отпрянула от него и поспешила за Дезидерией.

Чудесные огни и музыка, производимая ма-

ленькими древесными лягушками и певучими сверчками, сопровождали банкет в большом низком зале. Баррон, хотя и не в силах много есть, сидел в удивлении перед серебряными блюдами — серебро в горах было доступнее стекла — и блеск красочных призрачных ламп беспрерывно играл на бледных задымленных стенах пещеры. Кузнецы пели варварские горловые песни по четырехнотной шкале со странным и непрерывным ритмом, напоминавшим грохот молотков. Но Баррон не мог наслаждаться ни пищей, ни песнями, не понимая ни слова бесконечного эпоса, и почувствовал облегчение, когда собрание прекратилось — он достаточно разбирался в их диалекте, чтобы понять, что они готовятся к раннему выезду — и один из сопровождавших провел их в комнаты, вырубленные в скале.

Баррон оказался один, он видел, что- Меллиту и Дезидерию поместили в комнате недалеко от него. В маленьком каменном помещении размером чуть больше шкафа он обнаружил комфортабельную постель из мехов на серебряной раме, перетянутой кожаными ремнями. Он лег, ожидая, что после утомительного дня уснет мгновенно. Но сна не было.

Он почувствовал себя потерянным и оди-

ноким. Возможно, он привык к постоянному присутствию Сторна и его мыслей. Меллита тоже отдалилась от него и без возможности дотронуться до нее, он был невыразимо одинок. Он понял, что изменился. Он всегда был одинок и никогда не хотел ничего другого. Немногие знакомые женщины не производили на него особого впечатления. Разрядки, которые они могли предоставить, когда приходили, быстро забывались. У него не было особого впечатления от близких друзей, только товарищи по работе. Он жил в этом мире и не знал, да и не хотел знать, насколько он отличается от Земли или любой другой планеты Империи.

Скоро это кончится, и он не знал куда ему идти. Внезапно он пожалел, что не был более отзывчив на предложенную Ларри дружбу. Но все равно, Сторн разорвал для него эту связь, и возможно, навсегда. Он не имел понятия, что такое быть другом, но он никогда не осознавал глубины своего одиночества.

Комната, казалось, распухла, отдалилась, свет мерцал.

Он ощущал, что в воздухе плавают чьи-то мысли и бьются об него, причиняя ему физическую боль. Он лежал на кровати, вцепившись в нее,

чувствуя, как комната качается, кренится и боялся упасть. Ужас охватил его — может быть, это Сторн опять тянется к его сознанию? Он мог видеть Сторна, не зная, он ли это — бледный, мягкорукий и мягколиций человек, спящий на шелковом постаменте — лицо бесстрастное, душа далеко. Затем он увидел большую белую птицу, падающую с высоты замка и кружащую со странным музыкальным и механическим криком, а потом вновь летящую ввысь с хлопаньем крыльев.

Комната дрожала и качалась, он держался за раму постели, борясь с тошнотой и неопределенностью, разрывавшими его. Он услышал собственный плач, плотно зажмурил глаза, скорчившись в позе эмбриона, и постарался перестать думать, перестать чувствовать.

Он так и не узнал, сколько времени пролежал так, сжавшись в комок, но после долгого и страшного периода он постепенно осознал, что кто-то очень тихо зовет его по имени.

— Дэн! Дэн! Это я, Меллита — все хорошо, постарайся взять меня за руку, дотронься до меня — все хорошо. Я пришла бы раньше, если бы знала…

Он сделал усилие и сжал ее пальцы. Ладонь ее казалась единственным стабильным местом в

качающейся, плывущей перспективе комнаты, и он вцепился в нее, как затерянный в пространстве человек цепляется за магнитный линь…

Он прошептал: — Извини, комната кружится…

— Я знаю. У меня такое было, это случается со всеми телепатами когда-нибудь во время их развития, но обычно в юности. Ты развиваешься поздно и оно более серьезно. Мы называем это болезнью порога. Она не опасна и не повредит тебе, хотя и страшна. Я знаю, держись за меня, все будет хорошо.

Постепенно, держась за ее пальцы, Баррон снова обрел окружающий мир.

Болезненная потеря ориентации оставалась, но Меллита была реальной, не только материальной посреди плывущего и качающегося пространства, но твердью.

— Старайся, если это еще случится, фиксировать внимание на чем-нибудь твердом, реальном.

— Ты реальна, — прошептал он. — Ты — единственная настоящая из всех, кого я знал.

— Я знаю… — голос ее был мягок. Она ближе склонилась к нему и осторожно коснулась его губ своими. Она не отстранилась и тепло ее становилось растущим островом стабильности в качающейся мгле. Баррон быстро обретал себя.

Наконец он глубоко вздохнул и заставил себя отпустить ее.

— Тебе не стоило приходить сюда, если Дезидерия обнаружит, что ты здесь…

— Что ей до этого? Она могла бы помочь тебе, она Хранительница, тренированный телепат, а я — но я забыла, ты не знаешь, как их тренируют. Хранительница — их тело и сознание полностью захвачены работой, которую они выполняют — им приходится держаться, храня себя от эмоций…она засмеялась, — кроме того, Дезидерия этого не знает, но они с моим братом…

Она замолчала. Баррон не обратил на это внимания. Дезидерия сейчас не интересовала его. Меллита прижалась к нему сильнее, единственное тепло и реальность в мире, единственное, что он любил или мог полюбить…

Тронутый до слез, он прошептал: — Подумай только, ведь я мог никогда не встретить тебя…

Меллитой, спокойный, удивляясь, что ожидало их такое, что заставило их обеих побелеть от ужаса, и Мелитта прошептала: — Во всяком случае, это шанс, — и умолкла, вцепившись в его руку.

Время странно обходило его, Баррон не знал сколько времени они поднимались бок о бок с Меллитой, но вот они стояли окутанные тенью

ворот замка. Небо над восточными пиками полиловело, и, наконец, огромный багровый диск солнца взошел над скалами. Дезидерия, оглядев жавшихся к ней низкорослых, смуглых людей, глубоко вздохнула и произнесла: — Нам нужно начать.

Меллита с опаской посмотрела вверх и проговорила дрогнувшим голосом: Я думаю, Брайнат поставил часовых. Как только они нас увидят — полетят стрелы…

— Лучше не оставлять ему шансов, — согласилась Дезидерия. — Она жестом подозвала кузнецов поближе к себе и приглушенным голосом отдала приказания, которые Баррон понял, хотя сказаны они были на этом грубом варварском диалекте.

— Стойте около меня, не двигайтесь, не говорите, только смотрите на огонь.

Озабоченная и, казалось, немного испуганная она перевела взгляд на Баррона и произнесла:

— Прости, но тебе тоже придется участвовать, хотя ты не поклонник Шарры. Если бы я поняла, что произошло, я взяла бы с собой другого тренированного телепата, Меллита недостаточно сильна. Ты — внезапно он понял, что она ни разу не назвала его по имени, ни разу не взглянула

на него за все это утро, — должен стать полюсом силы.

Баррон запротестовал, что он ничего в этом не понимает, но она резко оборвала его.

— Встань здесь между мной и остальными и представь, что собираешь всю силу их чувств и эмоций и излучаешь ее в моем направлении. Меня восемь лет учили оценивать такие вещи, и я знаю, что ты сумеешь, если не потеряешь самообладания, Тогда мы почти наверняка погибнем, поэтому не удивляйся ничему, чтобы ни произошло. Просто мысленно концентрируйся на мне. Двигаясь, словно чертик на веревочке, Баррон обнаружил, что оказался в том месте, на которое она показала, но он знал, что она не управляла им. Скорее, его воля в согласии с ее передвинула его на это место.

Она прошептала:

— Мы нашли бы друг друга. С разных концов света, с другого конца вселенной. Мы принадлежим друг другу. — А потом она прижалась к нему и он потерялся в этом ощущении, и последней его мыслью, прежде чем исчезли все мысли, было — я был чужим в своем мире, а теперь девушка из иного мира помогла мне обрести дом…

14

Они выехали за два часа до рассвета в плотном снегопаде, через некоторое время кузнецы на своих коренастых пони превратились в полярных медведей, их меховые одежды и попоны покрылись белым ковром. Баррон ехал рядом с Меллитой, но они не говорили, не нуждаясь в этом. Их новое чувство друг к другу лежало слишком глубоко для слов.

Но он ощущал ее страх — растущую озабоченность и чувство безнадежности от того, на что они посягали.

Вальдир говорил, что поклонение Шарре было запрещено очень давно, а Ларри с некоторым трудом разъяснил, что Боги на Дарковере являются физическими силами. Что может случиться? Преступление против древнего закона, должно быть, очень серьезная вещь — Меллита не из трусливых, но испугана почти до потери сознания.

Дезидерия в одиночестве возглавляла цепь. Она казалась странно маленькой, прямой и немного несчастной, и Баррон не задумываясь мог понять одиночество того, кому предстояло справиться с

этими немыслимыми силами.

После перевала, впервые увидев в вышине огромную мрачную массу замка Сторн, он осознал, что уже видел ее зрением Сторна, летавшего в странной магической сети, приковывавшей его сознание к механической птице.

Может быть, это мне снилось?

Меллита потянулась и взяла его за руку. Она проговорила срывающимся голосом:

— Вот он. Если только мы успели… Сторн, Эдрик, Аллира — живы ли они?

Варрон без слов сжал ее руки. Даже если нет, я вечно буду с тобой, любимая.

Она слабо улыбнулась, но ничего не ответила.

Кузнецы спешились и двигались невидимыми, под прикрытием тьмы и скал, вверх по дороге к большим закрытым воротам Сторна. Баррон шел меж Дезидерией и Бросив последний напряженный взгляд наверх, на пустые стены замка, она кивнула: — Меллита, разведи огонь.

Из шелкового узелка Дезидерия извлекла большой голубой кристалл. Он был с детскую ладонь величиной, со странными огоньками и блестящими полосками в глубине.

Казалось, он тает, несмотря на твердые кристаллические грани, меняя форму и цвет.

Глаза ее — серые, огромные и немного нечеловеческие, встретились с глазами Баррона через огонь, и словно нить протянулась меж ними. Он почти услышал ее мысленный голос — Помни!

Затем он ощутил позади себя интенсивное пульсирующее давление соединенное сознание племени кузнецов билось в его мозгу. Он отчаянно пытался совладать с этой новой атакой, дыхание ускорилось, лицо исказилось, прошли, казалось, века — хотя в действительности только секунды. Огонь осел, гнев, страх и отчаяние коснулись лица Дезидерии. И тогда Баррон внезапно понял — это было все равно, что схватить горсть сверкающих нитей, быстро сплести их в канат и кинуть Дезидерии. Он практически ощутил, как она подхватила его, словно большую сеть. Огонь вспыхнул вновь, ярко, наклонился, качнулся к Дезидерии…

И поглотил ее.

Баррон чуть не ахнул, и на краткий миг контакт прервался, но он вновь подхватил его. Внезапно он понял, что ему нельзя ошибаться, иначе этот странный, магический, вызванный силой мысли огонь выйдет из-под контроля и превратится в обычное пламя, которое пожрет Дезидсрию. Сжавшись в отчаянном напряжении, он ощутил

внутренний вздох всех, стоявших за ним, степень их преклонения, а огонь играл вокруг худенькой девушки, спокойно стоявшей в омывающем ее пламени. Тело ее, ее легкая одежда, свободно распущенные волосы, казалось, дрожали в огне.

Краешком сознания, где-то на границе ощущений, Баррон услышал голоса и крики сверху, со стены, но не решился поднять глаз. Он отчаянно держал связь между девушкой в огне и племенем кузнецов.

Откуда-то прилетела стрела, кто-то вскрикнул сзади, невидимая нить порвалась и исчезла, но Баррон едва почувствовал это. Он понял, не вполне сознавая, что что-то разбудило замок, что люди Брайната знают, что подверглись непонятному нападению. Но сознание его замыкалось на Дезидерии.

Пламя взметнулось ввысь, за ним последовал громкий крик сзади. Дезидерия громко вскрикнула в удивлении и страхе, а затем перед глазами Баррона ее хрупкая, одетая пламенем фигура словно стремительно выросла, набрав рост, величие, силу. Кажется не худенькая девушка, но огромная неясная фигура стояла перед ними, взметнувшись на всю высоту укреплений замка, женская по форме, с волосами язычков пламени,

развеваемых ветром, в огненных одеждах, с которых свисали пылающие золотом цепи.

Великий вздох-крик вырвался у племени кузнецов и столпившихся за ними деревенских.

— Шарра! Шарра! Пламеноволосая, огнекоронная, златоцепная. Шарра! Дитя Огня!

Огромная фигура высилась смеясь, разбросав руки и длинные пылающие локоны, в буйном ликовании. Баррон ощущал растущий напор огня, смутные мысли и эмоции поклонников, что истекали сквозь него к Дезидерии — в огненную фигуру, в Форму пламени.

Слабая мысль забилась где-то на границе сознания — не потому ли в Сухих Городах женщин заковывают в цепи?

Согласно легендам, если Шарра порвет цепь, мир погибнет в огненной вспышке… Есть старая земная поговорка: «огонь — хороший слуга, но плохой хозяин». На каждой планете знакомой с огнем имеется подобная поговорка. Ларри! Ты?! Где ты? Не здесь, я говорю с твоим сознанием. Я приду к тебе позже.

Он вновь вернулся мыслями к контакту с Дезидерией, смутно понимая, что и не терял его, и что он находится сейчас вне обычного пространства времени. Каким-то образом здесь находился и

Сторн, но Баррон отклонил эту линию, замкнув все, кроме почти видимого потока силы, истекавшего от поклонников сквозь тело его и мысли — в Форму пламени. Своим расширенным восприятием он мог заглянуть в Форму пламени — и увидеть там Дезидерию, спокойную, хрупкую и немного ликующую.

Стрелы летели в толпу выбивая людей, и они падали словно завороженные, даже не вскрикнув. Одна стрела попала в Форму пламени, взорвалась и исчезла в белой вспышке. Форма поднималась все выше и выше, когда огромная Форма Шарры протянула руки с растопыренными пальцами — пальцами, с которых стекали цепочки молний и раскаленные шары. Люди на стенах дико кричали, одежды их охватывало пламя, тела поглощал огонь.

После Баррон не мог припомнить, как долго бушевала эта странная и ужасная битва, он провел ее в мире без времени, без усталости и без сознания, ощутив ее лишь тогда, когда Брайнат, в неистовстве попытался собрать своих разбегающихся, обожженных, умирающих людей, а огромная Форма пламени одним ударом снесла укрепления замка, словно они были сделаны из сыра. Брайнат со смелостью, противостоящей

даже магии, в которую он не верил до самого конца, носился по стене вне досягаемости огня.

Откуда-то прилетела большая белая птица. Она бешено закружилась вокруг головы Брайната, он взмахнул руками, отгоняя ее, когда она подлетела ближе, целясь своим сверкающим металлическим клювом прямо в глаза, но потеряв равновесие, он зашатался, громко вскрикнул и свалился с долгим воющим воплем в бездну за замком.

Огонь уменьшился, опал. Баррон почувствовал, как силовая сеть истончилась и исчезла. Он понял, что стоит на коленях, словно физически придавленный тяжелым потоком, омывавшим его. Меллита стояла неподвижно, ошеломленно глядя вверх.

Дезидерия — теперь снова простая девушка, маленькая, хрупкая, рыжеволосая и белолицая — дрожа стояла в кольце угасающего пламени с неопаленными одеждой и волосами. Из последних сил она уронила голубой кристалл в вырез платья на груди, а затем, словно мертвая, рухнула на землю, потеряв сознание.

Над ними нависали огромные стены замка, но кроме умирающих их некому было защищать.

15

Племя кузнецов почти с благоговением подхватило Дезидерию и пронесло ее через пролом в стене во двор замка.

Они бы проделали то же и с Барроном, но он заставил их отпустить его и подошел к бледной, с дрожащими коленями Меллите. Кузнецы обошлись с мертвыми очень просто, швырнув их в глубокое ущелье, через некоторое время круги киорерии, ворон и стервятников Дарковера отметили место их последнего покоя. В энтузиазме они отправили туда же и раненых, и умирающих, но Баррон остановил их и был удивлен тем, как его слушаются. После этого он засомневался, правильно ли он поступил. Что делать теперь с этими бандитами? На Дарковере, насколько он знал, не существовало тюрем, если не считать некоего рода гауптвахт в Торговом Городе, куда запихивали остыть и поразмыслить неисправимых драчунов и буйных пьяниц. Всякий отваживающийся на более тяжкое преступление или умирал в процессе его совершения, или убивал каждого, пытавшегося ему помешать.

Возможно, Дарковеру стоило поразмыслить над наказаниями менее тяжелыми, чем смерть.

По приказу Меллиты они спустились в темницу и освободили юного Эдрика Сторна, оказавшегося к удивлению и ужасу Баррона пятнадцатилетним мальчиком. Страшные раны, полученные им в схватке, зажили, но Баррон с тревогой осознал, что шрамы останутся на всю жизнь. Мальчик приветствовал своих освободителей вежливыми словами юного короля, но затем не выдержал и беспомощно расплакался в объятиях Меллиты.

Аллиру, парализованную и сломанную ужасом — она не знала, что случилось — они обнаружили прячущейся в королевских покоях. Баррон, сформировавший из мыслей Меллиты странное представление о ней, обнаружил, что это высокая светловолосая, тихая девушка — на общий вкус более красивая, чем Меллита — и она быстро оправилась от страха. С достоинством и силой она поблагодарила помощников, а затем посвятила себя уходу за Дезидерией.

Баррон был почти парализован усталостью, но слишком напряжен, чтобы расслабиться хоть на мгновение. Он думал, что он устал и голоден, жаль, что не ожидается ничего похожего на праздничный банкет. Но в глубине души он

твердо знал, что это еще не конец. Впереди, черт возьми, осталось не меньше.

Он осознал, не веря собственным глазам, что солнце поднялось менее чем на тридцать градусов над горизонтом, вся страшная битва не продолжалась и часа.

Большая сверкающая белая птица, сделанная, похоже, из сиявшего сквозь перья драгоценного камня, низко кружила над ним и казалось вела его наверх. С Меллитой позади, вцепившейся в его руку, он поднялся по лестнице, прошел под аркой сквозь голубую дрожь магнитного поля в комнату, где стояло шелковое ложе. На нем лежало человеческое тело — спящее в трансе, или мертвое — неподвижное, как белая статуя.

Птица затрепетала над ним, внезапно щелкнула и криво свалилась на пол бесформенной грудой перьев и драгоценностей, будто сломанная механическая игрушка.

Сторн открыл невидящие глаза и сел, протянув им в приветствии ладонь.

Меллита кинулась к нему, обвила его руками за шею, смеясь и плача одновременно. Она начала что-то рассказывать ему, но он улыбнулся:

— Я видел все — глазами птицы — последнее, что я когда-либо увижу, произнес он. — Где Бар-

рон?

— Я здесь, Сторн, — сказал Баррон, ему казалось, что он должен был быть готов убить его, но теперь весь гнев его и злоба улетучились. Он несколько дней был частью этого человека. Он не мог ни ненавидеть его, ни злиться на него.

Что мог он сделать слепому, беспомощному инвалиду?

Сторн произнес тихо, словно со стыдом:

— Я обязан тебе, я обязан тебе всем. Но я пострадал — и все приму как должное.

Баррон не знал, что сказать. Он произнес грубовато:

— Чтобы разобраться с этим, время найдется, да и разбираться тебе придется не со мной.

Сторн поднялся, тяжело опершись на Меллиту, и сделал несколько неуверенных шагов. Баррон решил, что ко всему прочему он еще и калека, но Сторн уловил эти мысли и сказал: — Нет, это всего лишь слабость после долгого транса. Где Дезидерия?

— Я здесь, — раздался голос сзади, и она вышла вперед, чтобы взять его за руку.

Он произнес шепотом:

— Как хотел бы я снова увидеть твое лицо, всего лишь раз, собственными глазами… — И

вновь умолк со вздохом. У Баррона больше не было гнева, только жалость, и он понял, с крепнущей уверенностью, которая отныне больше не покидала его, что жалость эта — худшее из всех наказаний для человека, укравшего его тело и душу.

Далеко внизу прозвучал горн, и женщины кинулись к окну. Баррону не нужно было следовать за ними. Он знал, что там происходит. Прибыл Вальдир Альтон с Ларри и своими людьми. Он проехал вслед за ним половину гор и, потеряв, двинулся прямо сюда, зная, что рано или поздно, все кончится именно здесь. Баррон теперь не удивлялся тому, что маску его связали со Сторном. Ларри слишком долго находился с ним в близком контакте.

Сторн выпрямился, со спокойной совестью сильно уменьшившей жалость и восстановившей его в глазах Баррона.

— Судьба моя в руках Комина, — произнес он, словно самому себе. Пойдемте, я должен приветствовать своих гостей и судей.

— Судить тебя? Карать тебя? — говорил Вальдир несколькими часами позже, когда закончились формальности — как могу я наказать тебя сильнее, чем наказала тебя судьба, Лоран Сторн?

Лишенный свободы., зрения, ты снова слеп. Ты действительно думаешь, что лишь ради защиты несчастных жертв мы сделали то, на что ты отважился, нашим величайшим табу?

Баррону трудно было смотреть в лицо Вальдиру, теперь же, перед жестокой правдой и справедливостью он поднял взгляд и произнес: — Кстати, я должен вам лошадь.

— Оставь ее себе, — спокойно ответил Вальдир. — Ее точная копия приготовлена тебе в качестве дара по окончании твоей работы у нас. Теперь, вместо этого, я передам ее Гвину. Я знаю, что ты не можешь нести ответственность за столь внезапный отъезд и мы благодарны тебе — или Сторну — он быстро улыбнулся — за спасение станции и всех лошадей в ночь Призрачного Ветра.

Он повернулся к Дезидерии и глаза его стали еще строже. Он сказал: Ты знаешь, что мы оставили Шарру уже много веков назад?

— Да! — вспыхнула она. — Вы, Комины, готовы лишить нас как новой, земной помощи, так и старой, дарковерской!

Он покачал головой.

— Мне не нравится то, что делает Альдаран. Но мне не нравится и то, что делают некоторые мои

люди. Я не сторонник мысли, что Земля и Дарковер навсегда останутся несовместимыми силами и телами. Мы — братья, братские миры, нам стоит соединиться — а вместо этого нас объединяет вражда. Все, что я могу сказать — да помогут тебе Боги, Дезидерия — все, которых ты сумеешь найти! И ты знаешь закон. Ты вмешалась в личную вражду и разбудила телепатические способности в тех, кто не имел их. Теперь ты, и только ты ответственна за обучение твоих жертв самозащите. У тебя останется немного времени для работы в качестве Хранительницы, Дезидерия, — Сторн, Меллита и Баррон теперь под твоей ответственностью. Их следует научить пользоваться той силой, которую ты в них разбудила.

— Не только я, — произнесла она, — Сторн сам открыл ее и счастьем, а не наказанием моим будет помочь им! — Она вызывающе посмотрела на Вальдира и взяла в свои руки бледные ладони Сторна.

Ларри повернулся к Баррону, бросил взгляд на Вальдира, словно спрашивая разрешения, и произнес:

— У тебя еще осталась работа у нас. Тебе не нужно возвращаться в Зону Земли, если ты не хочешь, и прости, но я думаю, тебе теперь там

не место.

Баррон произнес: — И никогда не было, — Меллита не двинулась, но ему показалось, что она встала рядом с ним, когда он проговорил, — я всегда принадлежал этому миру.

На долю секунды он увидел странное разделенное будущее — землянин, действующий «за» и «против» Земли в этом странном, разобщенном мире, безжалостно разорванный, и все же знающий свое место. Сторн украл его тело, а взамен дал ему сердце и дом.

Он знал, что место его теперь навечно здесь, что если Сторн занимал его место, то он теперь будет занимать место Сторна, и с каждым годом все сильнее. Он будет править миром, глядя на него двойным зрением, Дарковер станет другим. Но рядом с Меллитой он не боялся ничего, это был хороший мир — его собственный!

Конец.